

Литературный Азербайджан

с 1931 года

ИЗДАЁТСЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

10

№ 7

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОЗА

Таир АЛИ. Мирза Халил и смерть. Повесть

Тахар БЕН ДЖЕЛЛУН. <i>Главы из романа «Дитя песка»</i>	87
Темур МАМЕДЗАДЕ. Волонтер. <i>Фантастический рассказ</i>	105
Зейнаб АЛИ. <i>Рассказы</i>	129
поэзия	
Саида Субхи. <i>Стихи</i>	78
Даяндур СЕВГИН. <i>Стихи</i>	98
Наталья ВОРОНИНА. <i>Стихи</i>	115
Тофик Агаев. <i>Стихи</i>	128
ПУБЛИЦИСТИКА	
Эльмира АХУНДОВА. Поборник чести	3
Айтен РУСТАМЗАДЕ. Художественный психологизм в	
произведениях Нодара Думбадзе	83
Эльмира АЛИЕВА. Азербайджан – страна мультикультурализма	100
Таира ДЖАФАРОВА. Лирика азербайджанских поэтесс	
зазвучала по-фински	102
Ширин МАНАФОВ. Домашнее насилие: позиция врачей и юристо	в 116

2019

Главный редактор – Солмаз ИБРАГИМОВА

Зам.главного редактора – Елизавета КАСУМОВА

Ответственный секретарь – Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ

 Отдел прозы
 – Надир АГАСИЕВ

 Отдел поэзии
 – Алина ТАЛЫБОВА

Отдел подписки и рекламы — Джамиля ШАРИФОВА тел: (055) 846-98-49

Литсотрудники – Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА,

Натаван ХАЛИЛОВА

Корректор – Анна КУЗЁМКИНА

Редакционная коллегия: *Почетный аксакал «Л.А.» Сиявуш МАМЕДЗАДЕ*,

Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ,

Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАЛЕ,

Эльчин ШЫХЛЫ

Литконсультант – Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве печати и информации Азербайджанской Республики Регистр. № 352

Адрес редакции:

AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53

Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Тел: 493-75-81

Сдано в печать 20.06.2019г. Бумага офсетная. Формат 70х100 1/16

Печать офсетная, 8.25 печ. л.

Тираж 400

Отпечатано в типографии «OL» NKPT MMC

Тел.: 497-36-23

Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. В публикуемые материалы редакция вносит необходимую правку.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию «OL» NKPT MMC

ИСМАИЛ ШИХЛЫ – 100

ЭЛЬМИРА АХУНДОВА

ПОБОРНИК ЧЕСТИ

- Исмаил муаллим, вы что, уже уходите? спросила я, увидев, что Исмаил Шихлы направляется к выходу.
  - Да, пойду домой, устал что-то.
- И вам неинтересно, кого изберут первым?
- Не сомневаюсь, что это будет достойная кандидатура, улыбнулся писатель.

В это время в фойе клуба имени Дзержинского, где проходил очередной съезд писателей Азербайджана, появился кто-то из оргкомитета и всполошённо спросил меня:

- Ты Исмаила Шихлы не видела?
- Да вот же он, я махнула рукой в сторону выхода. – Домой уходит.

Мой собеседник охнул и бросился вслед писателю:

– Исмаил муаллим, вернитесь! Вас в президиуме ищут.

...Примерно через час Исмаил Шихлы, совершенно неожиданно для себя и почти для всех коллег по писательскому цеху, был избран Первым секретарем Союза писателей Азербайджана. Позже мне рассказывали, что он долго не соглашался принять это предложение, отказывался под самыми различными предлогами. Однако Мирза Ибрагимов настаивал: «Я стану Председателем Союза писателей лишь на общественных началах. И только в том случае, если Первым секретарем будет Исмаил Шихлы».

Исмаил муаллим не смог пойти против воли аксакала, к которому питал безграничное уважение. Так, в июле 1981 года он вновь в качестве руководителя переступил порог писательского дома. Дважды, в середине 60-х, а затем во второй половине 70-х годов, Исмаил муаллим уже испробовал себя в начальственном кресле. Работал и секретарем Союза писателей, и главным редактором «главного» писательского журнала «Азербайджан». Однако оба раза уходил с ответственных и престижных постов по собственному желанию. Уходил сам, без всякого нажима со стороны или «сверху». И с явным облегчением возвращался учительствовать в свою «альма-матер» — АПИ имени Ленина, который окончил юношей и куда вернулся после нескольких лет, проведенных на фронте.

Мне кажется, что эти упрямые уходы с высоких должностей, которые в те времена автоматически давали человеку множество льгот и привилегий, как нельзя

лучше характеризуют Исмаила Шихлы. Никакие житейские блага и привилегии не смогли заставить его опустить хотя бы на сантиметр высочайшую нравственную планку, на которую он ориентировался в полной гармонии со своим внутренним миром. И когда пребывание в должности начинало нарушать эту гармонию, он восстанавливал ее своим уходом.

На мой взгляд, абсолютное отсутствие суетного в его характере шло от обострённого восприятия жизни. Не успех, не слава, не, тем более, должность или привилегии, а обычная земная жизнь с ее большими и маленькими человеческими радостями — вот что представляло для Исмаила муаллима единственную ценность. Этой высшей мудростью бытия его «одарила» война, по огненным дорогам которой он прошел простым солдатом. Как и все настоящие фронтовики, Исмаил Шихлы был навсегда «отравлен» войной. Она приучила его к жизни по простым и ясным правилам, когда в любую минуту может наступить смерть, небытие и, значит, нет никакого смысла суетиться, изворачиваться, что-то кому-то доказывать. Надо просто жить, воспринимая дарованные тебе годы как величайшее благо на земле, как немыслимо счастливую лотерею, выигранную тобой. Исмаил Шихлы вернулся с фронта. Вернулся, оставив позади себя могилы друзей, которым повезло меньше, чем ему. Он всегда помнил об этом. И прожил свою жизнь в соответствии с теми же идеалами нравственной чистоты, добра, мужского благородства, которые неустанно утверждал в своих замечательных книгах.

В июле 1987 года, вскоре после своего переизбрания Первым секретарем Союза писателей Азербайджана, Исмаил Шихлы покинет этот пост. Покинет добровольно. Он потребует созыва Пленума и настоит на своей отставке. Его будут долго уговаривать и товарищи по писательскому цеху, и ответственные сотрудники из ЦК, и весь президиум Союза писателей. Но он все-таки уйдет, уйдет сам и тем прервет печальную традицию, по которой почти все первые лица нашего писательского Союза уходили из особняка на улице Хагани, 25 (ныне Хагани, 53) «ногами вперед» — как ушли и Самед Вургун, и Мехти Гусейн, и Имран Касумов. Для многих подлинные причины неожиданного ухода Исмаила Шихлы с поста так и остались тайной. Поэтому я испытываю чувство своеобразной гордости при мысли о том, что Исмаил муаллим счел возможным поделиться со мной, работавшей в то время его помощником, своими горестными сомнениями. «Это правда, что вы решили уйти?» — спросила я его за несколько дней до пленума. Исмаил муаллим кивнул головой. «Но почему?»

Он немного помолчал. То, что он потом сказал, прозвучало для меня полнейшей неожиданностью.

- Я не хочу и не могу принимать участия в той грязной игре, которую затеял со страной Михаил Горбачев.
- Я с изумлением посмотрела на Исмаила муаллима. Шел 1987-й год, СССР все еще переживал эйфорию перестройки. Многие из нас были опьянены романтическими ветрами перемен, оглушены потоком некогда запретной информации, заворожены магией неслыханных в нашем обществе слов «гласность», «демократизация», «плюрализм». Поэтому обвинение в адрес Горбачева, прозвучавшее из уст Исмаила Шихлы, показалось мне абсурдным.
- Горбачев ведет страну к гибели, а народы к катастрофе, негромко продолжал Исмаил муаллим. Я вижу впереди много крови и не хочу, хотя бы чисто формально, быть в числе исполнителей этого зловещего сценария.

Тогда я восприняла его слова (буду честной перед его памятью) как консерватизм старого коммуниста, который привык к прежней жизни и не приемлет всего нового. Тогда мы все были чуточку диссидентами. Однако пройдет совсем немного времени, и живительный ветер перемен, обещанный нам в апреле 1985-го, обрушится на Азербайджан и другие республики бывшего Союза как беспощадный степной самум. Он посеет в людских душах неверие и отчуждение, он принесет смерть и страдания. И я не раз и не два вспомню пророческую мудрость слов Исмаила Шихлы, предвидевшего все эти разрушительные процессы с прозорливостью настоящего писателя.

* * *

...Почти 7 лет я проработала рядом с Исмаилом муаллимом в Союзе писателей Азербайджана. Кабинет Исмаила Шихлы находился по правую сторону от моего письменного стола, кабинет Мирзы Ибрагимова — по левую. И сегодня я жалею, что не вела никаких дневников. Хотя ведь уже тогда понимала, с какими уникальными личностями меня свела судьба, и как важно сохранить для истории живые голоса, неповторимые черты характера этих ходячих легенд отечественной словесности.

Каким остался Исмаил Шихлы в моей памяти? Мягким? Да. Иногда, пожалуй, даже чересчур мягким. Интеллигентным? Вне всякого сомнения. Демократичным и простым в общении? Все это так. И все же главное, что мне запомнилось, — это его необычайная доброжелательность и открытость. Со всеми сотрудниками Союза писателей — от ведущих консультантов до уборщицы — он общался абсолютно одинаково, не соблюдая никакой субординации. Он совершенно искренне не ощущал себя Первым секретарем, то есть человеком, облеченным властью. За все время моей работы у него референтом, он, по-моему, ни разу не вызвал меня нажатием кнопки звонка. Представляете? Если он о чем-то хотел попросить меня или второго референта, Арифу Алиеву, он вставал из-за своего стола, подходил к дверям кабинета и со стеснительной улыбкой обращался к нам. Даже редкими просьбами принести ему стаканчик чаю он обременял не нас, а старушку-уборщицу — тетю Аню.

В моей творческой судьбе Исмаил муаллим сыграл колоссальную роль. Я занималась подстрочными переводами и, как все начинающие переводчики, мечтала о более серьезной работе. Узнав о том, что я делаю подстрочники, Исмаил муаллим предложил мне перевести на русский язык свою повесть «Огненные дороги», написанную на основе фронтовых дневников. Я постаралась сделать ему добротный подстрочник, и спустя месяц он отправил перевод в Москву литератору Ольге Кожуховой для дальнейшей работы. В то время в «Воениздате» готовился к изданию сборник его военных повестей и рассказов. Однажды он пришел на работу и сказал мне, что подстрочник очень понравился Ольге Кожуховой, и она даже хочет поставить мою фамилию рядом со своей, как соавтора художественного перевода. Не скрою, услышать это мне было очень приятно, но я отказалась от лестного предложения. И все же моя фамилия появилась в том сборнике, причем трижды. Исмаил муаллим принес несколько военных рассказов и буквально настоял на том, чтобы я сделала литературный перевод. После этого я перевела еще несколько замечательных рассказов Исмаила Шихлы, которые также вошли в книги, изданные в Москве и Баку. Для начинающего переводчика, да и не только для начинающего, это был предел мечтаний. После этого мои дела резко «пошли в гору». Узнав, что художественный перевод своих произведений мне доверяет «сам» Исмаил Шихлы, многие маститые писатели стали проявлять ко мне интерес. Вскоре у меня уже было много заказов, книги с моими переводами стали выходить в различных издательствах, появилась солидная прибавка к зарплате. А спустя два-три года меня приняли в члены Союза писателей СССР. В те времена (середина 80-х годов) это было очень престижно. Всеми этими переменами в своей судьбе я во многом была обязана Исмаилу Шихлы.

Исмаил муаллим мог отдавать свои произведения на перевод лучшим литераторам в России. К примеру, его знаменитый роман «Буйная Кура» перевел замечательный русский писатель, тонкий стилист Владимир Солоухин. Однако почти все произведения Исмаила Шихлы позднего периода переводили «свои», местные переводчики – С.Мамедзаде, Э.Шарифов, И.Третьяков. Как-то он объяснил мне, почему больше не стремится работать с известными переводчиками из Москвы. «Вы вкладываете в перевод душу, вы чувствуете язык оригинала и бережно относитесь к первоисточнику, – сказал он мне однажды. – А те, что работают в Москве по подстрочникам, делают свою работу механически. Их не интересуют индивидуальность автора, его стиль, манера письма. Поэтому и переводы, выходящие из-под их пера, так обезличены». Исмаил муаллим сознательно отказался от услуг московских переводчиков, хотя сотрудничество с ними означало гарантированный выход книг в престижных издательствах России. Не секрет, что многие писатели из национальных республик потому и прибегали к услугам москвичей, чтобы те затем «пробивали» свои переводы в российских издательствах. Однако Исмаил Шихлы был не из тех писателей, которые «брали» количеством. Я, например, считаю, что если на одну чашу весов положить десяток его небольших рассказов, особенно позднего периода, то по своей художественно-эстетической ценности и глубине они перевесят тома, написанные иными нашими весьма уважаемыми классиками.

Хочу поделиться еще одним воспоминанием, которое хорошо демонстрирует ту степень демократизма, с которой Исмаил муаллим относился к своим подчиненным. Работая референтом-консультантом в Союзе писателей, я умудрилась написать кандидатскую диссертацию. И вот за несколько дней до защиты я зашла в кабинет Первого секретаря и набралась наглости пригласить его на свою защиту. Правда, это предложение было сделано из чистой вежливости, потому что на появление Исмаила Шихлы в Институте литературы имени Низами я особенно не надеялась. Однако он не только пришел, не только выступил, но и привел с собой чуть ли не всё руководство Союза писателей. Чем, откровенно говоря, здорово меня выручил. В присутствии первого секретаря Союза писателей многие профессора, члены Ученого совета, стали ласковее с пришлой диссертанткой, заметно притушив свой академический гонор...

* * *

...Исмаил Шихлы не был плодовитым писателем и не стремился, подобно некоторым своим собратьям по перу, выпускать едва ли не каждый год по новой книге. После издания в 1957 году романа «Пути расходятся» он замолчал на долгих десять лет, чтобы внезапно вспыхнуть яркой звездой на литературном небосклоне. Публикация романа «Буйная Кура» (считаю, вершинного в его творчестве) была событием и главной литературной сенсацией конца 60-х — начала 70-х годов. Этот роман, по словам известного русского писателя Анатолия Иванова, «вписал новую славную страницу в историю древней и великой азербайджанской литературы», а главный герой романа Джахандар-ага вошел в число любимейших, можно сказать, культовых художественных образов нескольких поколений азербайджанской интеллигенции. По силе и эпической мощи характеров, трагическому накалу страстей, глубине осмысления процессов, происходивших в азербайджанской деревне начала XX века, роман можно сравнить с гениальным творением великого русского писателя Михаила Шолохова — «Тихим Доном». Подобно Михаилу Шолохову, который увековечил в своих книгах колыбель русского казачества — реку Дон, Исмаил Шихлы поистине с сыновней любовью живописует в своих книгах Куру. Она — Кура неукротимая — является одним из главных действующих лиц романа, что запечатлено и в названии произведения. Ей, Куре, поверяют свои беды и горести, на ее берегах проводят они лучшие часы и дни своей жизни, в ее буйных водах завершают свой жизненный путь любимые герои Исмаила Шихлы. Позволю себе привести обширную цитату из романа, в которой описываются последние, предсмертные минуты Джахандар-аги, преследуемого казаками. В этой сцене образ Куры под пером мастера превращается в едва ли не одушевленную материю, в полноправного участника разворачивающегося перед глазами читателей трагического действа:

«Джахандар-ага не понял, успел ли выстрелить казак, или пуля, толкнувшая в грудь и странно обжегшая, прилетела со стороны. У него хватило еще силы натянуть узду и поворотить коня мордой к реке. Но Куры он уже не увидел. На ее месте оказался густой белый туман. И, словно в тумане, лениво плескалась вода, вспучивалась и поднималась, заливая берега, соединяя протоки, затопляя лес, обрыв и саму деревню и сливаясь наверху с темным дождливым небом. Весь мир погрузился в воды Куры, которые лениво и плавно сошлись над ним, серые и холодные.

Джахандар-ага хотел приподняться, но вместо этого упал на гриву коня, конь, как будто понимая, что нельзя оставаться на этом берегу и отдавать хозяина в руки преследователей, метнулся к воде, и тотчас под его копытами оказалась зияющая стометровая высота обрыва. Когда казаки выскочили на обрыв, Кура еще не совсем сомкнулась после сильного всплеска, еще можно было различить в воде что-то черное, относимое быстрым течением. Один из казаков для порядка выстрелил в это черное, похожее, скорее, на тряпку, нежели на коня и на всадника. Кура взревела с новым гневом и с новой силой, словно ее ранили в бугристую, вздыбленную спину».

Кроме прочих достоинств, Исмаил Шихлы проявил себя в этом романе незаурядным пейзажистом, с большой любовью и нежностью живописующим прекрасные в своей суровости картины родной природы.

Роман в превосходном переводе В.Солоухина выдержал множество изданий на русском языке, он пользовался большой популярностью во многих республиках Советского Союза, и эта популярность порой даже смущала Исмаила Шихлы, никогда не умевшего и не любившего, выражаясь современным языком, «пиарить» свои произведения.

* * *

Основной мотив большинства произведений Исмаила Шихлы — необходимость жить по законам чести и совести, по незыблемым нравственным заповедям, завещанным нам нашими предками. Не случайно слово «намус» («честь») — одно из наиболее часто встречающихся в лексиконе его героев.

Эпиграфом ко всем рассказам и повестям Исмаила Шихлы можно было бы вынести слова, сказанные одним из его поздних героев – гачагом Сулейманом: «Из-за чести людской я в опале оказался! Покуда жив я, никому никого не позволю бесчестить!»

Когда люди перестают жить по этим законам, когда преступают неписаные нравственные заповеди, тогда рушится мир, а народ обрекается на тяжелейшие испытания. Эта тема очень волновала писателя в последние годы жизни. С прозорливостью большого художника он сумел в художественной форме осмыслить истоки глобальных народных бед и предостеречь будущие поколения от повторения трагических ошибок отцов.

Подлинная трагедия Джаваншира, главного героя пьесы Исмаила Шихлы «Хороните мертвецов на кладбищах», начинается тогда, когда понятие «классовые интересы» заменяет для него все прочие понятия, а чувство «классовой непримиримости» лишает возможности наслаждаться житейскими чувствами и радостями — материнской привязанностью, девичьей любовью, теплом семейного очага. Ненависть способна взрастить только ненависть, она несет смерть и разрушение, она заводит человека в духовный тупик, откуда нет возврата к нормальной жизни. Таков основной нравственный урок пьесы, написанной Исмаилом Шихлы еще в начале 90-х годов и увидевшей свет рампы спустя десять лет после его ухода.

* * *

... Годы военных испытаний всё сильнее давали о себе знать. Исмаил Шихлы часто и подолгу болел. Однажды, придя на работу после очередной вынужденной отлучки, он в сердцах поделился со мной: «Знаешь, Эльмира, я иногда гневлюсь на небеса и говорю Всевышнему: Господи, зачем ты отпускаешь нам по 70, 80 лет жизни, но заставляешь проводить их в физических страданиях? По мне, прожить бы всего 50, но на одном дыхании, так, чтобы не знать дороги в кабинеты докторов». Я покачала головой и посмела с ним не согласиться. А потом, вспомнив смешную историю, связанную с Мирзой Ибрагимовым, не удержалась и прыснула.

- Чему ты смеешься? удивился Исмаил муаллим.
- А тому, что вот Мирза муаллим с вами, например, не согласен. Недавно он пришел на работу и говорит: «Господи, я сегодня такой счастливый! Я был у зубного врача, и он вырвал мне последний зуб». Понимаете? Он радовался, что больше никогда не испытает зубной боли. А если бы он вообще не знал, что такое зубная боль, разве бы так радовался?

История развеселила Исмаила Шихлы, и он потом не раз вспоминал ее...

Однако душевные муки, нравственные страдания, которые испытывал Исмаил муаллим в последние годы своей жизни, были во сто крат сильнее физической боли. К сожалению, мрачное пророчество писателя сбылось: распад СССР, вакханалия больших и малых конфликтов, море крови, трагедия десятков тысяч ни в чем не повинных людей. И, как это всегда бывает в эпоху социальных потрясений, выброс на поверхность жизни мутной человеческой пены. Пожалуй, острее всего переживал писатель девальвацию нравственных ценностей. Где-то в конце 70-х — начале 80-х годов Исмаил Шихлы создал потрясающий по художественной завершённости и глубине цикл рассказов, основанный на народных притчах и легендах. «Хлеб насущный», «Не теряйте», «Войлочник», «Сын шаха»... Во всех этих рассказах рефреном звучит мотив потери людьми Совести как тягчайшего земного преступления. «Боже вас упаси потерять меня! — заклинает своих спутников Совесть в одной из притч. — Если потеряете, уже никогда не найдете!»

В своих воспоминаниях о друге и учителе, каким для молодого начинающего писателя был его знаменитый земляк Мехти Гусейн, Исмаил муаллим приводит лю-

бопытный эпизод. Однажды в литературном объединении «День молодежи», которое действовало при Союзе писателей, обсуждали рассказ начинающего литератора. Рассказ принадлежал перу одного из товарищей Исмаила Шихлы, который накануне попросил Исмаила муаллима поддержать его во время обсуждения. Время было голодное, послевоенное, и другу позарез было нужно, чтобы этот рассказ напечатали в журнале. Ведь тогда он сможет получить немного денег и справить на них свадьбу. Словом, хотя рассказ был откровенно слабым, Исмаил Шихлы пожалел друга и похвалил его рассказ на занятиях литкружка. Правда, товарища эта ложь не спасла, потому что остальные участники объединения рассказ забраковали. После обсуждения между Мехти Гусейном, бывшим в то время главным редактором журнала «Ингилаб ве медениййет», и Исмаилом Шихлы состоялся откровенный разговор. Исмаил муаллим признался Учителю, что был вынужден покривить совестью из жалости к другу. И услышал в ответ:

– Надо, чтобы совесть была чиста. Вы ведь только входите в литературу. В литературе нечего делать с запятнанной совестью...

Это напутствие Исмаил Шихлы пронес через всю жизнь. Поэтому, когда писатель страстно отстаивает в своих книгах идеалы добра и справедливости, когда призывает не поступаться такими понятиями, как *гордость*, *самолюбие*, *честь*, *совесть*, ему веришь безоговорочно, ибо он сам всегда жил в соответствии с этими высокими принципами. «Намус гачагы» («Поборник чести») — так называется один из поздних рассказов писателя, где в образе гачага Сулеймана воплотились лучшие черты азербайджанского национального характера, столь дорогие сердцу Исмаила Шихлы. Поборник чести... Этот эпитет как нельзя более подходит для определения жизненного кредо самого писателя.

«Я убедился, что судьба человека – это его характер», – сказал однажды Александр Солженицын. Жизнь и судьба Исмаила Шихлы – прекрасный пример, доказывающий правоту этих слов. Он никогда не позволял внешним обстоятельствам, пусть даже самым экстремальным, диктовать ему свои условия. И этому принципу Исмаил муаллим следовал до последних дней жизни. Словно испытывая его силу воли, безжалостная болезнь шаг за шагом лишала Исмаила Шихлы жизненных сил. Но, даже приковав его к постели, погасив свет в глазах, Провидение не смогло отнять у писателя ясности ума и поразительной стойкости духа. И тогда оно в изумлении отступило, подчинилось его воле, позволив Исмаилу Шихлы завершить свою жизненную Оду торжествующим аккордом последнего романа. А книга с трагическим названием «Мой умерший мир» поистине стала вершиной его духовного Восхождения.

Я верю, что годы неурядиц и гражданской смуты канут в историю, как тяжкий сон, а тихий голос писателя Исмаила Шихлы будет звучать всё громче и требовательнее, обращенный к каждому из нас: «Люди, только совести не теряйте. Если потеряете, уже никогда не найдете!»

9

ТАИР АЛИ

МИРЗА ХАЛИЛ И СМЕРТЬ

Повесть

Маски скрывают лишь другие маски. Жиль Делез

1

И к серийным убийцам, и к призракам Мирза Халил относился с одинаковой степенью недоверия, и потому, увидев у входа в Диагностический центр ту самую старуху, сделал вид, что обознался. В конце концов, старуха могла быть и не та. Мало ли их, бесхозных, шатается по улицам и площадям. Но все равно стало неприятно, даже слегка страшно. И теперь, в ожидании МРТ, украдкой разглядывая грудь медсестры, он уныло размышлял о том, что жизнь, кажется, прожил неплохую. По крайней мере, совсем уж неудачной назвать ее было нельзя. Пусть и с оговорками, но все необходимые атрибуты присутствовали: дом, сын и даже обязательное дерево — если считать посаженную когда-то на даче айву. Пригладив пятерней коротко стриженные для медицинской оказии волосы, он вытянул затекшую ногу и вздохнул. Ждал Мирза Халил уже минут тридцать, но ни доктор, ни ушедшая следом за ним Сара все не возвращались.

...Конечно, айву можно было бы присовокупить лишь с натяжкой. Дурацкое дерево не прижилось. Засохло то ли в первый же год, то ли на следующий. Потом, между прочим, и дачу пришлось продать. Да что там говорить, даже просторную отцовскую квартиру, и ту не удалось сохранить! Дом снесли под новостройку...

Чувствуя на себе взгляд Мирзы Халила, медсестра оторвалась на мгновенье от прокручивания картинок на экране смартфона, подняла на него стеклянные глаза и скучающе зевнула, от этого бюст ее еще волнительнее заколыхался в треугольном разрезе голубого медицинского халатика.

Всего несколько дней назад никто бы и подумать не мог, что он окажется в кабинете этого медицинского центра, в гнетущем ожидании своей очереди на магнитнорезонансную томографию. Ведь все началось-то с совершеннейшего пустячка. Можно сказать, с нелепости, а именно, с того, что в свои шестьдесят с чем-то лет Мирза Халил - пенсионер и вдовец с уже весьма солидным стажем - нежданно-негаданно во второй раз в жизни стал отцом. Неожиданность эта приключилась с ним 21-го августа, во вторник. В половине девятого утра, еще не надев зубных протезов, он неторопливо раздумывал о том, стоит ли ему бриться сейчас или отложить это дело на потом. Выходить из дома ему, в общем-то, незачем. Тем более, что день обещал быть жарким. Солнце только всплывало из-за крыши соседней новостройки, а термометр на мобильнике уже перевалил за 24, и тюль над распахнутой настежь балконной дверью висел без всякого движения. Из визитеров в это утро ожидал он лишь мастера: безымянного талыша, подрядившегося за 350 манатов поменять мойку, положить три с половиной квадрата турецкого кафеля, и вообще – освежить кухню. Талыш, разумеется, был не совсем безымянный, и при первом знакомстве все порывался рассказать о том, как играл в молодости на аккордеоне. Но Мирза Халил не любил чужих биографий.

Ощупав еще раз лицо, Мирза Халил скорчил гримасу собственному отражению в зеркале над раковиной и отмахнулся:

- Ну его!.. потом... однако при этом машинально снял с полочки трехлетний «Филипс», полученный от сына с невесткой на шестидесятилетие, и, проверив зарядку, принялся лениво бриться. Прошло, пожалуй, не больше минуты, как он, выпячивая языком щеки, водил по ним машинкой, когда в глубине квартиры залился яростной трелью мобильный телефон. И даже сквозь монотонный стрекот «Филипса» Мирза Халил сразу же угадал, кто звонит: Сара всегда звонила в самое неподходящее время. И, как правило, по самым нелепым поводам. Сара, прошамкал Мирза Халил в трубку, почти не сдерживая раздражения, добреюсь, перезвоню... Слышишь?
- Чего это ты бреешься? подозрительно спросила сестра. Сегодня обещали сорок, смотри, не вздумай никуда выходить.
  - Никуда я не выхожу. Просто бреюсь.
  - Вот я и спрашиваю: зачем? С чего это? Опять, что ли, эта сука проходу не дает?
  - Какая еще сука?
- Да соседка твоя, чушка районская! Я женщин знаю, Мирза! Она, думаешь, просто так в этом дебильном халатике туда-сюда скачет, ляжками сверкает... Пахлаву тебе печет... «У меня, Сара-ханым, мед настоящий, с пасеки...» имитируя акцент и елейные интонации соседки, произнесла Сара.
  - Все, потом поговорим.
  - Подожди! Подожди! Мне сейчас надо... я же не за этим звонила...

Не дослушав, Мирза Халил поднес трубку к лицу, сильно щурясь, разглядел красный значок отбоя и ткнул в него пальцем. Сомнений больше не было: за последние недели зрение как-то вдруг сильно подсело. Думая об этом, он расстроился. Оставил на журнальном столике разрывающийся от надрывных звонков телефон и как был в трусах, вернулся в ванную добриваться.

Сара звонила бесконечно. По крайней мере, все время, пока он брился, жмуря в зеркале поочередно то правый, то левый глаз и убеждая себя, что зрение ослабло изза переутомления, жары, комаров, повышенной влажности, нехватки каротина, девальвации маната, еще чего-то, но рано или поздно само как-нибудь, да восстановится. В коротких паузах между звонками в открытое настежь окно со двора доносилось равнодушное к его переживаниям чириканье воробьев. Нельзя сказать, чтобы Сару он не любил. Но и нельзя было сказать, что любил. С учетом того, что родились они с разницей всего в несколько минут, она все время так или иначе присутствовала в его жизни и в самые тяжелые, и в самые удачные моменты. Так что присутствие ее было естественным, хотя и назойливым, а порой даже просто невыносимым.

Сара звонила и во время завтрака. А как только переставала, телефон начинал вибрировать от ее сердитых эсэмэсок. Не обращая на них внимания, Мирза Халил прежде, чем приступить к нехитрой яичнице с помидорами, для поправки зрения натер мелко морковь и, обрызгав лимоном, съел ее. Употреблять твердые фрукты и овощи целиком, как делал раньше, он перестал уже давно из опасения сломать протезы. Завтрак он завершил стаканом чая без сахара.

После десяти – почти вовремя – явился талыш с инструментами и подмастерьем. Стали переодеваться. От обоих при разговоре чуть тянуло гнильцой. Это было неудивительно, учитывая, что шла вторая неделя поста. Понаблюдав немного, как они отдирают от стены старый кафель, Мирза Халил захватил из холодильника бутылку минеральной и с вентилятором отправился в спальню, где со времени пере-

езда уже который год так и стояли нераспакованные коробки и чемоданы бог знает, с чем, между кое-как расставленной мебелью. В нежилой спальне всегда было чуть прохладнее. Пристроившись в пыльном кресле, он набрал Сару.

- Жену твою покойную вчера ночью видела, сразу же огорошила она его полным скорби голосом. Бедная женщина!
  - Ты из-за этого бомбила меня все утро?
- Сколько она с тобой мучилась... продолжала Сара, не меняя тона. Оттого и заболела, все же от стресса. Ничего же просто так не бывает. Бедная женщина!
- Ну да, поэтому ты ее только сукой и называла. Да «сукой» еще ничего... съязвил Мирза Халил. В кухне с грохотом что-то посыпалось.
- При чем тут это? оживилась Сара. Это разные вещи, между прочим! То, что она была сукой, я и сейчас повторю, чего мне бояться? Но это же ты ее довел...
- Понятно, рассердился Мирза Халил. Увижу ее, запрещу тебе сниться. У тебя все? Ты только из-за этого звонила?
- С тобой стало совершенно невозможно разговаривать, Мирза. Все время грубишь! Даже не замечаешь... Ты и в молодости был такой, а сейчас вообще!.. Бедный папа, он, между прочим, всегда меня жалел! воскликнула она плаксиво. Как чувствовал, что в конце концов мне придется за тобой смотреть. Ни жене твоей, Аллах упокоит ее душу, ни сыну твоему с этой его куклой оперированной, не надо будет с твоими капризами возиться, а я вот, тут, пожалуйста! Под рукой... И все на моих плечах, и все на моих нервах...
- Честное слово, Сара, не до твоих истерик! Жарко, дышать нечем, на кухне мастера работают. Если есть что-то конкретное...
- Так ты сам не даешь мне рта открыть! Все время перебиваешь! Я же не просто так звонила, я звонила, чтобы...
  - Hv?
  - ... сказать, что нашла твоего сына! выпалила она торжествующе.
- A чего его было искать? Я с ним по «вотсапу» в воскресенье разговаривал. Или в субботу.
- Э-э-э! Подожди да, Мирза! Ты дослушай. Я про одно, ты про другое! Только не перебивай. Значит, так, дай сообразить... Ты нашу Зибейду ханым помнишь? Офтальмолога? Ты должен ее помнить. Она еще к нам под новый год заходила с печеным. Вспомнил? Вы с Эльмаром пиво пили... Вспомнил или нет? Она белочки испекла, с заварным кремом? Тебе понравились...
  - И что?
- Ну как же ты не помнишь? Такая интеллигентная женщина, невысокая, с родинкой?
- A-a-a, с бородавкой на подбородке! Ну, вспомнил... И какое эта тетка ко мне имеет отношение?
- Да она тут вообще ни при чем! Я в том смысле, что она от нас ушла, понимаешь? В другую клинику. Там тоже интересно получилось, но долго рассказывать... А на ее место как раз взяли нового парня. Молоденького совсем.
  - Что дальше, Сара? раздраженно буркнул Мирза Халил.
- Так вот, он вчера в первый раз вышел на работу. Вчера же у нас был понедельник, правильно? Короче говоря, Эльмар меня с утра привез, я захожу в фойе, и ко мне подскакивает наша Сима: «Сейчас, говорит, просто обалдеешь!».
  - Почему?

- Ну и я спрашиваю ее, почему, мол? Она берет меня за руку и тащит на второй этаж знакомиться с новым офтальмологом. В общем, заводит она меня к нему...
  - То ли в кухне, то ли в ванной опять что-то уронили.
  - ...ну что за придурки!.. возмутился Мирза Халил.
- …в кабинет, я смотрю лицо знакомое. Но не просто знакомое, знаешь, как обычно бывает типа, кого-то напоминает, а тут передо мной кто-то, кого я очень хорошо знаю. Просто очень хорошо знаю! Поздоровался, представился, веселый, вежливый, и тут меня как ошпарили!..
  - Чего?
- Вылитый ты, Мирза! Одно лицо! Только молодой, тридцать лет назад! Представляешь?! Все: скулы, глаза, даже голос как у тебя!
  - Теперь ясно.
- Да что тебе ясно? Ты дальше слушай! Сима, она же его первая увидела, в бок меня толкает локтем, подмигивает. Потом уже, когда вышли, она мне говорит: так не бывает. Или клон, или сын представляешь?
  - Кто такая Сима?
- Привет, ты уже совсем в маразм впал, да подруга моя, Сима! Педиатр? Ну? Прикалываешься?
- Хорошо, допустим. Похож и похож, что дальше? Мало ли, кто на кого похож. Люди говорят, я вон, на Муссолини похож, и что из этого? Получается, что я его сын?
- Да погоди ты! Просто похож это одно. А тут даже манера говорить твоя. Все вообще твое! Ты сам увидишь не поверишь! Ты же видишь, я тебе звонить не стала. Во-первых, занята была, а потом, дай, думаю, кое-какие справки наведу для начала. Поперлась в отдел кадров, Симу подключила, а сегодня как на работу пришла, сразу взяла парня в оборот: то да се, откуда, что за семья, и что ты думаешь?
  - Ничего не думаю.
  - А зря! Что выяснилось, знаешь? Кто его мамаша?.. Угадаешь?
  - Скажи уже, наконец.

Вытянув небольшую паузу, Сара выпалила:

- Л.!
- Л.?
- Аптекарша!
- Аптекарша?
- Л., аптекарша. Типа, ты не помнишь? Да? Аптека под нашим домом... на первом этаже... Ну?
  - Подожди, вдруг осенило Мирзу Халила, а ее разве Л. звали?
  - Хватит, Мирза!

Мирза Халил усмехнулся:

- Ну и что? Что ты там опять выдумываешь?
- Только не делай из меня дуру! Ладно? Думаешь, я ничего не знала, да? Думаешь, мне соседки не докладывали, как ты за ней заезжал в обед? На перерыв? Эльмар сколько ему тогда было? 10-11? Говорит: мама, а чего дядина машина около аптеки стоит? Да я сама даже видела! Как она из аптеки выходит на угол, к проспекту, а ты к ней на своих «Жигулях» подъезжаешь. Конспираторы!
  - Не выдумывай, вяло запротестовал Мирза Халил.
- Да ну тебя! Соседка мне тогда говорит, со второго этажа, помнишь ее? Кривая? «Ой, говорит, везет нашей аптекарше. Ее бы везенье да нам! В обед ее один

гуляет, а вечером муж с работы забирает». И улыбается хитро, тварь! Я ей, конечно, ответила. Еще как! Год потом не здоровалась. Я ей говорю...

- Подожди, Сара, подожди, ты лучше про этого офтальмолога расскажи дальше. И что он?
- Какой он тебе офтальмолог? Это сын твой! Там других вариантов нет, Мирза, понимаешь?
- Да как такое может быть? Столько лет... я бы как-нибудь узнал бы? В одном городе живем.
- И как бы ты узнал? Л. что, дура, по-твоему, всем подряд рассказывать? И так натворила дел... оба натворили. А у нее семья, родственники, соседи. Да и у тебя семья была, между прочим. Забыл уже? Сын. А про мужа ее тоже забыл? Директор автобазы в Дарнагюле, дом полная чаша... Вот же шлюха!
- Да не был он никаким директором, возмутился Мирза Халил. Так, крутился вокруг.
- Ну не бедствовал же? Удивительно, как ему не настучали про ваши дела! Слушай, куда возил-то ты ее на перерыв?
- Глупости все это! Просто похож, и все тут. Конкурсы двойников проводят, что, они все родственники, что ли?
  - А вот с ним встретишься сам все увидишь!
- И как ты себе это представляешь? Приду к нему и скажу: здравствуй, сынок, мама твоя была, извиняюсь...? Так ты себе это представляешь? Ты хоть выяснила, где она сама-то, Л.? Живая, нет?
- Живая, живая, чего ей сделается. Она же лет на пять тебя моложе? Или больше? Пока ты на диванах валяешься и детективы читаешь, я уже все выяснила! Не беспокойся! Директор автобазы, значит, три года, как помер. Сара хохотнула. Хотела сказать от стыда! От инсульта. А красавица наша ничего, нянчится с внуками. Старшая дочь ее, сестра нашего офтальмолога, замужем, двое детей. Послушай, надо бы на нее тоже поглядеть! А вдруг она тоже от тебя, а?
  - Прекрати ерунду говорить! Ее дети ко мне никакого отношения не имеют...
- Чего ты в ней нашел, а? Ведь, как говорится, ни рожи, ни кожи. Худая, ноги как спички, задницы никакой. А, ну да, светлая же! Я и забыла, что у нас, понимаешь, слабость к светленьким! Все правильно! Почти блондинка. У нее же мать татарка, кажется, была, а они, знаешь, какие! Говорят, у них между ног ... прыснула Сара.
  - Хватит! рявкнул Мирза Халил.
- Короче, ничего не знаю, Мирза, поздравляю тебя с сыном! Я тебе устрою с ним встречу. Помнишь, сам говорил, что тебе пора очки менять. Говорил? Вот и повод отличный. Лучше не придумаешь. Сегодня же и договорюсь. И вообще, странный ты человек, Мирза, тебе бы радоваться, а ты в позу становишься! Был у тебя один сын, а теперь два, что плохого? Может, у этого жена получше? Да наверняка получше. Я ее фото видела видно, что девочка интеллигентная, а не эта засранка, ты уж, не обижайся, говорю, как есть. Видишь, как жизнь... Непонятно только, чего это мне твоя жена, сука, сниться начала? Сто лет не снилась, а тут?... Ей бы тебе, бессовестному, сниться полагалось...

В глубине квартиры опять что-то посыпалось. Но на этот раз звук как будто бы шел из ванной. Мирза Халил вскочил на ноги:

– Эй! Что там...! – рявкнул он, уже не сдерживаясь, но тут в глазах у него вдруг потемнело, колени предательски ослабли, и он беспомощно плюхнулся обратно в

кресло. Сара продолжала говорить в трубке. Слабость молниеносно распространилась по всему его телу. В надежде, что это сейчас вот-вот пройдет, он зажмурился, откинул отяжелевшую голову назад.

– Перезвоню... – только и успел он выдавить из себя, прежде чем потерял сознание под нарастающий грохот бьющегося кафеля.

...В душном августовском делириуме, в котором он так неожиданно оказался, было невероятно светло. До боли в глазах, Свет был резкий, физически ошутимый, как от направленной в лицо лампы, но, в то же самое время, – рыхлый по краям. Стоило ему чуть повернуться, и словно сквозь белую стену к нему проступали какието предметы. По большей части знакомые, что-то из обстановки старой квартиры. Потом уже, разумеется, он увидел жену. Правда, мельком, но еще здоровую, без этой жуткой косынки, стыдливо покрывающей облысевшую после химии голову. Она стояла как-то боком, наполовину скрытая светом-туманом, и тут Мирзе Халилу вспомнилось, что в предисловии к подаренному ему бывшем мужем Сары, доктором Мурадовым, сборнику японских детективов, было сказано, что юрэй – призраки, неясные Духи, иногда появляются, чтобы утешать живых, а иногда, наоборот, чтобы творить всякие гадости. При этом у злобных юрэй – всегда длинные волосы и может быть только один глаз на подбородке или сразу три на запястье. На иллюстрации в книге была изображена изможденная женшина в белом балахоне, лицо которой было скрыто нечесаными прядями черных волос. Мирза Халил, как это случается во сне, застыл, оцепенел, не мог пошевелиться, пока покойница медленно поворачивалась к нему лицом. Слава богу, глаза ее оказались на месте и не было ничего подозрительного на подбородке. Правда, совсем уж без эксцессов не обошлось: глядя на него поверх уродливых учительских очков, она вдруг ни с того, ни сего, приятельски подмигнула ему. Пожалуй, что никогда, ни живая, ни, тем более, мертвая, она не подмигивала ему прежде. И вообше это было на нее не похоже.

...Но думать об этом времени больше не было. Слепящий туман, в котором он пребывал все это время, стал постепенно расходиться, и сквозь него снова проступила разрозненная мебель и нераспакованные коробки с чемоданами.

Увы, разгром в ванной оказался масштабнее, чем можно было бы себе представить. Талыш разводил грязными руками, водил заскорузлым пальцем по обнажившейся стене и, тыкая им в лицо Мирзы Халила, предлагал убедиться, что вместо цемента кафель клали на сплошной песок. При этом его коротко стриженая голова причудливо мелькала в кусках разбитого зеркала на дне треснувшей раковины. В знак полного согласия с ним из коридора, как заведенный, кивал подмастерье. В конце концов, тщетно пытаясь выяснить, зачем же они все-таки полезли ковырять ванную, если договоренность была только по поводу кухни, Мирза Халил таки сорвался на матюги. От собственного голоса у него звенело и резонировало в голове, а где-то в углу правого глаза предательски появлялся и исчезал рваными кусочками все тот же слепящий свет-туман из его недавнего делириума. От этого он заводился еще больше, но на мастеров, казалось, переполняющие его эмоции не производили должного впечатления. Обдавая его желудочной гнильцой, они упрямо гнули свою линию, пеняя на предшественников, на качество стройматериалов, вмешательство потусторонних сил, и вообще утверждали, что с учетом почти не пострадавшей, на первый взгляд, дорогой нагревательной колонки «Аристон», считай, все обошлось малой кровью. В общем, ругаться с ними было бесперспективно.

Нужно было решать, что делать дальше.

- Подожди, ты хоть прилично оделся? подавшись вперед с заднего сиденья машины, Сара, придерживая пальцами очки, вытянула шею. Тенниска как будто мятая? А чего ты не надел синюю, которую я тебе подарила? Синий вообще твой цвет. И чего-то ты бледный совсем, лицо как будто осунулось. Пил, что ли, опять?
- Успокойся. Спал плохо. Не доставай меня сейчас. Голова раскалывается. Будешь доставать плюну на все и никуда не поеду.
- Испугал! фыркнула Сара. Не хочешь встретиться с сыном, мне-то что? Думаешь, больше всех надо?
- Хватит уже! рявкнул Мирза Халил, не поворачивая головы. Какой еще сын? Поехали уже!
- Вот такой сын! Представь себе, мой дорогой! Тебе, как говорится, лучше знать!.. Ну, скажи ему, скажи, что ты мне говорил! хлопнула она Эльмара по плечу.
  - Да ладно, мама! Что ты заладила, на самом деле. Едем?
  - Давай, давай уже! К одиннадцати мастера должны прийти, чтоб их...

Эльмар запустил мотор.

– A вообще-то, дядя, – сказал он весело, переводя скорость, – натворил ты дел, конечно! Парень реально твоя копия!

Мирза Халил чертыхнулся. Провожаемая взглядами дворовых старух, машина сорвалась с места и выехала прочь со двора.

Ночь накануне он действительно почти не спал.

Под аккомпанемент кондиционеров, монотонно гудящих с фасадов, солнце еще только наполовину скрылось за серыми высотками напротив, а мастера уже побросали инструменты и, не переодеваясь, ушли, чтобы поспеть к ифтару. После их ухода Мирза Халил решил было навести хоть какой-нибудь порядок. По крайней мере, вымести из коридора цементную пыль, припудрившую даже дверные ручки и зеркало в прихожей, но как-то очень уж быстро обессилел и весь взмок. В наступающих сумерках не было ни свежести, ни даже ветерка. Наоборот, влажный воздух, впитавший в себя все запахи уходящего дня, стал еще более затхлым и липким. Бросив метлу в угол балкона, он постоял недолго, тяжело облокотившись на перила и глядя на закатные всполохи в узких просветах между многоэтажками. Голова была тяжелая. Клонило в сон. «Что это, правда, со мной? Все время спать хочу...» – вяло размышлял Мирза Халил. Завалиться спать? В начале вечера? Последнее дело! Потом мучайся всю ночь. Нужно сейчас же собраться, одеться и выйти из дома. Представилось ему, что можно будет поужинать где-нибудь неспешно, с холодным пивом, потом пройтись немного ближе к набережной. Вспомнил он вдруг про свиные антрекоты в демократическом гадюшнике недалеко от Сабунчинского вокзала. Свинина хотя была и не в сезон, но зато недорого и сытно. И всего-то две станции на метро. И даже как будто бы проголодался. Отгоняя дрему, Мирза Халил тряхнул головой и поплелся с балкона назад, в затопленную душными сумерками квартиру. В коридоре, стащив с себя на ходу влажную футболку, он бросил ее в корзину с грязным бельем, а затем в гостиной, включив уже свет, стал искать банное полотенце. Но когда нашел, с ним вдруг случилось что-то, похожее на утренний приступ слабости. Точно так же закружилась голова, и все тело сделалось неуправляемым, словно тряпичным. Хорошо, что не упал, на подкосившихся ногах едва дотянул до дивана. «Давление, что ли? подумал он, захлебываясь от волнения. - Или сахар гуляет?..»

Приступ все не проходил, и ему стало страшно. Преодолевая слабость, он потянулся было к телефону, пытаясь вспомнить, как у него записана соседка по лестничной площадке — бывшая медсестра, но дотянуться так и не сумел. На лице выступила холодная испарина и в глазах стало темнеть.

– ...все от жары, – прошептал он, успокаивая себя, – сейчас пройдет...

Мирза Халил прикрыл отяжелевшие веки и через мгновенье, сам того не заметив, отключился, привалившись к пыльной спинке дивана.

- …Приснилась ему старая их квартира на Молоканке. Будто стоит он в кухне и, кажется, в одних трусах. На кухне сумрачно. Только между задернутыми шторами струится жаркий летний свет. Струится узкой полоской прямо на кухонный стол, в углу которого на подносе, расписанном под гжель, толпятся пузырьки с лекарствами, импортные таблетки, одноразовые шприцы. «Ага, разочаровано думает Мирза Халил, значит, она еще здесь». И даже во сне ему становится неловко от собственной черствости.
- Мирза? зовет она его из спальни низким, изменившимся от болезни голосом. Зовет из глубины темного коридора. Спящий на коврике пудель вздрагивает, ведет кудрявым ухом.
  - Да!
  - Ты ел что-нибудь? Там Алида должна была приготовить.
  - Поем.
  - Согрей только...
  - Не беспокойся.

Она в ответ кряхтит из темноты. Мирза Халил неприязненно глядит на эмалированную кастрюльку под крышкой на плите. Едой в кухне не пахнет. Он терпеть не может то, что готовит сестра жены: невкусно, жидко, недосолено. Как в столовой. Конечно, с учетом обстоятельств можно перетерпеть. Но она же еще и умом не блещет. Из открытой балконной двери в кухню доносятся хаотичные сигналы машин, уличный гул. Он откидывает край шторы и как есть, в трусах, выходит на раскаленный от зноя балкон, но как только переступает порог, оказывается не на балконе, а на увитой виноградником веранде их дачи. «Ни фига себе! — думает во сне Мирза Халил. — Как же так? Раньше не замечал. Очень же удобно. Никуда не надо тащиться, прямо из квартиры — на дачу!». По веранде гуляет теплый сквознячок. Ерошит виноградные листья. Щурясь, Мирза Халил по-хозяйски оглядывает полуденный абшеронский пейзаж. Ага! И белая «семерка» еще здесь, вон, стоит у железных ворот.

– Не шуми, разбудишь!.. – он с удивлением оборачивается и видит жену, живую и здоровую, без косынки. Она кормит грудью незнакомого младенца, и грудь ее – полная, круглая, с темным оформленным соском – выглядит в этот момент невероятно эротично.

Правду сказать, покойная никогда не отличалась особой красотой, даже в молодости. Ее и привлекательной-то можно было назвать лишь с натяжкой: была она какая-то скучная, невзрачная, прямо как стряпня ее сестры — ни соли, ни специй. Носила учительские очки в совковой оправе. Одевалась не очень. Чего он, спрашивается, вообще на ней женился? А еще покойная все время береглась сквозняков, простуды и женских недомоганий, и почти круглый год спала по-старушечьи — в халате, носках и теплых трусах чуть не до колен. Единственное, что было в ней хорошо — ее грудь. И формой, и размером. Белая, налитая, как говорится, с классическим профилем.

Вот и сейчас, во сне, он наклонился, вроде бы, чтобы разглядеть незнакомого младенца, но на самом деле тотчас уткнулся взглядом в ее грудь. И она, почувствовав это, зарделась, засмущалась, но не стала протестовать, а наоборот, чуть отодвинула ребенка от себя, чтобы дать ему разглядеть себя получше. У Мирзы Халила заколотилось сердце. Он протянул руку и стал медленно, кончиками пальцев, ощупывать упругую сферическую плоть. Потревоженный младенец перестал чмокать губами и открыл молочные глаза.

– Мирза! – послышался опять у него из-за спины, из-за шторы над дверью, ее далекий больной голос. – Медсестре надо сегодня заплатить. За десять уколов, слышишь?..

– Хорошо.

«Как же так? – удивился во сне Мирза Халил. – Она и тут, и там?» А потом вдруг догадался: доктор Мурадов как-то рассказывал ему о циклической природе времени. Выходило, что если оно течет не линейно, а идет по кругу, длинными циклами, то прошлое одновременно является будущим, а начало, соответственно, концом. В отличие от Мирзы Халила, его бывший зять любил иногда после коньяка порассуждать о всяческой метафизике. В данном случае это было вполне к месту.

Дальше во сне происходило что-то еще. Но запомнил Мирза Халил лишь до этого момента. А проснулся он в полнейшей темноте, прилипнув мокрой поясницей к спинке раскладного дивана, на котором обычно и спал перед телевизором. Осторожно потянув затекшую шею, он стал растерянно пялиться по сторонам, привыкая к потемкам после яркого дачного сновидения. Видимо, выключили свет, — сообразил он и беззлобно выругался, с трудом выплевывая слова из пересохшего рта:

– Вот же сукины дети!..

...Из-за отсутствия света духота казалась совсем невыносимой. Приподнявшись на локте, он глянул через спинку дивана в окно. Луны не было. Во дворе не горели даже фонари. Редкие звезды мутно отражались в слепых окнах соседних домов. Лишь за почти невидимыми крышами, где-то над проспектом и центром города, небо пульсировало глубоким неоном. Он попытался нашарить вокруг себя телефон, хотел свериться со временем, но, разумеется, не нашел его. На журнальном столике попался ему только стакан с остатками чая и распухшей долькой лимона. По одной спустив ноги на пол, Мирза Халил плавно перевел себя в вертикальное положение, сел и осторожно, как коробку с посудой, тряхнул головой. Все, вроде бы, было на месте. И даже слабость прошла. Вообще, не считая затекшей шеи, чувствовал он себя как будто ничего. Даже, можно сказать, хорошо. Хотелось только пить и есть. Сколько же он проспал?

До кухни добираться пришлось почти наощупь: в прихожей и в коридоре, выстроенные вдоль стены, стояли коробки с кафелем, инструменты и мешки с цементом. Едкий запашок потной одежды и гнильцы, висящий в неподвижном воздухе прихожей и коридора, по-прежнему выдавал недавнее присутствие мастера с подмастерьем.

Он нашел зажигалку в шкафчике над плитой, там же была и оплывшая стеариновая свеча на блюдце.

Поужинал Мирза Халил без затей: нарезал помидоры, залил их остатками белорусской сметаны, круто посолил, и пока помидоры выделяли сок, съел бутерброд с колбасой и зеленым луком. Была у него в холодильнике все еще холодная бутылка «Балтики», и даже грамм сто пятьдесят местной водки, но рисковать он не стал, а завершил ужин спокойно — минеральной водой.

Удивительное дело — в доме не было часов, и без мобильного или хотя бы телевизора определить время оказалось невозможным. Хотя, если честно, где-то среди нераспакованных вещей должны были находиться одни с маятником и боем — из приданого покойной супруги, но пользы от них сейчас все равно бы не было никакой. Вернувшись в гостиную со свечой, он нашел свежую майку, натянул ее поверх грязного тела и стал опять шарить по мебели в поисках злополучного мобильника. От свечи по стенам роились длинные тени.

Телефон нашелся рядом со стопкой детективных романов на обеденном столе, однако, увы, почти совсем без зарядки. Он лишь успел увидеть кучу пропущенных звонков — разумеется, от Сары — прежде чем экран погас и появилось мигающее изображение пустой батареи. Мирза Халил вздохнул. Сна не было ни в одном глазу. Постояв недолго с неживым мобильником в руках, он застелил диван простыней, как делал каждый вечер, привычно, одним широким движением небрежно бросил в изголовье две подушки и, посадив на переносицу очки, улегся в душном полумраке с недочитанным романом. Роман был не очень. Действие происходило в зимнем Монреале, где в парке рядом с психиатрической клиникой обнаружили женский торс. Женщина-следователь полкниги пыталась определить, кому принадлежало найденное тело. Мирзе Халилу — искушенному читателю детективов — интрига была вполне знакома: прежде чем искать преступника, следовало найти само преступление.

Взбив под голову подушки, он раскрыл книгу на закладке, пододвинул свечу поближе к краю журнального столика и, чуть наклонившись к нему сам, начал читать, но, дойдя едва лишь до середины первого абзаца, вдруг с удивлением обнаружил, что буквы по мере движения глаз по странице разрастаются, словно под увеличительным стеклом. И чем дальше, тем быстрее и больше – пока не увеличиваются до каких-то уж совершенно гротескных размеров, после чего, будто лопнув, рассыпаются перед ним мелким нечитаемым бисером. Мирза Халил обеспокоенно стащил с носа очки, оглядел их с двух сторон, подышал на них и, тщательно протерев углом майки, снова надел. Начал опять читать, вначале медленно, с опаской, не слишком вникая в содержание, а потом постепенно набирая темп. Поначалу печатные буквы струились обычным порядком, предложения плавно сменяли друг друга, но когда он благополучно добрался до конца второго абзаца, все повторилось заново. Нет! Стало хуже: он в отчаянье отвел от страницы глаза, а слова из недочитанной фразы «Она быстро села в патрульную машину и...», раздувшись, как мыльные пузыри, продолжали висеть прямо перед ним над соседним креслом, переливаясь при этом какими-то радужными цветами. Озадаченный Мирза Халил отшвырнул от себя книгу, схватил со стола свечу. В изменившемся освещении буквы быстро потускнели и пропали. Но странное ощущение их недавнего присутствия осталось.

– Поганая духота, – не слишком уверенно проворчал он, поднимаясь с дивана и, разгребая темноту правой рукой, как пловец, поплелся назад, к холодильнику, за минеральной. Во рту сделалось ужасно сухо. – Позвоню ей утром, говорит, врач хороший. Вот пусть и проверяет тогда... – отхлебнул он из бутылки и поморщился от ударивших в нос пузырьков. – В конце концов... какая разница...

«Может, с Мурадовым посоветоваться? Он всех знает... Это все не просто так...» – подумал Мирза Халил, холодея от волнения.

Точно какая-нибудь зараза! Тут уж не уснуть! Его даже стало чуть подташнивать от страха. Сгорбившись и волоча по полу босые ноги, он вернулся на диван. Проклятая книга о неопознанном торсе в Монреале дразнила его обложкой с угла

журнального столика. Как-то надо перетерпеть до утра. Добавив подушек, с трагическим выражением лица он осторожно прилег, с каждым движением все острее и явственнее ощущая бренность своего тела. Закрыл глаза. Сна по-прежнему не было и в помине. Зато перед глазами галопом неслись радужные буквы, только увеличивая панику Мирзы Халила. Мысленно прокляв «Бакэнержи», всех его управляющих и работников по отдельности, а заодно и «Самсунг», изготовивший разрядившийся некстати телефон. Мирза Халил зажмурился изо всех сил и попытался представить себе что-нибудь, чтобы отвлечься от этих отвратительных галлюцинаций. Например – Л., раз уж целый день про нее только и говорили. Однако меньше, чем через минуту мысленных усилий он с удивлением понял, что ни лица ее, ни даже каких-то отдельных черт его он не помнит напрочь! Словно их стерли из его воспоминаний. И это было странно, тем более, что память на лица у него всегда была хорошая. Профессиональная. А тут! Как он ни старался, перед глазами самым беспардонным образом мельтешили совсем другие лица. Среди них были сокурсницы, родственницы, коллеги по службе, какие-то бывшие любовницы, но никаких следов Л.! «Да что ж это такое?» – вконец отчаялся он. То, что должно было помочь ему забыться, теперь расстроило его еще больше. Не мог он просто так ее забыть! Да так основательно. Ведь встречались они, наверное, года полтора. Да какой там – целых два с плюсом, если считать с того времени, когда он только заприметил ее и начал ухаживать.

Подушка под головой взмокла от пота. Долетевший-таки до последнего этажа «сталинки» невидимый комар торжествующе запел над правым ухом. Мирза Халил со злостью хлопнул себя по щеке ладонью. Продолжая петь, комар вертикально взвился и переместился влево. В этот момент включили свет. Но он уже так и не уснул до самого утра. Вывалив на диван старые фотографии из коробки, Мирза Халил надеялся восстановить в памяти забытые эпизоды прошедшей жизни.

3

Встреча с новоиспеченным сыном как-то не заладилась с самого начала. Начать хотя бы с того, что врач сильно опоздал, и битых сорок минут Мирзе Халилу пришлось дожидаться его в кабинете сестры, возмущенно ерзая в неудобном приемном креслице. Во-вторых, Сима, вечная подруга Сары, которую Мирза Халил не переносил на дух и которую в разговорах иначе, как идиоткой, не называл, то и дело под разными предлогами водила в кабинет медперсонал с обоих этажей частного диагностического центра полюбоваться на молодого отца. Несколько раз он порывался уйти. И, пожалуй, при иных обстоятельствах непременно ушел бы, но в это утро, совершенно измученный бессонной ночью, галлюцинациями и волнением, уйти он так и не решился и продолжал ждать, сердито прихлебывая зеленый чай с лимоном.

– Ради бога, да не сиди ты с таким лицом, Мирза! Ну, опаздывает немного мальчик. Он же звонил, извинился – с машиной что-то. Смотреть на тебя страшно! – качая головой, выговаривала ему Сара, сверяясь с часами на запястье. – Да ты сам первый, кто все время опаздывает! А ты думаешь, в кого он такой пошел? Твоя генетика, в конце концов!

Играя желваками, Мирза Халил не ответил и только страдальчески посмотрел на нее тяжелым, больным взглядом.

– Ладно, ладно, молчу, все! Шуток не понимаешь? Вправду бледненький ты что-то. Персик хочешь? Порежу тебе? Или еще чаю?

Он еще более страдальчески покачал головой.

- Сказал, будет через десять минут. Ну, потерпи еще, уже столько ждали. Сара выудила из сумки большой румяный персик. Так поешь или порежу тебе?
  - Не хочу.
- Познакомитесь... веди себя как ни в чем не бывало... не стесняй мальчика. Проверит твои глаза... поговорите. Она стала нарезать персик в тарелку. Ты, главное, не молчи, прояви интерес. Слышишь...? Не каждый день сыновья находятся. А он парень хороший, сразу это видно. Не раздолбай какой-нибудь. А ведь вполне мог стать. Л., видишь, молодец, шлюха шлюхой, а дала мальчику правильное воспитание. Если подумать, тут радоваться надо, Мирза, индийское кино, честное слово!
  - Сара! не выдержал и огрызнулся Мирза Халил.
  - Не зря бедный папа говорил...
  - В открывшуюся дверь кабинета опять просунулась осветленная голова Симы:
  - Здесь!
- Что, опять? Хватит да, уже! Кого ты опять притащила? зашипела на нее Сара, показывая глазами на Мирзу Халила. Сима понимающе кивнула:
  - Я говорю, пришел он! Сюда его вести?

Сын оказался чуть ниже ростом, чуть округлее лицом, чуть уже в плечах и уже с ранним брюшком, скромно выпиравшим сквозь выглаженную тенниску. Мирзе Халилу он сразу же не понравился. В то время, как Сара, ее назойливая подружка и все прочие, пялившиеся на них самым беспардонным образом в распахнутую настежь дверь кабинета, замирая от удивления, сравнивали их, он не увидел в офтальмологе решительно никакой схожести с собой. В какой-то момент ему даже показалось, что его просто дурачат. В конце концов, за шестьдесят с лишним лет он успел хорошо изучить и запомнить свое лицо. И, как ему казалось, в мельчайших подробностях. Он видел его по несколько раз за день: в ванной, в зеркале платяного шкафа, в трюмо покойной супруги, в зеркале в прихожей. Он брил его, как минимум, три раза в неделю, помнил наощупь! И теперь никак не мог сообразить, что могло быть общего между ним и этим головастым, худосочным врачом с лепными скулами и ранними залысинами. И почему это с того момента, как офтальмолог вошел в кабинет и был представлен Мирзе Халилу, тот все время то ли нервно, то ли растерянно улыбается и вообще выглядит как не в своей тарелке? Может, все это еще одна галлюцинация?

Как в индийском кино, сказала Сара. Раздраженно наблюдая за умильными выражениями лиц работников медицинского центра, Мирза Халил чувствовал себя участником какого-то примитивного реалити-шоу.

Однако кое в чем Сара была права: офтальмолог оказался врачом вполне добросовестным. Потратив на каждый глаз довольно много времени, он включил, наконец, в кабинете свет, ободряюще потирая ладони, улыбнулся Мирзе Халилу, после чего, подкатив на офисном кресле к столу у стены, стал быстро клацать короткими пальцами по клавиатуре компьютера, задавая по ходу вопросы. На безымянном пальце его правой руки красовался массивный обручальный перстень.

- ... Сара-ханым говорила, вы читать любите, проблем нет с чтением?
- Сынок... не подумав, начал было Мирза Халил, но растерялся, поперхнулся и, чтобы как-то исправить неловкость, принялся старательно откашливаться.
  - Может, воды?
- Все нормально! Сейчас... Я говорю, сейчас не могу читать совсем все расплывается. Вот вчера, например: начал читать, все нормально, а потом все как

будто... даже не знаю, как объяснить...буквы раздуваются, плывут, прямо как пузыри...

- Aга! почти радостно кивнул офтальмолог. Aга!.. Ясно. Головные боли? Часто голова болит? По утрам болит? Как встаете?
  - Ну, бывает.
  - Часто?
- Как сказать? Часто, наверное. В последнее время все началось. Но я уже привык как-то. Аспирин принимаю. Говорят, разжижает кровь...
- Да! Да!.. Аспирин очень хорошо. Но вы пока перестаньте его принимать. Ладно? Вот вы говорите, головная боль, а куда больше отдает: в переносицу? в затылок? Можете сказать?

Мирза Халил облизал пересохшие губы. С каждым вопросом становилось все беспокойнее, но одновременно с этим его все сильнее охватывала какая-то необъяснимая апатия. Словно происходящее уже не имело к нему никакого отношения.

- Затылок, наверное, пробубнил он и пригладил ладонью взъерошенные волосы. В кабинете без единого окна, напичканном офтальмологическим оборудованием, было прохладно. Почти бесшумно работал кондиционер.
  - Хорошо. Обмороки?
  - Что «обмороки»?
  - Ну, случается так, чтобы сознание теряли вдруг? Было такое?

Мирза Халил еще раз облизал губы.

- Вчера... как будто обморок был. Два раза. Неужели все из-за зрения? все еще с надеждой спросил Мирза Халил. Я думал, катаракта...
- Нет, нет, катаракты, слава богу, нет. Давление глазное есть. Достаточно высокое. И застойный диск зрительного нерва. Оба глаза, но особенно сильно в левом.
  - Застойный что?
- Это значит зрительный нерв поражен. Деформирован. И это из-за давления. Понимаете? Потому и зрение ухудшилось. Предметы двоятся, когда резко поворачиваете голову?
- Нет, вроде бы. Не замечал, уныло сказал Мирза Халил. И что надо делать с давлением? Какое-то лечение?

Заверещал мобильный телефон, офтальмолог перестал стучать по клавиатуре, достал из нагрудного кармана халата мобильный:

– Я тебе минут через десять перезвоню, ладно? Не могу говорить... – оторвав трубку со звучащим в ней женским голосом от уха, он ободряюще протараторил Мирзе Халилу: – Будем лечить, что же еще! Начнем с диагностики. ...Алё, я говорю, перезвоню тебе, слышишь...? ...Да, но аспирин пока прекратите принимать.

Вторым в длинном списке необходимых тестов и анализов от нового сына-офтальмолога значилось направление на МРТ.

Грудастая медсестра помогла ему устроиться на лежаке, ведущим внутрь опасно гудящего громадного полукольца, напоминающего по форме белый пластиковый бублик. От машины шло наэлектризованное, как будто бы пахнущее какой-то болезненной химией тепло, но Мирзу Халила все равно мелко трясло от озноба. Озноб начался с того самого момента, как, раздевшись до трусов, он неловко облачился в жиденький больничный халатик с женственными завязками на плечах. И вообще, в этом халатике все тело его начало непривычно ныть, постепенно, по нарастающей, каждой мышцей и каждым суставом, и даже кожа сделалась непри-

ятно чувствительной. Он и вправду наконец почувствовал себя очень больным. Укладываясь с помощью медсестры на лежак, он все время думал об этом. Ведь всего полчаса назад он был, конечно, напуган, но при этом оставался самим собой, мог сам принимать какие-то решения, соглашаться или отказываться, мог встать и уйти, в конце концов! А потом, словно перешагнув какую-то невидимую черту, превратился из Мирзы Халила в беспомощного пациента, в объект медицинского внимания, почти лишенный собственной воли и даже желаний. Теперь ему указывали, что нужно делать, помогали встать, лечь, и он послушно следовал чужим советам... Хотя, впрочем, кое-какие желания все-таки еще оставались. Во-первых, уже вытянувшись на лежаке, он вдруг почувствовал, что его страшно пучит, так, что даже остро закололо в правом боку. «Все проклятая чечевица!» – с тоской подумал Мирза Халил, вспоминая съеденный накануне суп из красной чечевицы и фрикаделек. Самое обидное, что последние несколько дней он почти ничего не ел: какой тут может быть аппетит, скажите, пожалуйста, когда такое творится! Но накануне Сара чуть ли не силком заставила его плотно поужинать. Суп, к слову говоря, был хорош. И оголодавший Мирза Халил попросил добавки, а потом еще и умял тарелку гречки с мясом. Видимо, зря. Теперь позорно урчало в животе и невыносимо пучило. А во-вторых, помогавшая ему медсестра в какой-то момент наклонилась так близко, что ее выдающийся бюст, источающий запах приторных духов, чуть не выскочив из ворота халата, томно прижался к его левому предплечью. Прикосновение это оказалось приятным и даже волнительным, так что у Мирзы Халила даже участилось сердцебиение.

– Готово! – крикнула медсестра невидимому оператору, поправляя завязки на плечах Мирзы Халила. Из ее напомаженного рта пахнуло так же, как от мастерового талыша. Она резко выпрямилась, грудь ее, подпрыгнув, закатилась обратно вглубь халата, и она бесшумно отошла куда-то в полумрак лаборатории. Гудение бублика в изголовье стало быстро нарастать.

«Тоже грехи замаливает», – с еще большим испугом резюмировал Мирза Халил.

– Старайтесь не двигаться.

Лежак пришел в движение, плавно заскользил в светящееся кольцо. Мирза Халил замер. По мере того, как усиливалось гудение машины, его знобило все сильнее. И вот уже люминесцентный свет скользнул по его закрытым векам, он затаил дыхание и, чтобы хоть как-то рассеять свой страх, стал мысленно представлять себе медсестру в каком-то темном белье, однако вышло не очень убедительно, и тут его внезапно осенило: на Л. тогда, на пляже, был купальник яркого морковного цвета. Какой-то очень дорогой и импортный. И тут она вся выплыла из памяти, почти забытая, в этом своем морковного цвета купальнике. Женщина из недолгого романа почти тридцатилетней давности.

Мирза Халил не любил чужих биографий, потому что ему вполне хватало своей. Цвет купальника был настолько вызывающим и ярким, что притягивал к себе все взгляды на полупустом песчаном пляже пансионата. По крайней мере, так в то утро казалось Мирзе Халилу. Утро было раннее, до завтрака в столовой пансионата оставался еще час с лишком, и потому пляж был не занят. Сгорбившись, не раздеваясь, Мирза Халил сидел на песке и, притворяясь, что изучает длинную отмель в полусотне метров от берега, в действительности краем глаза следил за аптекаршей.

Они только что спустились к пляжу. Все трое. Выбрали место подальше от лестницы, в короткой тени от обломка скалы. Расположились. Аптекарша, ядреная няня лет двадцати пяти с черными, как смоль, бакенбардами, и неуклюжая девочка в ро-

зовых шортах и майке. Пока аптекарша доставала из плетеной сумки пикейное одеяло и расстилала его на песке, няня, взяв ребенка на руки, доковыляла в шлепанцах до кромки воды и стала пробовать ее ногой.

– Уй! Уй! Сегодня как будто холодная, э, Ляман-ханым!

Аптекарша не ответила. Побросав сумки и шляпу на одеяло, она стояла, наверное, с минуту, наслаждаясь теплом разрастающегося над морем утреннего солнца, потом вдруг одним быстрым и точным движением стянула через голову легкое платье и предстала во всей красе в своем морковного цвета купальнике. Мирза Халил не удержался, оставил отмель в покое и повернул голову в ее сторону. Чего там говорить, даже родив ребенка, аптекарша все еще была хороша.

- В 1989 году Мирза Халил носил джинсы 32 размера (талия).
- Я говорю, Ляман-ханым, вчера вода как будто теплее, э. была. А?
- Утреннее солнце самое полезное, назидательно, с дальней ноткой раздражения ответила аптекарша и легла на живот на одеяло. Из-за больших солнечных очков было непонятно, заметила она Мирзу Халила или нет. Через несколько минут на пляже появилось русское семейство с двумя детьми и расположилось неподалеку. Они пришли только с полотенцами и сразу же побежали к воде. Щурясь, Мирза Халил снова принялся изучать отмель, через которую лениво, с длинными интервалами, перекатывались косые волны. После муторной ночи ему все еще хотелось спать. Хотелось растянуться на песке во весь рост, дать телу короткий отдых. Но спать было нельзя. Он вытянул из кармана пачку красного «Мальборо», пересчитал: в пачке оставалось еще пять сигарет. Если выкуривать по одной каждые два часа должно хватить почти до конца дня. Уже третью неделю Мирза Халил пытался бросить курить.

Накануне приступ начался в половине второго ночи. Точнее, это он проснулся в половине второго, услышав сквозь сон, как разбилось о паркет блюдце, смахнутое с тумбочки, и уж только потом короткие, приглушенные подушкой стоны жены. Он приподнялся на локтях, поглядел в сторону спальни, а затем, зевнув в душной, звенящей темноте, обреченно свесил ноги с дивана, на котором спал последние полгода.

Не надевая тапочек, Мирза Халил прошлепал в ее прохладную, освещенную болезненным светом ночника спальню.

- Опять? спросил он ее безнадежно. Колоть?
- Разбуди Алиду, просипела она, глядя на него большими желтыми глазами.
   Ты иди, спи.

Она полусидела, полулежала на подушках. Восковая, исхудавшая, почти безбровая. И вообще, по мере того, как развивалась ее болезнь, в ее чертах все отчетливее проступало что-то птичье. Стесняясь самого себя, Мирза Халил представлял себе, что она постепенно превращается в сову.

- Ничего, я сделаю.
- Тебе на работу...

Электронные часы на тумбочке показывали 1:37. Утром ему надо было ехать в Денизли искать пропавшего академика. Лицо жены опять исказила гримаса боли.

Хорошо, что свояченицу будить не пришлось. Сама проснулась на голоса. Она спала дальше по коридору, в одной комнате с их семилетним на тот момент сыном. Помогала с готовкой, по хозяйству, и хотя особа она была в целом неприятная и, кстати, с теми же птичьими чертами лица, что и у сестры, но расторопная, и к тому же собиралась учиться на медсестру.

Мирза Халил вернулся на свой диван. Однако заснуть уже не мог. Во-первых, в гостиной, где он спал, уже две недели как сгорел кондиционер. А во-вторых, чертова свояченица, курсировавшая между кухней, ванной и спальней жены, несмотря на субтильное сложение, ходила по-крестьянски тяжело, ступая на всю стопу, словно вколачивала в пол гвозди. От ее шагов мелко дребезжала посуда в буфете, а по пояснице Мирзы Халила, накрывшего голову влажной от пота подушкой, пробегала нервная дрожь. В конце концов, промаявшись не менее часа, он выбрался на балкон и, в нарушение всех собственных графиков сокращения курения, задымил сигаретой, облокотившись на перила.

После укола морфия у жены сильно упало давление. Пришлось вызывать «скорую». Так что уснуть в ту ночь так и не получилось.

И теперь Мирза Халил с неприязнью глядел на пачку «Мальборо», вполне отчетливо понимая, что дотянуть с пятью сигаретами до конца дня все-таки, скорее всего, не сможет.

- Раздеть ее?
- Только в воду пусть пока не заходит, ответила аптекарша. Просто играет на песке.

Перекатившись на бок, она села на колени:

– Иди ко мне, моя красавица... – Приняв у няни ребенка, аптекарша чмокнула его в пухлую щечку. – Садись здесь и копай...

«Заметила или нет? – думал Мирза Халил, украдкой разглядывая ее. – Хоть бы кивнула, что ли!»

Новая его соседка по пляжу, оставив мужа и детей плескаться дальше на отмели, шумно отфыркиваясь, вышла из воды и теперь, совершенно заслонив ему обзор, обтирала полотенцем свои массивные ляжки. Солнце поднималось все выше. Голова была тяжелая от недосыпания. Широко зевнув, Мирза Халил пожалел, что не захватил с собой какой-нибудь воды.

– ... слушай, не могу найти... посмотри там, в сумке...

Подложив руки под голову, он с удовольствием вытянулся на все еще прохладном песке и чуть сразу же не заснул.

- Что это у вас? Голова разболелась опять, Ляман-ханым? Все же нормально было.
- Да не знаю, вдруг схватило. Спазм. Видимо, вчера поздно легли. Неужели не взяла, а? Вот зараза!
- Здесь тоже нет, Ляман-ханым. А смотрели в косметичке? Вы обычно таблетки туда кладете.
  - Конечно, смотрела!
- A здесь...? Тоже нет. Ну, что делать, собираться тогда? Все равно скоро завтрак?
  - Не-е... зачем ребенка лишать... утреннее солнце самое полезное.
  - Тогда я схожу? В номер?
- Не надо, вздохнула аптекарша. Сама пойду. Все равно мне прилечь надо.
   Мирза Халил повернул голову набок и в просвет между ногами соседки посмотрел в сторону аптекарши и ее няни.
  - Да мигрень, говорю тебе... вчера поздно легли.
- Ай-ай-ай! зацокала няня. Все же в порядке было... Вам надо крепкий чай. А завтрак как же?

– Возьмешь Фидан и пойдешь. Я вас там встречу.

Соседка Мирзы Халила наконец закончила обтираться и села. Достала грушу. Через минуту сквозь полузакрытые веки он увидел, как аптекарша, натянув обратно через голову платье, вытряхивает из сланцев песок, надевает их на ноги, небрежно поворачивается к нему, а затем, чуть покачивая широкими бедрами, медленно идет к лестнице.

- К воде ее не пускай, слышишь?
- Да вы не беспокойтесь, Ляман-ханым. Я смотрю!
- На завтрак не опаздывайте...

Он дал ей уйти подальше. Все продолжал лежать, как ни в чем не бывало, закинув руки за голову, закрыв глаза. Дышал соленым воздухом. Соседка-славянка рядом сочно ела грушу.

Когда Мирза Халил догнал ее, она была уже почти на полпути наверх. Он пристроился рядом.

- Ты же сказал, приедешь после обеда. Что-нибудь случилось? не оборачиваясь, вполголоса спросила она.
  - Просто приехал раньше, он как бы невзначай провел рукой по ее крестцу.
- Прекрати! сквозь зубы сказала аптекарша. Совсем с ума сошел? Увидит кто-нибудь.
- Да ладно тебе. Никого же нет, глупо улыбаясь, ответил Мирза Халил и по инерции достал из кармана полупустую пачку сигарет. Завтрак во сколько?
  - Через час...
  - Ну, а чего ты тянешь тогда, давай побыстрей.

Подхватив ее сзади под локоть, он прибавил шагу, увлекая аптекаршу за собой.

– Я сейчас упаду, не видишь, я в тапочках! – капризно возмутилась она.

Вверху, на следующем пролете лестницы, показалась молодая пара. Аптекарша резко высвободила локоть из его руки. Тут у Мирзы Халила за спиной послышался протяжный женский крик. Приглушенный расстоянием, он доносился со стороны пляжа длинными обрывками, но довольно отчетливо. Мирза Халил, не останавливаясь, обернулся.

– Что это? – тревожно спросила аптекарша.

Крик повторился. Следом послышались возбужденные голоса.

- Ой, мамочки! воскликнула аптекарша и, отталкивая Мирзу Халила, бросилась вниз по ступеням.
- Куда ты? воскликнул он растерянно, но затем, сообразив, припустил за ней следом. По пути вниз он подобрал слетевший с ее ноги сланец с желтой пластмассовой ромашкой.

Утопленницу пришлось тащить с дальней отмели, куда ее прибило течением. Первым ее углядел коротко стриженый коренастый парень в зеленых плавках. Точнее, сначала он углядел вьющихся над нею чаек. К появлению Мирзы Халила утопленницу уже успели выволочь на берег и окружить плотным кольцом. Пробивая себе дорогу плечом, он достал на ходу красную книжку следователя.

На ней были мешковатые варенки-джинсы, из которых торчали страшно распухшие голые ступни в зелено-фиолетовых разводах. Белое, словно бы замерзшее лицо с правой стороны было довольно основательно расклевано птицами. Однако, несмотря на это, черты лица все еще можно было угадать. На вид утопленнице было лет восемнадцать-двадцать. Или чуть больше.

Тот же атлетический парень, что нашел ее, стоял теперь в сторонке и, перегнувшись пополам, чертыхаясь, блевал. Кто-то уже побежал наверх звонить в милицию и «скорую».

— Эй, — рявкнул Мирза Халил через плечо, понимая, что толпа все равно вряд ли среагирует, — разойдитесь! Нечего тут вообще стоять. И детей тоже уберите! Ненормальные, что ли? Что здесь, цирк вам? Совесть имейте! Мертвая девушка... Я кому говорю?

Не разрывая кольца, люди чуть попятились назад. Мирза Халил покачал головой. Делать ему тут было особенно нечего. Утопленница и утопленница. В каждый пляжный сезон. Одна или две. Иногда и пять. Ничего особенного. Может, по пьяни полезла в воду. Хотя эта, вроде, одетая. Только без обуви. Наверное, была в шлепанцах. Упала откуда-нибудь? Помимо джинсов, на девушке была светлая кофта. Воротник-горжетка. Кофта задралась до груди, и из-под нее был виден уголок бюстгальтера.

Подстегиваемый любопытными взглядами, Мирза Халил, опустившись на одно колено, стал осматривать утопленницу. Среди комков водорослей в перепутанных волосах он заметил невидимку.

- Совсем, э, молоденькая. Что делается...
- И прилично одетая...
- Слушай, дай пройти... э-э-э! Hy! в толпу стал кто-то энергично втискиваться.
- Разойдитесь, да! Люди вы или нет! опять безнадежно рыкнул Мирза Халил.

Между стоящими над его плечом зеваками протиснулся невысокий дядька. Судя по заляпанному белому халату — скорее всего, работник пансионата.

- Ой! Ой! Бедная девочка...
- Муртуз, это она? окликнул его женский голос.
- Совсем молодая...
- Слышишь? Это сестра Сама́и?
- Нет, нет, не она, вроде, ответил мужик в заляпанном халате.
- Да куда ты лезешь...
- Точно не она? Дайте пройти, да, люди вы или нет! женщина наконец протиснулась вперед. На ней был такой же белый нечистый халат.
  - Ой! Ой! Ой! Бедная ее мать, с ума сойдет! Как изуродовали!
  - Смотреть страшно!
  - Нечего было отпускать...

Мирза Халил обернулся к плюгавому дядьке в халате:

- Ты кто вообще?
- Я? дядька чуть стушевался, провел рукой по тоненьким, будто обведенным карандашом усикам и неопределенно махнул в сторону пансионата. Да здесь работаю. На складе.

Мирза Халил поднялся с колена. Отряхнул песок с джинсов.

- Нv-ка.
- Мы пансионатские работники, начальник. Нас все знают. И он, и я, сказала женщина.
  - А ну, идите сюда оба.

Толпа расступилась, пропуская их вперед.

- Значит, девушку эту знаете? Кто она?
- Да нет, начальник! Не знаем...

- Клянусь, не знаем! Откуда? Сказали, утопленницу нашли, думали сестра Сама́и. А это не она.
  - Эту не знаем...
- Тихо говорите! прикрикнул на них Мирза Халил, а затем, подняв голову, рявкнул на толпу. А ну разошлись!

Он заметил поверх голов уходящую с пляжа с ребенком на руках аптекаршу. Следом за ней семенила няня с сумками в руках.

– В последний раз предупреждаю...Быстро разошлись! Кому говорю!

От лестницы к ним быстро ковылял по песку милиционер. Мирза Халил вспомнил его: он предъявлял ему книжку у ворот пансионата.

– Эй, сержант! – окликнул его Мирза Халил. – А ну, убери всех отсюда! Давай! Давай! По-быстрому! Цирк здесь устроили!

Сержант, не слишком разбираясь в ситуации, по инерции следуя окрику, с ходу врезался в толпу, страшно вращая глазами. Круг зевак начал распадаться.

- Так чья, говорите, сестра? Самиры?
- Сама́и, начальник.
- Значит, сколько лет ей?
- Пятнадцать, начальник, сказала уверенно женщина. Точно знаю.

Мирза Халил с сомнением посмотрел на широкие бедра утопленницы, отчетливо выпирающую сквозь мокрые джинсы.

- Пятнадцать? Выглядит-то она явно постарше. Может, восемнадцать...
- Так это же не она, начальник.
- Не она, подтвердил мужик в халате.
- А кто тогда?
- Да я же говорю, не знаем. В первый раз, как говорится, вижу, возмутился мужчина.
- Не знаем мы ее, начальник... Надо бы прикрыть ее чем-нибудь. Все-таки чьято дочь. Стыдно. Как изуродовали девочку!
- А чего мне тогда голову морочите? С чего вы вообще решили, что это чья-то сестра? Она что, пропала или что? Я имею в виду Сама́ю эту...
- Ну да! удивился мужчина. Неделю уже ищут. Или больше даже. А теперь вот эта еще. Что творится! Но это не наша, не из поселка вообще. Незнакомая.
  - Самая эта тоже пансионатская? Здесь работает?
  - Нет, нет, она в городе, в столовой.
- Это наверх. Когда снизу к туберкулезному подъезжаешь. На углу прямо. Ресторан.
- «Савалан» называется. Да какой он ресторан? Столовая. Всю жизнь столовой была, сколько себя помню...
- А девочка, между прочим, больше недели, как пропала. Десять дней точно есть, – сказала женщина уверенно.
  - И как она пропала?
- Ну, как? Пропала и все. Зашла к сестре в столовую, катык принесла. Они дома катык делают на продажу. Пошла обратно домой и все. Пропала. Вообще девочка... как говорится, того, с головой не все в порядке. Больная, короче, женщина покрутила у виска пальцем.
- Э-э-э! Да ладно тебе! Просто медленно соображает. А так здоровая, как лошадь.

- Да с приветом она! Чего ты говоришь! С шестого класса девка в школу не ходит. Тупая совсем. Потому и вежливая, что с приветом.
- Язык без костей! отмахнулся от нее мужчина, презрительно шевеля усиками.
- Последней девочку старуха и видела. И все. Пропала. Говорят, может, в машину затолкали, увезли. Сейчас чего только не услышишь...! Ужас!
  - Что за старуха еще?
  - Сигареты там продает.
  - Ладно, сказал Мирза Халил, доставая из кармана блокнотик. Сержант!
  - Слушаю!
- Ты, давай, какую-нибудь простыню сооруди оперативно, прикрой труп. Слышь? Пока «скорая» не приехала. Так, имена ваши и координаты...

Вращая глазами, сержант обвел напоследок бешеным взглядом почти рассосавшуюся толпу и, пружиня коричневыми туфлями по песку, побежал к лестнице.

Записав имена, Мирза Халил таки достал «Мальборо», вытряхнул сигарету и закурил. Солнце уже стояло довольно высоко, отчего море слепило серебряной рябью. Глотнув дыма, он опять присел на колено рядом с утопленницей. На шее у нее, под слипшимися волосами, были отчетливо видны лилово-фиолетовые следы пальцев. Как же он не заметил этого раньше? Явные следы трех пальцев и царапина. Преодолевая брезгливость, он чуть отодвинул закрученные в мокрую прядь волосы: заскорузлая царапина продолжалась к затылку. На мочке уха над золотой сережкой с красным камешком была заметна запекшаяся кровь. Видимо, мочку чуть надорвали в процессе борьбы. В отсутствие сержанта, видя вновь возникший интерес Мирзы Халила к покойнице, остатки зевак снова осмелели и, сгрудившись, стали подходить ближе. Мирза Халил, отряхнув руку, глубоко затянулся, но, из пиетета к утопленнице, отвернулся и выдохнул дым через плечо в сторону.

- В руке что-то... видно...
- Чего?
- Я говорю, у девушки, вон в руке что-то есть.

Мирза Халил смерил неприязненным взглядом подростка в длинных шортах и синей майке «Бенетон»:

– В сторону, в сторону отойдите. Сколько можно повторять?

Он наклонился ближе и пригляделся. Подросток был прав. В руках у утопленницы как будто было что-то зажато. Переместив сигарету справа налево, он чуть прикусил ее зубами и попытался разжать пальцы покойницы. Рука у нее была холодная, скрюченная и чуть распухшая от воды и разложения. Стараясь не касаться почерневших ногтей с остатками алого лака, он потянул пальцы наверх. Из руки ее на песок выкатилось что-то, что поначалу он принял за стеклянный шар. Люди у него за спиной, как по команде, громко выдохнули. Мирза Халил невольно подался назад и чуть не упал на спину. С земли на него равнодушно смотрел чей-то карий глаз.

4

О том, что без операции не обойтись, стало понятно почти сразу. Вопрос заключался лишь в том, сделать ли вначале курс или два химии, чтобы уменьшить опухоль, а уж потом — по результатам — лезть в черепную коробку, или же делать операцию немедленно, не откладывая. Чем дальше тянули с решением, тем на удивление равнодушнее становился Мирза Халил к собственной участи.

И вправду, если подумать, бояться больше было нечего. То, чего больше всего опасался он многие годы, росло у него прямо в голове.

Сара настояла на том, чтобы Мирза Халил переехал на время к ним. В прошлой своей жизни — до диагноза, он бы, разумеется, никогда на это не согласился, а теперь его даже почти не пришлось уговаривать. С каждым прошедшим днем он чувствовал себя все беспомощнее, хотя физически его состояние было таким же, как и прежде. Или даже лучше. По крайней мере, теперь он вынужденно ложился спать вовремя. Питался регулярно, по часам. Принимал лекарства. И под наблюдением Сары вечерами гулял по часу в сквере рядом с ее домом.

Наконец, назначили день операции. На вторник, четвертого сентября. К операции обещался прилететь старший сын. Но без семьи. «Старшим» его стали называть с тех пор, как Сара почти убедила всех в том, что молодой офтальмолог из медицинского центра точно внебрачный сын Мирзы Халила. По возрасту офтальмолог был младше. Старшего же, между прочим, несколько месяцев назад перевели с повышением из посольства в Юго-Восточной Азии на Ближний Восток. И теперь он был уже не консулом, а советником.

К операции «старший» не поспел.

Утром рано, в половине восьмого, Мирза Халил сидел, по-стариковски сгорбившись, на высоком табурете, уже переодетый и уже почти готовый. Сидел, покорно подставив затылок жужжащей машинке, краем глаза следя за тем, как его седые кудри пухом падают ему на колени, покрытые холодным парикмахерским фартуком, закрепленным удавкой вокруг шеи, и на голубой кафельный пол нового онкологического центра. Сара все это время стояла у него за спиной, и, хотя он не видел ее, он чувствовал на себе ее взгляд.

Накануне он лег спать рано, вроде бы, выспался, но сейчас под плавные движения машинки зевал все сильнее и заразительнее.

Наконец его обрили «под ноль». Нянечка отцепила фартук, шумно вытряхнула его на пол.

– Ну-ка? Посмотрю на тебя...слушай, ты даже как будто помолодел! Прямо лет на десять помолодел! – сказала Сара и энергично провела рукой по его обритой голове. – Повернись, я тебя сфотографирую, ну, Мирза...

Мирзе Халилу вдруг стало так страшно, что ужасно захотелось выпить. И сон как рукой сняло. Он обернулся к сестре и в приступе какой-то бессильной ярости прошипел так, чтобы не услышала медсестра:

- Чего это ты сказала, что у нее ни рожи, ни кожи...? Все у нее, между прочим, было на месте! Весь пляж на нее пялился!...
- Ай, Аллах, не удержавшись, всхлипнула Сара, все будет хорошо, мой дорогой!

И снова погладила его по обритой голове.

...Глаз был карим. С искусно имитированной радужкой. В глазу выпукло отражалось летнее небо, и плыло с северо-запада на юг единственное на весь пляж кудрявое облачко. Уже позже, в морге райцентровской больницы, помимо стеклянного глаза, в карманах утопленницы обнаружился размокший в пульпу коробок спичек, три рубля мелочью, ключ, костяшка домино 6х1 и початый пузырек нафтизина. Кроме сережки с красным камешком в одном ухе, никаких украшений на девушке больше не было. Но обо всем этом Мирза Халил, разумеется, узнает позже, во время затянувше-

гося обеда, а пока на пляже уже появились носилки, усатые санитары и несколько служителей порядка под командованием мешковатого капитана. Как и предположил Мирза Халил, книжку следователя прокуратуры показывать не пришлось: мешковатому капитану уже доложили. Он церемонно поздоровался, предложил перекурить, после чего, потоптавшись немного, стащил с головы фуражку и стал брезгливо изучать утопленницу, неодобрительно качая безволосой и темной, как баклажан, макушкой. Тело сфотографировали. Переложили на носилки. В присутствии столичного следователя прокуратуры мешковатый капитан явно чувствовал себя не в своей тарелке.

Пора было уходить.

Поднимаясь по лестнице к парковке перед пансионатом, Мирза Халил до последнего надеялся как-нибудь да увидеть Л. Но ее не оказалось ни на балконе номера на втором этаже, где на бельевой веревке неподвижно висело банное полотенце и розовое детское платьице, ни в кондиционированном фойе главного корпуса, куда он заглянул на минуту. Можно было, конечно, рискнуть и пройтись по коридору направо, до столовой, откуда заметно тянуло унылым запахом советского общепита – просто подразнить аптекаршу издалека, однако в последний момент Мирза Халил благоразумно удержался и, не спеша, снова вышел на слепящее солнце. Над асфальтом и полупустыми клумбами с гелениумами воздух уже плавился от зноя. На смотровой площадке в начале лестницы, где отдыхающим путь вниз преграждали два потеющих мента, человек десять с плетеными пляжными сумками, детьми, фруктами и надувными матрасами молча глядели на манящую полоску пляжа со все еще припаркованными там каретой «скорой помощи», милицейским «уазиком» и милицейскими же «Жигулями» с помятым крылом. Из-за солнца было трудно рассмотреть, но заднее окно «Жигуленка» было как будто изнутри неплотно задернуто какой-то голубой занавеской.

Прежде чем сесть в машину, Мирза Халил аккуратно посадил на переносицу купленные с рук солнцезащитные очки с зелеными стеклами. А когда распахнул дверцу, ему показалось, что из салона «семерки» пугающе пахнуло в лицо бензином. Усевшись на горячее сидение, он все принюхивался, по очереди опуская вниз передние стекла, и так и не определил, показалось ему это или нет, но все равно расстроился. Тенниска взмокла от пота и прилипла к спине.

– Адрес? – напомнил он самому себе и полез в бардачок, где на сложенном вдвое листке бумаги секретаршей Гюлей был напечатан не только адрес академика, но и вполне подробные инструкции о том, как лучше всего добираться до него от станции пригородной электрички. Он завел машину. В салоне как будто бы опять потянуло запахом бензина. Он покачал головой и, намеренно резко взяв с места, выехал из-под арки с названием пансионата на пустую в этот час дорогу, отделяющую розовую бетонную ограду от широкой полосы отчуждения, местами заваленной строительными отходами. За полосой начинались увитые виноградом заборы дачного поселка. Солнце осталось у него за спиной. В открытые окна сифонило горячим сквозняком. Он небрежно нажал пальцем на торчащую из магнитолы кассету, после резкого щелчка с середины песни заголосила Ажда Пекан. Напор ветра, подхватив бумагу с адресом, утащил ее в окно.

Мирза Халил смачно выругался вслед улетающей в сторону пустырей бумаге. И адрес, и направление в целом он, кажется, все-таки запомнил. Продолжая мысленно материться, он проверил себя на слух:

– ...от станции ехать все время прямо, проезжаем поселок, потом...первый поворот с трассы на улицу Веры Комиссаржевской. По Комиссаржевской – до конца.

Как назло, не запомнил он только номер самого дома. То ли двадцать восемь, то ли двадцать шесть. На месте разберемся.

Мирза Халил прибавил газу. Закончилась ограда пансионата. Между изглоданными ветрами кривыми соснами ненадолго показалась и опять исчезла полоска моря, заслоненная оградой следующего то ли пансионата, то ли санатория. Новая ограда тоже была почти розовая. Двухполосное шоссе стало плавно изгибаться влево. Встречных машин почти не было.

Через минуту на изгибе дороги замаячил незамысловатый перрон пригородной электрички без козырька и примыкающий к ней небольшой вокзал почему-то ядовитого зеленого цвета, и тут вдруг Ажда Пекан, икнув, прервала песню на последнем куплете, и вместо нее из магнитолы послышался резкий треск статического электричества, сменившийся обычными радиопомехами. Мирза Халил попытался вытащить кассету, но она как будто бы застряла:

- Сука! воскликнул он в сердцах и злобно плюнул в окно в тот самый момент, когда из радиошумов выплыл чей-то хорошо артикулированный голос и стал неторопливо произносить:
  - «Гэ» Гусейн, «У» Урмия, «Гэ» гнида, «Эль» лимон. Запомнил?
  - Гугль?.. удивился Мирза Халил.
- Г-У-Г-Л. Гугл, поправил его неизвестный, после чего исчез из эфира. Щелкнув, снова заиграла кассета.
- Что за фигня? он ткнул пальцем в магнитолу, кассета свободно выпрыгнула.
- ... температура воды на абшеронских пляжах 14-16 градусов, уверенно сказала ведущая радиостанции «Араз». Ветер...

Глядя на дорогу, Мирза Халил стал правой рукой вслепую крутить настройки магнитолы, но ничего необычного больше не обнаружилось. В конце концов он вернул на место Ажду Пекан.

Между прочим, в пачке «Мальборо» оставалось всего только три сигареты. До вечера точно не дотянуть.

Улица Комиссаржевской оказалось кривой и местами невероятно узкой. По идее, параллельно центральной улице она вела вверх, к центру, но не прямо, как можно было бы ожидать, а то и дело изгибаясь в резкие повороты и вообще весьма причудливо петляя между каменными оградами невыразительных домов, словно бы проросших из разбитого асфальта, и угловатыми пустырями с одинокими фиговыми деревьями среди живописного мусора.

Отмеряя время, повсюду лежали неподвижные геометрические тени.

Денизли хотя и назывался городом, таковым, по сути, не был, а, скорее, являл собой сочетание самых пестрых анклавов. Внизу, на юго-востоке, опухолью во все стороны метастазировал дачный поселок с рудиментарными улицами, похожими больше на просеки между высоченными каменными оградами. За ним следовала узкая «курортная» часть вдоль береговой полосы, сплошь занятая всякого рода пансионатами и ведомственными санаториями, тянувшимися пунктирной линией до большой электростанции, к которой с обеих сторон плотно лепились на вид полузаброшенные индустриальные пристройки разных годов и стилей. Там же на полкилометра в море углублялся полуразрушенный пирс. А на самом верху, если гля-

деть по карте, на северо-западе, к трассе Баку-Астара рынком прилегала основная часть города, в которой имелся универмаг, две школы, площадь с горкомом и даже какая-то историческая мечеть начала века с заколоченными дверьми. Эта часть, собственно, только и считалась городом.

Двигаясь по улице Комиссаржевской, Мирза Халил проехал несколько безлюдных кварталов, проводивших его подозрительными взглядами зарешеченных окон с натянутыми на них обвисшими от пыли марлевыми сетками. Проехал пионерский лагерь за голубыми воротами, ларек под разлапистым деревом, тощего парнишку в бурой футболке, бредущего с тремя овцами к магазину «Книги», через квартал – еще одного такого же, но без овец, сидящего на корточках на самом солнцепеке. Потом улица взяла резко влево, и тут же впереди, на углу перекрестка, похожего на кривой крест, Мирза Халил увидел безнадежную «стекляшку» под вывеской «Савалан», Поравнявшись со столовой, он невольно сбавил скорость. У входа, на складном столике, стоял пустой баллон и кусок картона с надписью фломастером «свежее мясо», рядом небритый дядька в белом халате поливал из шланга горячий асфальт. Ничего интересного. Встретившись взглядом с поливальщиком, Мирза Халил вовремя успел переключить свое внимание на дорогу и едва увернулся от довольно глубокой колдобины в асфальте, и тут же почти прямо по курсу увидел под несколько скособоченным знаком «Осторожно, дети» черную старуху. Сидела она неподвижно прямо на обочине, на низкой скамейке, вся завернутая в иссиня-черное покрывало-келагай, и была почти неотличима от неподвижных теней вокруг. Несмотря на покрывало, было очевидно, что старуха довольно тощая, из-за чего руки ее казались непомерно длинными, словно сложенные птичьи крылья. Рядом с ней на куске полиэтилена лежал мешочек с семечками и граненым стаканчиком, импортные сигареты, что-то еще, что Мирза Халил поначалу принял за кота, но что при ближайшем рассмотрении оказалась довольно вылинявшей меховой ушанкой.

Мирза Халил уже метров двести как проехал старуху, но затем довольно резко затормозил и стал подавать машину назад.

– «Мальборо» есть? – спросил он, делая вид, что разглядывает цветные пачки: помимо сигарет, здесь были и упаковки жвачек.

Старуха не ответила. На лице ее лежала густая тень, и увидеть что-нибудь, кроме узкого морщинистого подбородка с двумя седыми волосками, было невозможно.

- Эй, тетя, почем «Мальборо»? спросил он опять, наклонившись ближе к старухе. Я про сигареты спрашиваю!
- Чего надо? зычно окликнул его сзади басовитый женский голос. Он оглянулся. Вышедшая из ресторана крупная женщина с красными от хны волосами вытирала блестящие от жира руки об угол нечистого фартука. Спрашиваю, что надо? Женщина глухая, она показала пальцем на ухо. Не слышит ничего. Если что-то нужно, спросите меня.

Тяжело шаркая фривольными шлепанцами с цветами, она вышла на середину узкой улицы. Оставшийся у нее за спиной небритый мужчина, продолжая поливать из шланга, равнодушно наблюдал за происходящим.

- Сигареты почем?
- «Морэ» шесть, остальные все по пять.

Старуха выпростала из-под покрывала костлявую руку, набрала с верхом в граненый стаканчик семечек и протянула его Мирзе Халилу.

– Не, семечек не надо... «Мальборо» тоже пять?

Рука старухи выглядела совершенно как кисть скелета, только обтянутая полупрозрачной кожей сплошь в пигментных пятнах. Ногти были на удивление длинными и желтыми.

- Тоже пять. Я же говорю, все по пять. Кроме «Морэ».
- А что так дорого? Везде по три. Максимум, четыре.

Женщина неспеша подошла ближе.

- А я при чем тут? Ее товар, не мой.
- Так ты сама сказала, у тебя все спрашивать!

Старуха продолжала почти неподвижно держать на весу костлявую руку со стаканчиком.

- Я, что ли, цену назначаю? Мне сказали «пять», я и говорю пять. Брать будешь?
- Ну, совсем уже обалдели, проворчал без злости Мирза Халил, доставая из заднего кармана новенькое портмоне. Деньги ей дать или тебе?
  - Ей, поправила прическу женщина.

Он только и успел было вытянуть из портмоне синюю пятерку, когда старуха, уронив стаканчик в мешок с семечками, взмахнула рукой, как черным крылом, так что по полуденной улице скользнула длинная тень, и как-то очень ловко выхватила у него из пальцев пятирублевую купюру. Пока она прятала деньги, келагай чуть сползло у нее с головы и, прежде чем она накинула его обратно, Мирза Халил заметил ее белесые глаза: то ли невероятно выцветшие от времени, то ли затянутые катарактой.

– Она что, еще и слепая, что ли...?

Женщина пожала плечами.

С пачкой сигарет Мирза Халил вернулся в машину.

Через минуту, после довольно крутого виража, он благополучно проехал туберкулезный санаторий за железными воротами, окаймленными, на манер арки, ржавой трубой газовой линии. Видимая из-за ограды цокольная часть основного корпуса, окруженная кривыми верхушками кладбищенских кипарисов, всем своим видом убеждала в бессмысленности всякой надежды на благополучный исход не только лечения туберкулеза, но и вообще любого начинания. И словно бы в подтверждение этого кто-то убористо трафаретом вывел рядом с воротами: «Каждый день – Ашура, любое место – Кербела». Мирза Халил закурил.

Дальше улица Комиссаржевской стала быстро сужаться в узкую горловину, и еще через полкилометра почти уткнулась в ухоженный палисадник добротного двухэтажного дома с номером 26 на дверях. Во всяком случае, ошибиться было невозможно.

5

В доме симпатично пахло борщом. И еще чем-то печеным. Хозяйка, миниатюрная брюнеточка при полнейшем параде, да еще и на красных шпильках-каблучках, провела его из короткого коридора в темную кухню с кастрюлей на плите, а оттуда — на открытый балкон, с которого открывался урезанный вид на крыши какихто хозяйственных построек, амфитеатром спускавшиеся вниз от ограды двора. Правда, если приподняться на носках, в пролетах между крышами под острым углом можно было разглядеть дальнюю полоску моря, отороченную розовыми бетонными блоками. Присаживаясь к столу, Мирза Халил представил себе, что с хорошим поле-

вым биноклем, наверное, можно было бы увидеть и пансионат, и даже аптекаршу на пляже в ее морковного цвета импортном купальнике.

– Так я вас с утра ждала! Сказали ж, к девяти будете! Вы подвигайте к себе фрукты, все свежее. Варенье, пожалуйста. Сейчас чай будет.

Акцент у нее был мягкий, как будто бы украинский.

- ...может, компотику? Только, извините, толком не остыл еще, недавно варили.
- Спасибо, я лучше холодной воды выпью, если есть.
- Мам...? Мама...?
- Чего? послышалось откуда-то из-за стены.
- Из холодильника водички принеси, пожалуйста.
- «Все-таки Краснодар», подумал Мирза Халил, с интересом разглядывая бойкую вдову.
- Ой, жара сегодня, прямо не могу! сказала она, присаживаясь на стул и энергично обмахиваясь платочком. Все не привыкну к вашей жаре. У нас бывает жарко, конечно, но не так.
  - А откуда сами, если не секрет?
- Да какой же секрет? Из Чугуева слышали когда-нибудь?.. Где мама застряла?.. Чугуев. Город такой...
  - Краснодар?
- Да что вы! Нет! Чугуев под Харьковом. Харьков! Ну...? А Краснодар это на юг. А мы выше. Город наш маленький, но зеленый. И тихий очень. Вот Репин у нас родился, между прочим, знаете? Художник Репин... мам, ты где?..
  - Несу, несу, доча!
- У мамы ноги, чуть наклонившись над столом, крытым белой клеенкой, сказала она. Варикоз, ревматизм, короче все сразу! А морской климат ей хорошо.

В кухонном проеме показалась крупная женщина с редкими волосами, сквозь которые был виден скальп, и в финках «Адидас». Переваливаясь с ноги на ногу, она доковыляла до стола и, не глядя на Мирзу Халила, поставила на середину поднос с запотевшим графином и стаканами.

– Зинаида Павловна, мама моя, – представила ее хозяйка дома, наливая ему воды. – Вот, пожалуйста. Только холодная очень, зубы заболят.

Скулы у нее были высокие, даже чуть угловатые, но их вполне компенсировали подведенные яркой помадой томные, как будто бы кукольные губки.

– Очень приятно, – пробубнил Мирза Халил в стакан с ледяной водой и, ничуть не смущаясь присутствию Зинаиды Павловны, которая была раза в полтора, а то и два крупнее дочери, продолжил мысленно примерять на миниатюрную брюнетку купальник аптекарши, а после нескольких глотков и вовсе попытался раздеть ее до красных каблуков.

После двух стаканов воды его пробил пот. Рубашка намокла подмышками и на спине. Хорошо было бы покурить, но, даже несмотря на тень, здесь все равно было слишком жарко. Под балконом на не бог весть каких клумбах, вяли скучные кусты. Вроде крыжовника. Было еще вполне живое айвовое дерево в углу, на солнцепеке. Темные листья его время от времени тихо и сонно вздрагивали от гуляющего по двору знойного сквозняка. По правде сказать, было ли дерево на самом деле айвовым, он точно не знал, но все-таки решил, что айвовое. Уходившие вниз шиферные крыши тонули в медвяном мареве, и даже невидимое море на горизонте внизу не внушало никакой уверенности в своем существовании.

– ... так что новости у нас наконец-то хорошие. Прямо от сердца отлегло. Мы же тут извелись совсем, что делать, куда бежать, где искать... Скажи, мам?

Молча сидевшая, сложив руки на животе, Зинаида Павловна с готовностью кивнула.

- Ну, представляете? Ушел человек из дома и пропал? Ну? Как такое? Считай среди белого дня. А без него как без рук. И не то, чтобы там по хозяйству, это, слава богу, и сами управляемся, как говорится. И мама здесь. Просто, вы понимаете, Ширзад Мовсумович мне ведь не только как муж... брюнетка сморщила гримасу и, достав из разреза на груди платочек, прижала его к носу. Он и друг, и как отец даже...
- Так на 19 лет старше! неодобрительно поерзав задом на стуле, не удержалась Зинаида Павловна. Считай, мой ровесник.
  - Мама! шикнула на нее хозяйка.
  - А чего? Как есть, так и говорю. С дядей Колей нашим одного года и месяца... Мирза Халил что-то черкнул в своем блокноте.
- Понятно, он сначала бесцеремонно достал из кармана сигареты, а затем вопросительно посмотрел на вдовушку.
- Вы курите, курите! Вот и пепельница... с готовностью кивнула она ему. И мне одну, если можно.

Они закурили. У Мирзы Халила сразу же заныло в затылке. Все от жары. И недосыпа... Отворачиваясь от дыма, Зинаида Павловна осуждающе кашлянула.

- Жара сегодня, сказал он безнадежно.
- А хотите в комнаты перейдем? Там кондиционер у нас...
- В комнаты нельзя, стул под Зинаидой Павловной протяжно скрипнул, ...он... сам не любит, когда табаком несет.
  - Мам, ну он же не дома.
- Что «мам»? Не любит человек, когда табаком... здесь курите, отмахнулась она обветренной рукой от дочери, яростно стреляющей в мать густо подведенными

Мирза Халил налил себе еще воды. Табачный дым во рту напомнил о том, что он ничего не ел с утра. Говорить было лень, от жары его совсем разморило, говорил он медленно, сбиваясь с мысли.

- ...объявился, значит? Получается, сегодня. Так? Понятно. А где он, все равно не знаете. И чего он конкретно сказал? Во сколько он звонил? Он же пропал... когда он пропал-то? Какое это было число... Мирза Халил заглянул в блокнот. Двенадцатого? И где же он был все это время? Как-то объяснил вообще?
- Да нет же, все не так! Что вы! Он не звонил, а оставил сообщение. Понимаете? А пропал-то он не двенадцатого. А считай четырнадцатого. Двенадцатого утром он уехал. И сказал, что вернется к вечеру.
  - Hy?
- Так я ж объясняю, утром рано он на велике уехал «айву» испытывать. Не в первый раз же.
- Что значит «айву испытывать»? устало спросил Мирза Халил. О чем вы говорите?
- Так «айва» это прототип. Аппарат так называется. «Айва-3». Новейший. Как говорится, новое слово в технике. Революция, в общем. Ширзад его в серию готовит. Считай, уже год, как над ним работает. Или больше даже. Все доделывает чего-то, переделывает, обновляет, а по мне аппарат и так хорош.

- И что дальше? морщась, Мирза Халил запил сигаретную горечь водой.
- Ну, я и рассказываю. Пока спали, он встал, рано совсем. Цветы полил, она привстала и показала пальцем в сторону клумб во дворе с дохлыми астрами. И уехал. А мы спали еще.
- Да че там поливать-то, господи! Песок один, нервно раскачиваясь взад и вперед и потирая колени, опять встряла Зинаида Павловна. Не растет ни черта. Дома и розы тебе, и ромашки прямо под окном все лето...
- Мам! Это он ради меня старается! чувственно затянувшись, она кивнула сквозь дым Мирзе Халилу.
  - Хорошо. Значит, говорите, что ушел он рано.
  - Точно в четыре пятнадцать встал. А в пять десять вышел.

Мирза Халил с сомнением посмотрел на Зинаиду Павловну.

- Так у меня вот, часы... она простодушно кивнула на командирские часы на красном запястье.
  - Ага, устало сказал он.

Под Зинаидой Павловной со скрипом заходил стул.

- А до этого два раза ночью вставал, пряча глаза, сообщила она. Ну... в сортир, то есть. Пописать. Пописает, и спать обратно пойдет. В час сорок два и в три ровно. Это точно.
  - А вы что, по ночам не спите, дом стережете?
  - Так бессонница у меня. Ворочаюсь. До утра. Колени болят, сил нет.

Мирза Халил взглянул на свои часы и вздохнул. В пансионате давно уже закончился обед. И Л., скорее всего, у себя в номере. Листает какую-нибудь «Бурду». Или спит. Или треплется с этой дурой, няней. Можно еще успеть к вечернему пляжу.

- Хорошо, а в чем он ушел? Я имею в виду, что надето было?
- Да в чем? Да как обычно, сказала хозяйка дома и, затянувшись напоследок, забычковала сигарету в пепельнице. На фильтре остался жирный след помады. С вечера на стул сложил, а утром оделся и ушел.
  - А что именно?
- Значит, финки эти... как его, «Адидас», как у меня точно. Только тридцать восьмой размер. Майка белая. Как тенниска. Ну и в кроссовках, видать, ушел. Кроссовок нет. Уверенно сказала Зинаида Павловна и хлопнула себя по коленям. На Славкином велосипеде уехал.
- Мама прям в этом доме все лучше меня знает, неожиданно съязвила хозяйка.
  - Мое дело сказать. Следователь спрашивает, я и говорю.
- Слава, я так понимаю, ваш сын? уточнил Мирза Халил и нехотя опять заглянул в блокнот.
- Ага. Мы когда с Ширзадом Мовсумовичем познакомились, Славику уже семь было. Так получилось, понимаете? Молодая была...

Мать, перестав раскачиваться, неопределенно вздохнула.

- У меня записано: Гюльбалаев Вячеслав Ширзадович, 1973 года рождения...Он усыновил, значит...
- Ну, да! Мы как поженились, он сам все и решил, чтобы по-людски, как говорится. А то так... пожала она плечами. ...В общем, Славик на отца моего был записан, то есть, на дедушку своего. Понимаете?

Стул под Зинаидой Павловной заскрипел энергичнее.

- А настоящий отец?
- Да чтоб он провалился, урод чертов! Лучше вообще никакого отца, чем такого... я извиняюсь.
- А мальчику с таким отчеством чего делать, спрашивается? Ну, это как Вячеслав Ширзадович, прости господи? Куда годится? Не подумали?
  - Мама!
- Что, «мама»? Был ведь Вячеслав Александрович, по мужу моему, а теперь? ...Э-э-э! она махнула рукой.
- А где Слава сейчас? спросил Мирза Халил, сочувственно улыбаясь хозяйке дома.
  - У сестры моей, поехал погостить на все лето.
  - И давно?
- Десятого июня проводили, встряла опять Зинаида Павловна. На поезде поехал. На плацкарте.
- Может, вам все-таки чаю? Или компоту? Компот, наверное, остыл уже, а? Мам, принесу компотику.
  - Вы сказали, велосипед, а какой марки? Новый? Старый?
- «Украина», сказала Зинаида Павловна, тяжело поднимаясь с места и ковыляя в сторону кухни. Считай, новый. Сзади на сиденье корзину приспособили. Плетеную.
  - Зачем?
- Так Славик мой, мальчик послушный, иногда на рынок съездит, за хлебом или еще чего. Удобно. И «айву» в корзине таскать удобно. Так-то и в рюкзак можно, конечно, положить, но в корзинке как-то удобнее, что ли. А можно мне еще сигарету? Такой стресс, такой стресс! покачала головой хозяйка дачи. Никак в себя не приду.... Ой, а у вас, кажется, последняя осталась!

Мирза Халил лениво вытряхнул «Мальборо» из пачки, прикурил, со вкусом затянулся, после чего, ничуть не смущаясь, протянул дымящуюся сигарету кукольной брюнетке. Она чуть замешкалась, но сигарету все-таки взяла.

– Вы, между прочим, не подумайте ничего, – сказала она, кашлянув, и как можно более сухо. – Просто Ширзад Мовсумович не любит, когда я курю. И мама не любит. А я не вижу ничего в этом такого. Подумаешь. Тем более, в такой ситуации. Мозги аж кипят! ...Ведь что только в голову не лезет! Думала, может, машина его сбила, может, утонул, может, похитили его, да мало ли...! Хорошо, я «айву» сегодня проверила. Как чувствовала, между прочим. Прямо от сердца отлегло.

Она опять выудила из разреза платья скомканный платочек и стала тереть им и без того раскрасневшийся кончик носа. Мирза Халил, как фокусник, достал из кармана свежую пачку «Мальборо», купленную у старухи.

- Понимаю. А что это за «айва» такая? Вы все говорите «айва, айва», а посмотреть на нее можно вообще? он вытянул ноги.
- Ой! Да конечно! всплеснула руками брюнетка. Чего ж не показать-то! Такая вещь замечательная! Заодно и сообщение посмотрите! Которое утром пришло...

Из конца узенького коридорчика в кабинет-мастерскую отставного подполковника вела массивная сейфовая дверь с выпуклым, как рыбий глаз, глазком. Громыхая ключами на связке, миниатюрная хозяйка долго по очереди отпирала четыре непростых замка, после чего неуверенно просунула руку в темноту за тяжело приоткрывшейся дверью и стала нервно нащупывать на стене выключатель. Темнота ка-

бинета было какой-то рыхлой, с зеленоватым переливом, из нее заметно тянуло сыростью и чем-то кислым и химическим.

Пока она искала выключатель, Мирза Халил не без удовольствия разглядывал ее шею, чуть прикрытую пружинистыми черными локонами. Почувствовав на себе его взгляд, она обернулась и ободряюще кивнула:

– Да где ж эта зараза, не пойму!

Наконец щелкнул выключатель, загудели и заморгали люминесцентные лампы, высвечивая неожиданно для Мирзы Халила очень просторное, вытянутое прямоугольником помещение, сплошь заставленное всевозможным оборудованием, шкафами и лабораторными стеллажами по обе стороны.

- Ничего себе! Вы говорили, кабинет, а тут у вас... я не знаю... целая лаборатория научно-исследовательская. А? НИИ целое, как я посмотрю. Это мы в подвале или где?
- Не! Это только если с улицы. Вы же сами видели, как у нас тут: все вниз, к морю, к морю. Мы, считай, на самой верхотуре живем. С улицы-то это подвал, а если со двора, то как бельэтаж. Вон же, видите? она указала на два узких, как бойницы, окна почти под самым потолком. Оба окна были наглухо заложены кирпичами.
- A это все он? повсюду, где было возможно, на беленых стенах были развешаны обрамленные и под стеклом фотографии. В основном, черно-белые, но попадались и цветные.
  - Вы про фото? Он, он, конечно, Ширзадик наш!

Мирза Халил шагнул к большому замысловатому осциллографу, над которым висело изображение некрупного подтянутого мужчины лет пятидесяти в форменных брюках с лампасами, демонстрировавшего голый безволосый торс, сидя верхом на белом коне. Мужчина был по-военному коротко стрижен и сдержанно улыбался. На фотографии рядом тот же мужчина стоял в костюме космонавта и держал в руках шлем с надписью «СССР». В углу фотографии было выведено фломастером: Байконур, 1979 г.

- Он что, и в космос летал?
- Да нет! Что вы. Какой космос? Скажете тоже. Летать не летал, но на Байконуре служил. А вообще... сказать по правде, кто его знает... может, и летал, прыснула почему-то хозяйка. Вон сколько всякого.

Мирза Халил обошел несколько поставленных друг на друга монохромных монитора и, приблизившись к стене справа от себя, стал бегло разглядывать еще фото. На всех них так или иначе присутствовал все тот же некрупный мужчина: стоял он на фоне ядерной подводной лодки, махал из иллюминатора батискафа, оборачивался на камеру перед прыжком с парашютом, потом летел, держась за стропы парашюта, позировал с убитым тигром, лосем, кабаном, медведем и чем-то, похожим на гигантскую грустную крысу, спускался в каске в угольную шахту, в белом халате читал показания приборов в лабораториях, в окружении десятка белозубо улыбающихся негров тыкал указкой в надписи на доске, обнимал за плечи космонавта Гречко, пил минеральную воду в Кисловодске, разбегался с дельтапланом (фото было снято со спины), кормил связкой бананов слона, потом на нем же следовал за индусом в дхоти, жал руку Муслиму Магомаеву и кому-то, очень похожему на актера Евстигнеева, сажал березовые саженцы, получал орден из рук маршала Ахромеева, обмывал орден в компании военных, препарировал инопланетянина и даже скорбно нес в первом ряду чей-то нарядный гроб с большим оркестром позади.

- Вот это да... Не ожидал. У меня в выписке из дела сказано: подполковник инженерных войск. В отставке, а тут чего только нет.
- A вы как думали! У него, между прочим, аж два ордена. Ордена-то просто так не дают, правильно?
- Не дают, легко согласился Мирза Халил. А это, я так понимаю, тот самый велосипед?
  - Где?.. ну да! А рядом Славка.

Запах сырости и химии активно мешался с ее духами. «Фиджи», – не очень уверенно предположил Мирза Халил.

– Вот, значит, и «айва». Вот так она пока и выглядит. Имейте в виду, это пока прототип.

Брюнетка ткнула пальцем в нечто, напоминающее переносную рацию, но гораздо более компактное. Прямоугольный алюминиевый блок размером с обувную коробку был снабжен встроенным экраном, вводной панелью с кнопками и стандартной телефонной трубкой. На трубке красовалась цветная эмблема: желтый, надкусанный с бока фрукт, похожий то ли на яблоко, то ли на айву с зеленым лепестком. Под эмблемой мелким шрифтом было выведено: Коммуникативно Развлекательная Станция (КРС) «Айва-3».

- Так, интересно. И что эта «айва» делает? Типа радиотелефона, или как?
- Ага, «радиотелефон»! скорчила презрительную рожицу хозяйка дома. Радиотелефон это вчерашний день! Вы чего? Тут другое совсем! И, между прочим, весит всего кило. Кило с копейками. И это сейчас так, между прочим. Вы же видите, он железный. А когда в серию пойдет, корпус будут из пластика делать. Тогда, считай, наверное, полкило не будет даже.
  - А почему «айва»? Почему не гранат или яблоко какое-нибудь?
- А это в честь меня, между прочим, почему-то с укором сказала она. Варенье айвовое люблю. А вы любите?
  - Что?
  - Айвовое варенье?
  - Люблю, наверное.
- Значит, будем пить чай с айвовым вареньем! Ширзад-то нашелся, слава богу. Есть что отмечать. Ой, прямо не знаю, что бы без этого аппарата делала ведь шикарная вещь! «шикарная» она прокатила по-южному мягко и с небольшим придыханием, переступая с ноги на ногу. Даже на каблуках она была почти на целую голову ниже Мирзы Халила, который, помня о небольшом нарыве справа от кадыка из-за вросшего под кожу волоса, старался стоять к ней боком.
- Знаете, с этого мобильника ведь даже за границу звонить можно. Точно, точно!
  - С чего звонить, вы сказали?
  - Так с мобильника! Это мы «айву» так меж собой называем, хохотнула она. Мирза Халил пожал плечами.
  - Мобильник! повторила хозяйка настойчиво. Ну как? Не дошло?
  - В смысле, что аппарат мобильный?
- Ну конечно же! Переносной, мобильный. Бери с собой куда надо. Ну мобильник, короче! Это я придумала. Смешно, да? Как рубильник!

Слово показалось Мирзе Халилу дурацким. «Айва» звучало лучше.

– И как же это работает, если вы говорите, что без радиосигнала?

- Да бог его знает!— искренне возмутилась она, всплеснув руками. Да откуда же я знать могу? Вы чего? Я ж медсестра простая! Вы меня за уколы спросите скажу. Как клизму ставить или там гипс накладывать, а это что темный лес. Мне, главное, чтобы никаких проводов. Правильно? И чтобы работало хорошо. Вон холодильник фурычит. Я что, знаю, что у него там внутри и как? И с мобильником этим так же. Ширзад мне показал, как заряжать надо... кстати, это тоже плюс большой батареи не надо! Совсем! Все от сети заряжается. Гениально же! Значит, зарядил аппарат, потом его в сумку или в рюкзак, через плечо, как говорится, и пошел, куда тебе надо. А мобильник сам там сигналы как-то подбирает, чего-то ловит, чуть не из космоса... Чего-то делает. Смотри... Она сняла трубку. Скажи какой-нибудь номер. Любой. Хоть в Москве, хоть где. Ну? Мирза Халил назвал домашний номер и она, быстро набрав его, клацая длинными ногтями по панели с кнопками, протянула ему трубку. Говори, говори... Слушая вызывные гудки, Мирза Халил в уме отматывал назад весь разговор с хозяйкой дома, пытаясь понять, в какой момент и почему она вдруг перешла с ним на «ты».
- Алё! послышался, наконец, в трубке неубедительный голос сына. Связь была ровная.
  - Ты уже дома?
  - Угу.
  - У тебя разве школа не в час заканчивается?
  - Угу.

Мирза Халил посмотрел на часы: без пятнадцати два. Глядя исподлобья на торжествующе улыбающуюся хозяйку дома, он, стараясь не выдавать своего раздражения, спросил:

- Мама что... спит?
- Угу.
- Тетка твоя дома? Обедал ты?
- Угу.
- Ладно. Садись за уроки. Слышишь? Тетки своей скажи, чтобы домашнее задание проверила... он обратил внимание на мигающую на панели зеленую лампочку. Прикрыв трубку ладонью, он вопросительно кивнул на нее.
  - Показывает, что зарядка полная, прошептала кукольная брюнетка.
  - Угу. Скажу, ответил сын тем же неубедительным голосом.
  - Как станет красной надо заряжать.
- Маме скажешь, что звонил, не дожидаясь ответа, Мирза Халил вернул трубку на место.
- $-\dots$ и там, сзади, типа штепселя, в него шнур вставил, а потом в обычную розетку, и все дела...

Мирза Халил сухо кивнул.

- Значит, Ширзад Мовсумович звонил на этот... аппарат?
- Да говорю ж, не звонил он! Сейчас сам увидишь...

Нагнувшись вперед, она облокотилась на обитый жестью прилавок, на котором стояла «айва», и, прогибаясь чуть больше необходимого, так, чтобы Мирзе Халилу был бы лучше виден ее округлый зад, стала по одной перебирать стоящие на панели особняком красные кнопки.

Включился экран.

– Сейчас нагреется!

Через некоторое время на черный фон выползла надпись: «Вас рада приветствовать Коммуникативно-Развлекательная Станция «Айва-3».

– Видал?

Еще через полминуты надпись исчезла, и вместо нее на экране стали проступать крупные квадратные значки с надписями. Манипулируя все теми же красными кнопками, она активировала один из значков, под которым было написано «Э-Почта».

Аппарат заверещал, появился восклицательный знак, исчез, после чего открылось белое поле с надписью «Полученные Письма». В столбик стояли: Письмо N° 1, Письмо N° 2... и так далее до Письмо N° 27.

- Последнее...
- Что это такое?
- Электронная почта! Чтобы слать сообщения кому хочешь.
- Как это? не понял Мирза Халил.
- Просто ж. Пишешь письмо и посылаешь. Только все через мобильник этот. Смотри сюда... вот, выбираем... Тыкая в кнопки со стрелками, она медленно передвигала курсор по экрану, пока не добралась до Письмо №1. Курсор дернулся и через паузу на экране появилась крупная надпись: «Отправлено: 11.04.89, 09:27. Привет! Как дела? Проверка связи. Я во дворе. Ш.»
  - И что?
- Да как же! Это самое первое письмо! Я, значит, здесь сидела, а Ширзад во дворе с мобильником. Понятно?

Мирза Халил задумчиво потер переносицу.

- Ну что ж непонятного-то! Это он со своего мобильника отправил письмо мне, на этот мобильник! Посылать-то можно пока только с «айвы» на «айву». На обычном телефоне же экрана нет.
  - Значит, есть два аппарата?
  - А как по другому-то? Конечно же!
  - И где второй тогда?
  - Так с ним он и ушел. Я же говорила испытывать поехал.
- Подождите, сказал удивленно Мирза Халил, если все это время у него был с собой... этот мобильник, чего вы ему, спрашивается, не позвонили? Вы же можете звонить отсюда?
- Так звонила, конечно! Как же! Я же не совсем дура! Сразу же и позвонила. Двенадцатого ночью, когда он не вернулся, сразу же и позвонила. Говорила с ним. Оказалось, он в город поехал. Сказал, там заночует. Я, само собой, психанула немного. Но не так, чтобы очень. Поплакала, покричала, мама перепугалась. Мы ж так с ним редко ругаемся. А он говорит, что ты? Запчасти достану и приеду.
- На велосипеде, в город? с сомнением спросил Мирза Халил. Тут километров семьдесят.
- Ой, вы Ширзада не знаете совсем! перешла она опять на «вы». Он же закаленный! И по горам, и по воде! Шпарит, мама дорогая! Что вы! Все Карпаты облазил. Не каждый молодой сможет! И на байдарке, и с парашютом. Сами же фото видели. Чего ему ваши километры, проедет и не подавится.
  - И что, как я понимаю, больше на связь не выходил до сегодняшнего утра?
- Почему? Тринадцатого утром мы с ним опять говорили. Сказал, на встречу идет с кем-то важным.
  - А с кем?

- Да не знаю я! Он, кажется, и имени не назвал даже. Сказал по делам. Чего я у него выспрашивать буду? А потом все! Тишина. Пишу не отвечает. Сто раз набирала. Я давай в город звонить. По городскому. Глухо. Собралась, поехала. Ага! По жаре этой сумасшедшей. Хорошо, он меня научил «Волгу» свою водить. Маму здесь оставила, сама поехала. И чего? Приезжаю, в квартире прибрано. Посуды нет. Не поймешь: ночевал или нет. По соседям поспрашивала. Так лето же: кто на дачах, кто где еще. Никто знать не знает. Да у нас и соседи, по правде сказать, дебилы. Толку от них... На работу к нему поперлась, в училище он там на полставки. Никто не видел, никто не слышал. Поехал на «Озон». Он же для них серию готовит, через них и запчасти получает, оборудование. И там его не видели. Уж чего только не думала! Может, загулял? Может, еще чего? Что в голову придет? И опять давай сообщения ему слать. Пятнадцать штук отправила. Вот же, можете проверить... хозяйка принялась опять клацать ногтями по кнопкам. Список «Полученные Письма», сменился списком «Отправленные». Последнее письмо было под номером 139. Видали, сколько сразу? Пишу, пишу, с ума схожу, понимаешь, а он не отвечает!
  - А сегодня ответил, значит?
  - А сегодня ответил, слава богу! Да не просто ответил! Фото прислал!
  - Что, и фото посылать можно? искренне удивился Мирза Халил.
- А как же! Я ж говорю, шикарная вещь! Камера встроенная! Смотрите, получено письмо, значит, в 06:43... «Привет! Не беспокойся, все в порядке. Все сообщения твои получил. Ответить не мог. Барахлил аппарат. Очень устал. Приеду, все расскажу. Скоро буду. Целую, Ш.» Ну? Представляете?

Мирза Халил терпеливо ждал, пока медленно, линия за линией, внизу экрана загружалось черно-белое изображение. Пытаясь его разглядеть, он подошел ближе к верстаку, стал впритык рядом с хозяйкой, наклонился к экрану так, что плечи их неловко соприкоснулись.

– Вроде, пляж какой-то, – сказала она как можно более естественно.

Продолжая разглядывать загружающуюся фотографию, Мирза Халил задумчиво предположил:

- А что, если это вообще не он пишет?
- Как это? вдруг заволновалась брюнетка, растерянно хлопая густо накрашенными ресницами. – А кто тогда?

Мирза Халил пожал плечами и повернулся лицом к хозяйке.

– Не знаю. Может, нас обманывают? Успокаивают, а?

Она прижала руки к груди:

- Ой, вы меня прямо пугаете! Прямо такие вещи говорите...
- Я не пугаю. Просто версия. Вы мне скажите другое: до того, как он... ушел, двенадцатого, ничего такого необычного не происходило? Может, кто-то приходил? Может, звонил? Ничего не замечали?
- Ой, мамочки! Как же! Конечно! Дура я, забыла совсем... воскликнула кукольная хозяйка почти истерически. Точно ведь! Значит, за два дня, как все это случилось...

В этот момент дверь тяжело распахнулась и, следуя друг за другом, в лабораторию Ширзада Мовсумовича уверенно вошли трое крепко сложенных молодых человека, как показалось Мирзе Халилу — с почти одинаковыми лицами и в почти одинаковой одежде. Различались они только цветом галстуков.

Фотография от Ширзада Мовсумовича наконец полностью загрузилась. Просто кусок дикого пляжа.

...Доктор показался ему много выше ростом. А из-за бороды как будто бы и крупнее, и даже шире в плечах. Может быть, Мурадов просто неудачно стоял спиной к свету? А может, начали действовать лекарства, которыми Мирзу Халила накачали перед операцией. Но, скорее всего, проклятая опухоль у него в голове, словно кривое зеркало, с каждым днем все сильнее путала и искажала привычные образы. Так или иначе, он все равно был рад слышать его голос.

Двое санитаров, весьма бесцеремонно маневрируя, стали выкатывать Мирзу Халила вместе с каталкой из палаты в залитый светом коридор. Все сразу пришло в движение: Мурадов, сорвавшись, зашагал рядом, следом за ним, почти не отставая и всем своим оскорбленным видом давая понять бывшему мужу, что присутствие его здесь нежелательно и неуместно, засеменила Сара в накинутом на плечи белом халате.

Над головой поплыли флуоресцентные споты.

- Слушай, спросил доктора Мирза Халил, там... твоим чего-нибудь передать надо?
- Что? не понял сначала Мурадов, а затем, сообразив, на ходу задумчиво поскреб подбородок: – Привет, наверное. Чего еще-то?
  - Придурок! возмутилась за спиной у него Сара.

Мирза Халил с удовлетворением закрыл глаза. От яркого света болела голова.

...Стараясь не подавать виду, он медленно и даже как-то вразвалочку вышел на кривую улицу Комиссаржевской. В этот час она была густо вызолочена полыхающим солнцем, но через стекла импортных очков казалась не столько золотой, сколько цвета раскаленной меди, с этаким явным красноватым отливом. Засунув кончики пальцев в карманы джинсов, Мирза Халил встал, почти как ковбой из югославских вестернов, чуть раскачиваясь взад и вперед на липнущих к мягкому асфальту подошвах. Не считая все еще возможного свидания с аптекаршей, делать ему в Денизли было больше нечего. Однако и возвращаться домой не очень хотелось. Постояв немного и заново привыкая к зною, гудящему, как линии высоковольтных передач, он неприязненно глядел на заблокировавшие его «семерку» казенную «Волгу» и оранжевые милицейские «Жигули» с заштукатуренным крылом. «Волга» стояла пустая. В «Жигулях» за рулем кто-то сидел, а сзади, в открытом окне, зачем-то висела то ли занавеска, то ли одеяло голубого цвета.

Во рту была желчная горечь, пора было хоть чем-нибудь перекусить. Мирза Халил вытянул из кармана ключи с брелоком «БМВ» и, сплюнув под ноги на горячий асфальт, все так же почти вразвалочку пошел к своей «семерке», прикидывая на ходу, сможет ли выехать, никого не задев, или все-таки придется идти разбираться с ментом в оранжевых «Жигулях».

Когда он поравнялся с просевшей чуть не на полколеса милицейской машиной, задняя дверь вдруг со скрипом приоткрылась, и наружу высунулся пыльный кончик тупоносой сандалии.

– Брат, – окликнул его из салона басовитый голос, – тебя можно на минуту? Мирза Халил остановился. То, что издалека он принял за занавеску, оказалось гигантской тушей в форменной милицейской рубашке, расстегнутой до самого брюха. Туша занимала едва ли не все заднее сиденье машины.

- А в чем дело? спросил Мирза Халил грубовато.
- Да ты не беспокойся, брат... знаю, кто ты... тяжело отдуваясь, ответил голос. Следом наружу вывалилась массивная рука с толстыми, как сардельки, пальцами, словно поросшие медвежьей щетиной. Пальцы были не только толстые, но и одновременно крючковатые, хищные. Протянутая рука требовательно повисла в воздухе.
- Я Эс-Эс-Эр, сказал голос с усмешкой, в проеме двери мелькнула и исчезла голая бронзовая макушка. Сурхай...Сабзалиоглы... Рахимов... Эс-Эс-Эр получается. Есть, значит, большой СССР, а я маленький... Хе-хе... Не слышал?.. Жарко сегодня, скажу тебе...
- Слышал, конечно, сказал Мирза Халил, пожимая протянутую руку, которая наощупь оказалась шершавой, как наждак. Прислонившись бедром к «Жигулям», он заглянул в темный салон.

ССР был действительно огромный. Во всяком случае, разместить рядом с ним на заднем сиденье машины еще одного взрослого пассажира было бы, скорее всего, невозможно. Более того, переднее пассажирское сиденье отсутствовало, и в освободившееся пространство была вытянута правая нога милицейского начальника в расстегнутой сандалии. Рядом на полу лежал большой газетный сверток, из которого торчали уже обожженные паяльной лампой коровьи копыта. ССР чуть наклонился корпусом вправо, амортизаторы «Жигулей» тяжело скрипнули, с его расстегнутой рубашки с шелестом посыпалась шелуха семечек, которой и без того был усыпан почти весь пол и сиденье, взял картонную коробку с подтаявшим мороженым в вафельных стаканчиках и протянул ее Мирзе Халилу.

– Прими в организм. Остудись. Жарко... сегодня.

Мирза Халил взял один стаканчик. Мороженое было вкусным. ССР тоже подцепил один. Выпятив вперед лоснящийся подбородок, он одобрительно хрюкнул и заглотал мороженое в два укуса.

- Отец покойный мороженое с хлебом любил... хе-хе... Чего они, опечатали лабораторию? спросил он, не глядя на Мирзу Халила.
  - Ага. Пломбы поставили.
  - КГБ, вздохнул ССР. Спорить с ними будешь, что ли.
  - А чего тогда нас теребили? Сами бы и занимались с самого начала.
  - Кто их знает. Еще одно съем.
- ...тем более, этот мудак нашелся. Вообще не понимаю! На связь вышел, вроде, домой скоро собирается, чего они примчались? А этот, тоже мне, загулял, наверное, где-то, ишак. А из-за него тут целый сыр-бор... Тьфу ты! мороженое капнуло Мирзе Халилу на джинсы. Он стал быстро оттирать липкую каплю пальцем.
- Не, он не мудак. Ширзад дядька грамотный. Не нам чета. Голова!.. Да сейчас что уж говорить. Это теперь все равно их дело. Вот пусть занимаются. Дорогой, тебе это надо? Только лишняя головная боль. И от хохлушки этой тоже... знаешь... потом вони не оберешься.
- Так мне что? Просто семьдесят километров без толку проехал. У меня что, больше дел нет? Психбольница какая-то, клянусь! Один из этих чуть допрашивать меня не начал, возмущенно ткнул Мирза Халил в сторону дома.
  - О неразглашении... бумагу подписал?
- Козлы! со злостью сказал Мирза Халил и наклонился вперед, чтобы тающее мороженое не капало ему на туфли.

- Салфетку дай! окликнул ССР молчащего все это время лейтенанта за рулем. Тот достал из бардачка свернутые в трубочку салфетки и, отслоив две штуки, передал их назад.
  - Возьми салфетки.
  - Спасибо.
- Мороженое дело хорошее. Но на голодный желудок от него толку мало. Вред один даже. Я обедаю поздно. Приглашаю. Раз уж все равно приехал. Ты же в город сейчас не поедешь? хитро посмотрел ССР на Мирзу Халила живыми, черными, как угольки, глазами среди толстых складок кожи. Мирза Халил пожал плечами:
- Спасибо за приглашение, но, я думаю, окунусь и поеду обратно. Семьдесят километров пилить.
- Вот и хорошо, ты так и сделай, ты окунись и подъезжай к электростанции. Знаешь, где это?
  - Электростанция? Ну, видел, конечно. А что там?
- Там справа склад... якорь нарисован. Не ошибешься. Машину там же оставь и заходи на склад. Дверь железная. Посидим, поговорим. Ты рыбу любишь?
- Да нет, спасибо, я все-таки домой поеду, наверное. Устал. Почти всю ночь не спал. В следующий раз как-нибудь.
- Зря, вздохнул ССР и, мазнув лапой по лысине, устало откинулся на сиденье. Под ноги ему опять градом полетела шелуха. Ну, если передумаешь, заезжай. Не стесняйся. Так тебя нигде больше не накормят. Минут через сорок, час стол уже накроют.
  - Приятного аппетита!
- Ты не забудь, главное якорь нарисован. Здоровый такой. Не ошибешься... Ох, и жарко сегодня...Я жару не люблю. Вот, говорят, от жары еще никто не умер... врут!.. Еще как умереть можно... Рыбам хорошо.

Мирза Халил оттолкнулся от «Жигулей» и опустил на глаза очки.

- В каком смысле?
- Всегда в прохладе, громко икнул ССР.
- ...Руль нагрелся так, что обжигал руки. Когда он уже отъезжал, из дверей дома №26 вышел один из комитетчиков. Следом, переваливаясь с ноги на ногу, в сопровождении другого офицера появилась Зинаида Павловна. «Значит, забирают!», подумал Мирза Халил. Объехав здоровенную яму почти в ширину дороги и прибавив газу, он нырнул в темный переулок, от которого улица Комиссаржевской круто спускалась вниз, к туберкулезному санаторию. На углу, у грязных мусорных баков с неряшливыми надписями «Туб.сан.» он едва не наехал на мальчика лет десяти в полосатых шортах, с марлевой повязкой на лбу, как у раненного в бою солдата. В последний момент Мирза Халил успел увернуться.
- Паскудник! заорал он. «Семерка», визжа тормозами, заглохла. Мирза Халил в бешенстве распахнул дверь и выскочил из машины. Мальчик продолжал невозмутимо стоять прямо посередине улицы. Сквозь повязку на голове жирно проступала и сочилась на переносицу судя по цвету мазь Вишневского.
  - А если бы я тебя сейчас раздавил, мерзавец, а?!..

Мальчик продолжал молча смотреть на Мирзу Халила. В руке он держал прут с аккуратно нанизанными на него полуживыми жабами. Жабы вяло шевелили пятнистыми лапками и по мере сил пучили водянистые глаза.

Ругаясь, Мирза Халил вернулся в машину и, только проехав несколько метров,

понял, что купленную у старухи пачку «Мальборо» он оставил на даче Ширзада Мовсумовича и его кукольной вдовы. От возмущения и бессильной злобы его пробила горячая испарина. Он прямо весь взмок. Но делать было нечего. Не возвращаться же обратно к комитетчикам за сигаретами!..

Следуя причудливым изгибам улицы, он покатил вниз. И опять стало больно пульсировать в затылке. Иногда, на поворотах, в редких промежутках между домами, появлялась и исчезала призрачная полоска моря. Она появлялась и исчезала, заслоняемая убогими шиферными крышами, стенами домов, оградами, снова выскакивала, приманивая обещанием прохлады и возможностью встретиться с Л., даже несмотря на то, что шансов на это оставалось все меньше.

Он подъехал к перекрестку со старухою. Старухи на месте не оказалось. От нее осталась лишь тень, да и та сложилась в длинную линию, переброшенную теперь диагонально через перекресток прямо к столовой «Савалан». Витрина столовой оказалась вдребезги разбитой. Весь узкий пятачок перед входом и дальше по тротуару был густо усеян сверкающим на солнце стеклом. Та же женщина, что утром озвучивала старуху, теперь возмущенно мела осколки изогнутым веником, время от времени громко, на всю улицу, проклиная кого-то и призывая в свидетели всех имамов и праведников.

- Бог в помощь, сказал Мирза Халил вполне нейтрально, без тени иронии, выходя из «семерки». Под ногами хрустело битое стекло. Женщина посмотрела на него исподлобья. Мирза Халил подошел к входу в столовую. Небритого дядьки со шлангом не было видно. Зато внутри, в полусумраке, кто-то сидел за пластиковым столом и, приветливо глядя на Мирзу Халила, ел из стоявшей перед ним сковородки. Ручка сковородки была обернута белой тряпицей. Женщина с грохотом пододвинула ногой жестяной ведро, из которого торчала ручка совка.
- Чтобы его, подонка, разорвало!.. театрально провозгласила она и, тяжело перегнувшись, стала снова набирать в совок осколки. На мелкие части разорвало!
- Камнем, что ли? Мирза Халил просунул голову в образовавшийся вместо витрины зияющий проем, по углам которого все еще торчали зубастые остатки стекла. Изнутри «Савалана» тянуло запахом свежей крови и чуть тухлятиной. Кровью несло от двух кусков мяса в бумаге на прилавке и косматой коровьей головы со свисающим набекрень фиолетовым языком.
  - Не камнем, катыком, с набитым ртом сказал человек за столом.
  - Да чтоб у него в животе шишка выскочила!

Только тут Мирза Халил обратил внимания на то, что стены и пол вокруг проема были забрызганы белым. Человек за столом, макая в сковородку горбушку, вяло тряхнул головой, и с его кудрявой макушки в воздух поднялось несколько мух.

- Шишка! Шишка пусть выскочит! завопила вдруг женщина, потрясая веником в полыхающие жаром небеса.
- Катыком, опять повторил человек за столом. Мухи продолжали кружиться над его головой.
  - Как это?
  - Банкой катыка... и в витрину! Полно психов.
- Чтоб его разорвало! Чтоб ему на глаз чирей сел! Клянусь праведниками!.. швырнула женщина веник под ноги и уперла руки в боки.
- Подъехал, короче, на велосипеде. Зашел, говорит: «Катык свежий»? человек за столом откусил от горбушки. Она говорит: «Свежий».

- Hv?
- А он на меня посмотрел так, спрашивает: «Ты, брат, в туберкулезном работаешь?»
  - Hy?
  - А я в туберкулезном работаю...
  - Сволочь! напомнила о себе женщина.
  - Ты его знаешь?
- Видел, кажется. Может, живет рядом. Взял катык... Вышел. А потом как... человек за столом с видимым усилием проглотил крупный кусок и замахнулся рукой с вилкой, запустит в витрину... банкой... чтоб я сдох!

С его макушки опять взвилось вверх несколько мух.

- Чтоб он живым никуда не доехал!..
- Ни с того, ни с сего? удивился Мирза Халил.
- Ага.
- Молодой?

Работник туберкулезного санатория покачал головой. Венок из мух над его макушкой стал шире.

- Спортивный такой... весь в «Адидасах»...
- Да чтоб он сдох!
- Кроссовки «Адидас»?

Человек опять тряхнул головой:

– И финки тоже. И «Украина» с корзинкой. – Он снова густо помакал остатки горбушки в сковороду и запихнул ее за правую щеку. – Сзади корзинка прикручена. На спине рюкзак... велосипед точно видел где-то.

Мирза Халил быстро обернулся к женщине:

- Куда он поехал?
- Да чтоб его...вниз!.. вниз он поехал, сволочь!...

Мирза Халил легко сорвался с места и поспешил к машине.

- Али за ним побежал! крикнула ему вслед женщина.
- Куда там, возразил ей с набитом ртом человек за столом. Не догонит. Велосипед же...
- Ты лучше доедай и иди отсюда! прикрикнула на него женщина. Не видишь не до тебя!
  - А как же заказ на вечер...

Прильнув вплотную к баранке, Мирза Халил пристально вглядывался в узкие переулки по обеим сторонам улицы и почти не обращал внимания на разбитый асфальт. Переезжая ухабы, «семерка» жалобно скрипела всем корпусом, от перегретого двигателя в салон тянуло жаром. Один раз ему показалось, что справа между оградами мелькнул силуэт велосипедиста, но это оказалась лишь причудливая тень от переросшего через навес виноградника. Улица, как и в первый раз, не переставала удивлять. И даже казалось, что вниз она закручивалась и петляла еще большими виньетками, чем наверх. Ему то и дело приходилось притормаживать на резких поворотах, опасно срезая по наносам желтого песка. И по-прежнему улица Комиссаржевской была почти безлюдна, а редкие прохожие либо стояли, либо сидели неподвижно на корточках, скрытые прямоугольными тенями оград и домов.

Недалеко от ворот пионерского лагеря ему попался валявшийся на обочине белый халат буфетчика. А еще дальше, перегнувшись пополам, стоял и он сам, босой

и голый по пояс. Уткнув руки в колени, он раздувался, как кузнечные меха, хватая мокрым ртом воздух. С его пунцового лица градом катился пот. Учитывая комплекцию и жару, Мирза Халил искренне удивился тому, как далеко добежал буфетчик, преследуя велосипедиста с корзинкой.

– Эй, – крикнул он, притормозив рядом, – куда он поехал?

Буфетчик поднял на него выпученные глаза и непонимающе помотал головой, лиловым языком и выражением недоумения напоминавшей коровью башку на прилавке столовой.

Велосипедист... С корзиной... Туда?

Буфетчик попытался что-то сказать, но не сумел, с оттопыренной нижней губы его свисала слюна, и он, не говоря ни слова, только беспомощно махнул рукой вперед.

- Туда! Туда поехал! послышались голоса. Мирза Халил высунулся из машины: в затянутых ржавой сеткой окнах второго этажа смутно маячили детские лица.
  - М-м-м... отплевываясь, мычал буфетчик.

Мирза Халил переключил сцепление и, рванув с места, въехал в узкий коридор между длинным фасадом лагеря и глухой стеной какого-то дома, черным прямоугольником нависавшей над дорогой. Впереди, перед покатым телефонным столбом, где улица, в очередной раз изгибаясь, брала куда-то вправо, в плывущей солнечной зыбке мелькнула опять белая спина велосипедиста. Мирза Халил прибавил было газу, но тут же пришлось притормозить: навстречу ему из-за угла, переваливаясь и скрипя рессорами, выехал полный пассажирский «Рафик».

- Дай дорогу! сорвавшись, заорал Мирза Халил во весь голос.
- В окнах пионерского лагеря радостно заулюлюкали дети.
- И Мирзе Халилу, и водителю «Рафика» пришлось въезжать колесами на узенькие полоски, символически обозначающие пешеходную часть, и двигаться медленно, почти прижимаясь к стенам, чтобы разъехаться.
- Куда ты лезешь! гаркнул Мирза Халил в открытое окно, поравнявшись с водителем «Рафика». Не видишь, я еду!
  - Едет он! Интересное кино, а я что, не еду? Едет он, видите ли...

Продолжать разборки времени не было, велосипедист уже скрылся за телефонным столбом.

Наконец они разъехались. Стараясь все-таки не слишком калечить машину на колдобинах, он погнал вниз по улице мимо полуподвальной лавки хозтоваров с блестящими на солнце оцинкованными ведрами на входе, мимо полыхающего жаром пустыря, мимо тутового дерева, скрывающего под своей сенью двоих тощих парней на корточках с папиросками в зубах, заметил краем глаза свежую надпись краской на полуразобранной ограде — «Урмия», удивился, смутно вспоминая, что уже где-то то ли видел, то ли слышал это слово сегодня. Но вспомнить до конца не получалось: проклятая улица Комиссаржевской, словно испытывая его, не давала сосредоточиться, то и дело сбивая с толку непредсказуемыми виражами.

Когда ему уже стало казаться, что он безнадежно потерял велосипедиста с корзиной из виду, дорога вдруг расширилась до небольшой площади с кругом, в центре которого торчал беленый известью обелиск со звездой, и Мирза Халил буквально в последний момент успел заметить заднее колесо велосипеда, исчезающее в узком переулке. Он решительно рванул за ним по кругу, рискованно влетел в просвет между домами и только тут сообразил, что проезда дальше нет: переулок оканчивался ту-

пиком. Не выключая двигателя, Мирза Халил выскочил из машины и рысцой побежал к ошарашенному подростку в белой майке, успевшему соскочить со своего велосипеда. Никакой корзинки сзади не было. Да и велосипед был явно другой, не черная «Украина». Понятное дело, что и подросток с круглой физиономией и вулканическим прыщом на виске явно был не тот, за кем он гнался.

- Да чтоб тебя! бессильно замахнулся Мирза Халил.
- Что? Что надо? ошалело лепетал подросток, пятясь к железной двери в конце тупика. Мама!

Мирза Халил плюнул в сторону подростка и, повернувшись, побежал обратно к машине. За спиной у него со скрежетом отодвинулся засов, приоткрылась дверь, в воздухе пахнуло жареным луком.

- Что тебе нужно от ребенка? визгливо крикнула ему вслед женщина. Что он от тебя хотел?
  - Мама...
- Эй! Ты! ...думаешь за него некому заступиться, что ли? Стой, говорю я тебе! зачастила она, все больше распаляясь. Люди! Что делается! На ребенка напали! Что он с тобой сделал, сынок?

Мирза Халил быстро забрался в машину и, сняв ее с ручника, стал подавать назад. Тем временем женщина в цветастом платье, гулко шлепая сланцами, побежала за ним следом, потрясая в воздухе коричневыми кулаками. Едва не зацепив боковым зеркалом стену, он выехал задом на круг и рванул дальше по бесконечной Комиссаржевской. Все сильнее пульсировало в затылке. Не считая мороженого, он так ничего и не поел. На него вдруг накатила невероятная усталость. А тут, как назло, – еще и без сигарет остался.

Уже не торопясь, он проехал неработающий магазин Союзпечати «Книги», какие-то новые дачи, свернул, следуя очередному капризу дороги, налево, и тут снова увидел Старуху. Так же, как и утром, она примостилась на обочине, на невысокой скамейке, и так же, как и утром, рядом с мешком семечек лежала мехом вверх ушанка, похожая на линяющего кота. Старуха сидела неподвижно под своим черным покрывалом, впечатанная в пылающий зноем пейзаж. Тень ее, сливаясь с тощей тенью от фонарного столба, от края обочины кралась по стене какой-то продуктовой лавки вверх и указующим пальцем упиралась в небо. Тут, рядом, заканчивалась и проклятая улица Комиссаржевской.

Мирза Халил остановился. Дальше, за темной полосой шоссе, параллельно которому в медвяной дымке тянулось железнодорожное полотно, словно серебряная чешуя рябило и переливалось на солнце море, напоминая о пляже, прохладе и морковном купальнике Л.

7

«Вот ты говоришь, стресс у тебя, жрешь по ночам...»

«Клянусь мамой, Мирза, – адвокат Ашумов хлопнул себя пухлой рукой с бриллиантовым перстнем по гладко выбритой щеке, – проснусь – и давай жрать, как чокнутый, пока кишки наружу не лезут! А потом до утра не сплю! Мучаюсь. Так пучит, так прет...»

«Помрешь ты так...», – без сожаления сказал Мирза Халил, глядя на адвоката поверх очков. Ашумов был на себя не похож. Точнее, лица его толком было не раз-

глядеть, и чем сильнее старался Мирза Халил, тем хуже это получалось. Однако при этом было совершенно очевидно, что перед ним не кто иной, как старый его знакомый, адвокат Ашумов.

«Знаю, - уныло согласился Ашумов. - А что делать? Работу менять?»

«Читай детективы».

«Да ну тебя! Скажешь тоже...»

«Проверенное средство, Ашумов. Я с тобой не шучу. Избавляет сразу от трех зол. Во-первых, от моральной амбивалентности...»

«От моральной чего?»

«А говоришь «классный адвокат»… — передразнил его Мирза Халил. — Моральной неопределенности, значит. В детективе, Ашумов, не бывает серого, там только черное или белое. Понятно? А серое — это то, в чем мы все живем. И этого серого на два поколения вперед хватит».

«А еще?»

«Заниженная самооценка. Вот преступник прячется, запутывает, городит всякое, но мы-то знаем: как бы ни прятался, все равно его найдем. Какой бы умный не был, какие бы фокусы не придумывал – в конце концов из-под любого камня за уши вытащим. Правильно?»

«Ну, так, допустим».

«А третье зло – скука, Ашумов. Все просто. С помощью рюмки коньяка и детектива скука побеждается гораздо лучше, чем только с помощью коньяка».

Адвокат кивнул:

«Хорошо, Мирза, а от газов детективы помогают?»

Мирза Халил хотел, было, ответить, что от метеоризма помогает только диета, но в этот самый момент скальпель хирурга уже добрался до неокортекса фронтальной части лобной доли, Ашумов стал раздуваться на глазах, как пузырь, пока не лопнул с глухим хлопком.

«Тоже мне, мышиный король...», – успел подумать Мирза Халил, прежде чем погрузиться в непроницаемую мглу.

...Сигарета не принесла облегчения. Наоборот, голова стала болеть сильнее, и язык, по ощущениям, стал похож на наждачную бумагу. Вторая купленная за день пачка лежала рядом на сидении. Мирза Халил дыхнул в ладонь, пытаясь определить, есть ли запах изо рта, однако нос был заложен сигаретным дымом. Он пожалел, что сэкономил и не купил у старухи еще и жвачку. С учетом того, что он даже не завтракал, разит, наверное, как от дохлой кошки. Блестящее, словно вымазанное черной ваксой шоссе вело его обратно в сторону санаториев, которые уже розовели бетонными оградами за плавным изгибом дороги. Шоссе было почти пустое, монотонное. Справа, вдалеке тянулись скучные дачи, слева – железная дорога. Порывы знойного ветерка, чуть пахнущие мусором, морем и горячим асфальтом, убаюкивали. Мирза Халил щурил за очками слипающиеся веки. Хотелось пить. Он с сожалением вспомнил про так и не распробованный компот у симпатичной псевдо-вдовушки и толкнул кассету в магнитолу. Щелкнув, опять запела Ажда Пекан, Мирза Халил поморщился, тряхнул головой и, не спуская глаз с дороги, полез на ходу в бардачок за другой музыкой. Кассета, которая ему попалась, была лаконично надписана фиолетовым фломастером: «Сборник заруб. эстрады». Он удовлетворенно икнул, вынул Ажду Пекан, бросил ее на сидение рядом и затолкал в магнитолу новую кассету. Впереди к станции электрички тащились две тетки с баулами и ведрами. Он почти проехал их, когда все тот же женский голос отчетливо и внятно произнес из динамиков:

- ...«У» Урмия, «Гэ» гнида, «Эль» лимон.
- Урмия! вспомнил он.
- Гугл, сказал голос
- Что за «гугл»! заорал Мирза Халил так, что бредущие по жаре к станции тетки оглянулись на проезжающую «семерку» с недоумением.
  - Гугл, снова повторил голос. Начинаем навигацию.

Он заставил магнитолу выплюнуть кассету, но это не помогло. Голос продолжал методично вещать:

- ...настраиваю координаты. Время прибытия в точку назначения – семь минут сорок секунд...

Мирза Халил почти убрал ногу с газа, стал яростно крутить настройку магнитолы, нажимать подряд на все кнопки, выключил ее в конце концов совсем, но голос не унимался:

– ...продолжайте следовать прямо. Через девятьсот метров поверните налево, на улицу Энергетиков...

В полной растерянности он высунул голову в окно. Небо было безукоризненно чистым. Лишь одно кудрявое облачко с аккуратно прописанными вензелями висело нарядно над полоской пляжа.

- ...до поворота осталось пятьсот метров...
- Кто это говорит? он яростно хлопнул по переборной панели, по обтянутому кожей пассажирскому сидению, стал щупать слепой рукой сзади.
  - ...четыреста метров...

Чуть не съезжая в кювет, он полез через сидение в бардачок и стал выгребать без церемоний его содержимое прямо на пол «семерки». Ничего! Ему уже кто-то возмущенно сигналил сзади. Не обращая внимания, Мирза Халил продолжал шарить по салону.

- ...двести метров...
- Да заткнись же ты, б...дь! закричал он снова в отчаянии, бешено сигналя вслед обошедшей его белой «Волге». Впереди показался съезд с шоссе. Двухполосная дорога вела через пляж к электростанции, издалека похожей на колесный пароход на вечном приколе.
- Поверните налево и следуйте девятьсот пятьдесят метров по улице Энергетиков до пункта назна... голос из колонок вдруг накрыло статическим шипением. Едва отдавая себе отчет в том, что делает, он резко свернул на двухполосную дорогу и покатил к морю мимо солончаков и невыразительных дюн, поросших синими колючками. Шипение в динамиках продолжалось еще полминуты, потом из него вдруг стали прорываться звуки музыки, и еще через минуту, жеманно модулируя голосом, запела Шовкет Алекперова:
- …я обрызгала улицы водой, чтобы не было пыли, когда ты вернешься домой… Дорога бежала под уклон, как бы скатываясь с дюн в низину, и отсюда приближающаяся электростанция уже не казалась похожей на пароход: ее заслонял бетонный забор, из-за которого торчали лишь кирпичные трубы и часть плоской крыши с какими-то флагштоками. Дальше яростно искрилось море, темной линией вдоль кромки лениво набегающей воды тянулась нитка водорослей. Пляж был наполовину ракушечный, неприветливый и пустой.

Сбоку от станции бетонные плиты уходили на несколько метров в воду.

Мирза Халил еще раз безнадежно ткнул пальцем в выключатель магнитолы и удивился, когда Шовкет Алекперова вдруг замолчала заодно со статическим шипением. Он уже подъехал к самой станции и притормозил в растерянности на развилке: направо, метров через двести, дорога упиралась в массивные железные ворота с ржавыми красными звездами, налево — продолжала уходить дальше вдоль ограды к виднеющимся вдали служебным постройкам.

- Чего молчишь, сука? Куда ехать? спросил он почти спокойно, с опаской глядя на магнитолу. Ответа не было. Переключив сцепление, Мирза Халил медленно покатил в сторону ворот, но, не проехав и нескольких метров, снова остановился: на одной из бетонных плит ограды он увидел намалеванную рожицу, надпись «Барса чемпион», рядом с ней красным: «Ю+М=Л», наполовину замазанный черной краской половой член, под ним длинную неровную стрелку, указывающую в обратную сторону от ворот и подтекшую надпись: «Гусейн гнида».
- Гусейн, Урмия, Гнида! сразу вспомнил он, разворачивая машину. Сейчас узнаем, что это за гнида!

Дорога, ведущая вдоль станции, оказалась недавно и довольно основательно залатанной. По крайней мере, ям не было, а темные заплатки свежего асфальта были повсюду. Он включил магнитолу в надежде снова наткнуться на таинственный голос, но кроме «Маяка» и «Араза», в эфире царило все то же статическое шипение. Мирза Халил закинул в рот сигарету. Но не закурил.

ССР оказался прав — синий якорь был действительно заметен издалека. То ли краска была какая-то очень уж яркая, то ли место было какое-то очень уж удачное, но не заметить его было практически невозможно. К тому же, сразу перед якорем, точнее, перед водонапорным баком, на котором он был намалеван, дорога, собственно говоря, и заканчивалась.

Оставив машину рядом с милицейскими «Жигулями», он направился к бетонной пристройке. Помимо стрекота кузнечиков, было слышно, как ритмично дышит море.

- ...Мирза Халил потянул на себя ручку двери, та тяжело подалась. Осторожно заглянув внутрь, он увидел вытянутое в глубину помещение, сильно пахнущее свежим ремонтом. Стены были частично отштукатурены, справа впритык стояли строительные козлы, и валялся всякий малярный инструмент. Он открыл дверь пошире. Из помещения в гудящий зной потянулась струя какой-то острой, почти могильной прохлады. Мирза Халил заложил сигарету за ухо.
- Эй! под потолком горели две лампочки без абажуров. Голос его коротким эхом прокатился по помещению и вернулся назад. Он еще потоптался в нерешительности, а затем закурил и, не закрывая за собой двери, повернулся и пошел обратно по горячему бетону к машине.
  - Заходите, пожалуйста, заходите! понеслось ему вслед.

Высокий старик, жестикулирующий тощими и длинными паучьими руками, торчащими из коротких рукавов красной майки, провел его в самый конец помещения, которое, как оказалось, не заканчивалось стеной, а продолжалось направо и еще дальше в глубину. Света здесь почти не было, зато было еще прохладнее и еще сильнее пахло краской. Мирза Халил громко чихнул.

– На здоровье! – прохрипел старик и открыл перед ним обитую дерматином дверь. Мирза Халил вошел.

– Молодец. Хорошо, что пришел.

ССР сидел во главе длинного стола, заваленного пучками свежей кинзы, петрушки, кресс-салата, эстрагона вперемежку с отличными помидорами и мелкими огурцами. ССР был в белой майке, с полотенцем на шее. В правой руке он держал внушительный ломоть брынзы.

– Садись, брат, не стесняйся. Тут стесняться нечего. Свои люди. Сейчас закусим, как надо. Давай, давай, помогай.

Мирза Халил сел, придвинулся к столу.

- Бери себе чистую тарелку. У меня самообслуживание. Зато к еде претензий не будет. ССР втянул в рот лиловыми губами шматок брынзы. Мирза Халил начал с лаваша.
  - Ну что, водку пить будем?
  - Мне еще обратно ехать.
- По чуть-чуть, для аппетита. Тутовая. Уважаешь тутовую? Не самогон, двойной очистки.
  - Только закушу сначала, с утра ничего не ел.
- Давай. Вот... ССР подцепил кончиками пальцев истекающую жиром рыбину и протянул ее Мирзе Халилу. Подставляй тарелку. Жерех. Сейчас до самой Туркмении жереха не найдешь. Попробуй, какой. Все его жир. А здесь судак отварной. Двоюродный брат жереха. Вроде такой же на вид, зато ни грамма жира.

Мирза Халил стал есть. Рыба была вкусной. ССР пододвинул к нему тарелку с копченым заломом.

– Ешь залом. Попробуй еще селедку эту – на углях, с луком внутри. И белугу возьми, из духовки только что. С помидорами. Пьем за здоровье. Плохо, когда в семье кто-нибудь болеет. Жена, еще кто-нибудь.

ССР невозмутимо кивнул Мирзе Халилу. Чокнувшись маленькими гранеными стаканчиками, они выпили. Тутовая водка, как и ожидал Мирза Халил, была крепкой и все-таки отдавала самогоном. Однако ему уже было все равно, и он ел, стараясь не обращать внимания на то, как ССР, удивительно закрутив себе в рот охапку зелени, откусывает от ломтя хлеба и, еще не начав жевать, уже проталкивает в себя следом цельный помидор или кусок печеной белуги. При этом щеки его эластично раздувались, как у комодского дракона, почти налезая и на без того заплывшие глаза. Потом он начинал методично двигать челюстями, с ровным и выразительным хрустом перемалывая еду, с урчанием заглатывал ее, после чего опрокидывал в рот содержимое бутылки «Дюшес».

Помимо пыльного плафона под потолком, по правую руку от ССР горела совершенно неуместная здесь бронзовая настольная лампа со светлым абажуром. Окон не было. По углам неподвижно висели сумрачные неприятные тени. Некоторое время ели молча. Мирзе Халилу, не спеша доедавшему жереха, стало казаться, что хлипкий стол и вся еда на столе в простой дешевой посуде почти незаметно вибрируют.

- Ну что? прервал наконец затянувшуюся паузу ССР, опорожнив в себя очередную бутылку лимонада. Голова прошла?
  - Голова?
  - Не болит, говорю, голова больше?
  - А я говорил, что у меня голова болит? удивился Мирза Халил.
- Сейчас горячее, а потом рыбу-змею будем кушать! Фирменная вещь! Любишь угрей? спросил ССР. Дядя! Эй, дядя! Ты где?

В открывшуюся дверь просунул голову старик с паучьими руками:

- Горячее нести, сынок?
- Неси постепенно.
- Сейчас будет... старик почти беззвучно прикрыл за собой дверь.

ССР рыгнул в ладонь:

– Непростой старик, между прочим. С двадцать восьмого года при станции работает. А станцию в двадцать седьмом пустили, соображаешь? И имя у него подходящее – Усьян. Восстание, значит.

Мирза Халил, сидевший с набитым ртом, стал прикидывать в уме возраст старика.

- За восемьдесят. Точно не скажу. Опять неприятно удивил его ССР. А так, кто его знает, сколько ему лет. И какая разница? Этот барак позже пристроили. В тридцатом, кажется. Он рассказывал. Знаешь, зачем пристроили?
  - Вроде как склад, что ли?
- Да нет! На самом деле склады там... ССР вяло махнул лапой куда-то вправо от себя. Ты подойди сюда, покажу что-то...

Мирза Халил удивленно посмотрел на ССР.

– Да подойди на минуту, а? На полу здесь кое-что...

Мирза Халил поднялся с места и, чувствуя на себе насмешливый взгляд ССР, медленно обошел стол со стороны настольной лампы.

- Во, видишь ковролин, не приклеен, сказал ССР, как ящерица, далеко вперед, вытянув голову из складок всех своих перекатывающихся подбородков. Ты с угла его захвати... ага... и откинь в сторону.
  - Зачем?
  - Ну откинь, говорят.

Мирза Халил откинул край толстого ковролина. В бетонном полу он увидел створку квадратного железного люка с гравировкой «ГРЭС». Придерживая абажур, ССР наклонил со стола лампу.

– А теперь, видишь, задвижка там...

Мирза Халил опустился на одно колено и с трудом отодвинул тяжелую задвижку.

- Открывать?
- Открывай, открывай!

В лицо сразу пахнуло морской гнилостью.

– Ну...? Сообразил теперь?

Под люком оказалась железная решетка, закрытая на амбарный замок. Внизу, в глубине колодца, хлюпала и чавкала подвижная вода.

- Ничего себе! Это что, море? Склад на сваях, что ли? А снаружи так и не скажешь, вроде как будто все здание на берегу.
- Тут, брат, считай метров шесть. А может, больше. Шесть вообще-то раньше было, пока Каспий не поднялся.
  - Шесть метров? с сомнением переспросил Мирза Халил.
- Закрывай давай... Воняет. Мирза Халил вернул люк на место. ССР толкнул босой ногой в узловатых варикозах край ковролина и, повернувшись к столу, закинул в рот два соленых огурца.
  - И для чего колодец? Рыбу ловить, что ли?
- Ага, сказал ССР. Точно, рыбу. Народ здесь стреляли, а потом в море, в колодец этот сбрасывали. Связками, между прочим, как бычков.

Мирза Халил недоверчиво посмотрел на сморщившийся ковролин.

- Серьезно, что ли?
- А чего мне тебе врать? Для того барак и построили. Привозили ночью, в камеры загоняли... живых, мертвых, всяких. А как же? А потом к стенке и сюда, в люк. Рыб кормить. У них и стенка была специальная. Деревянная, переносная. Двухдюймовая. Расстреляют партию, потом покрасят, чтобы аккуратно все. Да ты иди садись, чего разволновался? Давно дело было. Сколько лет прошло. Если так подумать, и людей тех нет, и рыб давно съели. А? Только колодец и остался. Да и то ненадолго. Зацементируем его к черту. Зачем он? Правда? ССР опять деликатно рыгнул. А может, и не зацементируем. Мало ли?
  - И что... он с тех пор так и стоит? Барак этот?
- Зачем просто так? Вначале точно в склад превратили. Потом в тренировочную базу переделали для молодых энергетиков. Там, по коридору, двери видел? Классы были. И ОТК сидел с отделом кадров. А теперь, сам видишь, ремонтируемся. Здание хорошее. Капитальное. И место незаметное. Кому в голову придет? Вот, хотим тут, понимаешь, место для себя сделать. Типа клуба. Для своих только. Сауна, поесть хорошо, отдохнуть, ну? Одобряешь?

Дверь открылась и появился старик с подносом.

- O-o-o! Давай, давай...! - оживился ССР. - Умираем от голода!

Старик освободил середину стола, поставив туда громадный противень с фаршированными кутумами.

- И угрей нести?
- Через пятнадцать минут! нетерпеливо пробасил ССР, впившись в дымящееся брюхо самой большой рыбины.
- Кушайте! На здоровье! Кушайте! удовлетворенно верещал старик, бесшумно удаляясь.
- М-м-м! Чувствуешь, какой запах? С ума сойти!.. Ты накладывай, пока не остыло... Начинка! Сдохнуть можно! И давай тутовую разливай.

Мирза Халил был почти сыт, но все-таки тоже взял себе кутума поменьше.

Они снова выпили. И опять ели молча несколько минут, пока ССР не полез за добавкой.

- Рыба еда легкая, хорошо переваривается. Ешь на здоровье, сколько хочешь. А самое вкусное в рыбе голова! сказал он, с хрустом разгрызая голову кутума.
- А старик этот, что, тоже народ стрелял? спросил Мирза Халил, ковыряя начинку.
- Старик-то? пробурчал ССР с набитым ртом. Чуть вытянув голову, он заглотал еду и, вытерев фиолетовые губы тыльной стороной ладони, выдохнул. Старикто... Да не-е-е, какой расстреливал. Был здесь на побегушках. Складчик, сторож. Что-то такое. Слушай, не в службу, открой бутылочку лимонада. Вон там целый ящик в углу. Знаю, что говно полное, но с детства люблю.

Мирза Халил принес пыльную бутылку лимонада и открыл ее о край стола.

– А вообще, черт его знает, – неопределенно сказал ССР, сделав большой глоток. – Может, и расстреливал. Работа есть работа. Просто так держать не стали бы. Правильно? Он старик непростой, Усьян. Он, скажу тебе, и есть народ. Кого в колодец, рыбам на корм, а кому рыбу жареную на тарелочке с луком и петрушкой. Понимаешь? Только руки у него такие – неприятные. Паучьи.

Мирза Халил поморщился.

- Давай-ка еще закусим, брат. Пока жир не застыл надо есть. Мало ли, когда еще доведется, вздохнул ССР и взял себе последнего кутума. А девочку жалко, нет? Все при ней...
  - Какую девочку?
- Девочку? Да хохлушку эту. Симпатичная. Хоть и маленькая. Я люблю женщин покрупнее. Я и сам, видишь, не маленький. Эти ведь теперь с нее не слезут. Как думаешь? Раскрутят по полной.
- Чего ее раскручивать, все же в порядке? Не понимаю я. Гюльбалаев же объявился, вроде? Сообщение прислал. Или не в курсе? Там аппаратура у них. «Айва» называется. Типа радиотелефона. Гюльбалаев изобрел...
- Да знаю я, покачал головой ССР. Ерунда все это. Какое, к черту, сообщение? Думаю, готовый он уже, Гюльбалаев наш. Жалко, конечно. Интересный был дядька. Велик его найдем потом и самого где-нибудь откопаем. Про велосипед с корзинкой слышал?
- Как это? Да я же сам видел! На аппарате сообщение... типа, все в порядке, скоро буду. Ну? В любом случае, она-то тут при чем? стал горячиться Мирза Халил.
  - Думаешь, вернется?
- Гарантировать, конечно, не могу, но так, вроде, все логично, сказал Мирза Халил уже с меньшей уверенностью.
  - Ты ешь, ешь.
- Аппарат, вроде бы, реальный, продолжил он задумчиво после недолгой паузы, заполненной ровным чавканьем ССР. «Айва» эта. Видно, что работает, не фуфло какое-нибудь. Целая лаборатория у него там. Аппаратура. Он, вроде, эту «Айву» в серию готовил. Правильно?
  - Hv?
- И вот, я думаю, комитетчики просто так бегать не стали бы. Козлы они, конечно, еще те, но все-таки. А вдруг его... ну, не знаю, похитили, например, а? Чтобы технологию украсть, Гюльбалаева... Мало ли? А сообщения слали липовые, чтобы успокоить?
- Ага, обтер губы салфеткой ССР и, как черепаха, втянув голову в складки кожи, подул себе на грудь. Так скажу тебе, брат... комитетчики бегают, потому что Гюльбалаев человек известный. Заслуженный. Слышь? И сам, наверное, тоже комитетчик. А хохлушка эта... она его, скорее всего, и кокнула. Вот увидишь. Или с любовником каким-нибудь, или с мамашей своей. Так все и выйдет. Опыт, брат. Но все равно девочку жалко. Пропадет. Симпатичная. А с другой стороны... Что ей, как говорится, с другой стороны?

ССР глумливо расхохотался.

Похрустев огурцом, Мирза Халил решил ничего не рассказать про разбитую витрину и велосипедиста. Он достал из кармана сигареты и протянул пачку ССР.

- Не, сам кури, если хочешь. Я когда ем аппетит не порчу. Эй, дядя!
- Уже здесь! Уже несу! раздался из-за двери голос старика. Через мгновенье появился и он сам с большой супницей, которую нес враскачку перед собой. Ешьте... горячее все, с плиты! Рыба-змея жирная в этом году... сверху гранатовые зерна, тушил с луком, с чесноком, ай-ай-ай...!
- Здесь рыба всегда жирная, хищно сказал ССР. Прикормленная. Спасибо, дядя. Все как надо.

Мирза Халил невольно поморщился.

- Потом чаю?
- Я все, переел уже...
- Обязательно. Хорошего чаю, конечно. С чабрецом. Крепкого... Чего переел? Ты попробуй! Одну ложку, под тутовую. Такового ты не ел. Гарантирую! Слышь? Ты вот думаешь? здесь рыба жирная из-за колодца? спросил ССР, буравя Мирзу Халила взглядом. Э-э-э, брат, говорю же сорок лет прошло. Все, что туда сбросили, съели давно. И не подавились. И костей не осталось. Я знаю. А не веришь Усьяна спроси. Он помнит. А может, и не помнит. Память человеческая короткая. Ты следователь, должен знать. Короче, рыба тут жирная потому, что нерестится здесь, прямо у станции. Считай, под нами прямо икру и мечет: со станции воду теплую сбрасывают. Понял теперь? Все просто, как говорится, как два пальца... давай под тутовую. По последней!
  - Ладно, по последней, вдруг легко согласился Мирза Халил.
     Выпили.
  - Хотел спросить, что такое «гугл»?

ССР задумчиво посмотрел на Мирзу Халила:

- «Гугл»? Не знаю. Гоголь-моголь знаю. А что?
- Не, просто по радио услышал сегодня.
- Да плюнь. Чего только сейчас по радио не несут.
- Отсюда позвонить можно?
- Позвонить хочешь?
- Домой надо.
- Организуем... Дядя!

Старик повел Мирзу Халила куда-то влево. Из-за отсутствия окон ориентироваться в расходящихся полутемных коридорах было тяжело. Шли они мимо пустых комнат по обеим сторонам. Некоторые были отштукатурены, даже покрашены, другие стояли нетронутыми — с грязными, наполовину белеными известью стенами. Чем дальше они шли, тем отчетливее слышалось клацанье воды о стойки здания. Старик семенил впереди, почему-то загребая перед собой руками, словно плыл по-собачьи. Наконец они дошли до железной двери, за которой оказалась просторная каптерка с застеленным топчаном, линолеумом, телевизором на тумбочке и двумя холодильниками. На топчане, укрывшись клетчатым пледом, спал лейтенант — шофер ССР. Старик молча показал Мирзе Халилу на телефон на стене, но из каптерки не вышел, а стал суетиться у столика между холодильниками. Мирза Халил набрал контору. Все пять номеров, которые помнил на память. И все пять оказались заняты. Занято было даже в приемной начальника. Подождав немного, он безрезультатно попробовал снова, а затем набрал дом.

- Это я.
- Угу, ответил сын, и опять ничего: ни радости, ни хотя бы даже раздражения. Лейтенант заерзал под пледом.
  - Никто не звонил мне?
  - Нет.
  - Как мама?
  - Спит.
  - До сих пор спит?
  - Угу. Просыпалась.

- И что?
- Лекарство принимала.
- Ты сказал ей, что я звонил?
- Угу.
- Ясно. Уроки сделал?
- Кто это...? Кто это...? послышался неприятный голос свояченицы. Это отец твой?
  - Угу...
- Ты где? выхватила она трубку. Мирза Халил невольно поморщился. Не обращая на него внимания, старик встал перед зеркалом, привычно растянул веки правого глаза пальцами и стал невозмутимо протирать зрачок углом салфетки. Только тут Мирза Халил сообразил, что в правом глазу у старика был протез.
  - Алё! Алё! Где ты вообще сейчас?
  - На задании. Как она?
- Что как? Что как? Ты, типа, не знаешь, как она? затараторила свояченица. Кожи да кости остались от моей сестры. Ничего от нее, бедной, не осталось высохла вся! Бедная моя сестра! Бедная моя сестра! А ты вместо того, чтобы...
- Не начинай! оборвал ее Мирза Халил, прикрывая трубку рукой. Я на работе. Все. Скоро буду.
  - Купи катетеры! Катетеры купи... слышишь? Не забудь...

Старик подмигнул Мирзе Халилу в зеркале и понимающе улыбнулся бескровными губами.

Когда он вернулся за стол, ССР продолжал есть.

Они снова выпили. Мирза Халил закусил маринованным чесноком, а потом, с сомнением нанизав на вилку кусок еще не остывшего угря, отправил его в рот.

- Как тебе? Одобряешь?
- Вкусно вообще-то. Второй раз в жизни ем.
- А я тебе что говорил!

Мирза Халил взял еще угря. Даже несмотря на выпитую водку, в комнате было зябко.

- Может, кондиционер немного уменьшить? спросил он, оглядываясь по сторонам.
- Кондиционер? удивленно спросил ССР. Тут нет кондиционера. Еще не поставили.
  - А чего так холодно? удивился Мирза Халил. На улице пекло.
- Ты ешь. Ешь. Согреешься. Усьян говорит, в аду на самом деле не жарко, а холодно. В нашем аду. ССР ткнул себя в грудь клешней. Понял?
  - Нет.
- А вот так. Говорит, холодно там, и все. Как в морозилке. Как в Сибири. Никакой жары. Грешников не поджаривают. Морозят. Мне это подходит. Жару не люблю.
  - А он откуда знает?
- Э, брат! Усьян, сука, все знает... Ты рожу его видел? Глаза как у рыбы. Как у кутума. Думаешь, зря он столько лет народ топил... ССР болезненно икнул. Ты приглядись к нему. Дядя непростой. По рюмочке еще? Чтоб согреться?
  - А я пригляделся уже. У него глаз стеклянный.
  - Ну и что? Выпьем?

– Мне хватит. Обратно еще ехать. Утопленницу, которую утром нашли – в руке у нее глаз был стеклянный. Как у Усьяна.

ССР мрачно насупился, уставившись себе в тарелку. Над столом повисла пауза. Наконец он поднял голову и налил себе тутовой водки.

- И что?
- Ничего. Стеклянные глаза на улице не валяются.

Мирзе Халилу вдруг показалось, что за дверью кто-то есть. Он обернулся и привстал.

– Садись. Садись. Все нормально, – успокоил его ССР, опрокидывая в себя водку. – Значит, думаешь, он ее?

Мирза Халил пожал плечами:

- Проверить надо.
- Усьян, конечно, может. Чего ему? Тюрьмы не боится. Одной ногой так и так в могиле уже. И потом, девка-то все равно бесхозная. Утонула и утонула. Ни документов, ни родственников.
  - Да как же...? возмутился Мирза Халил.
- Ты погоди. Ты курить, вроде, хотел. Дай и мне, что ли, чего-то я свои не найду.

Они закурили. Выдыхая дым в потолок, ССР задумчиво почесал грудь в оттянутом вороте майки.

- Ладно. Раз настаиваешь, проверим дядю. Только я сам. Ты поезжай. Я с ним как-нибудь сам разберусь.
  - Просто...

ССР подался вперед:

- Не твое дело! Понял? Ты сказал, я услышал. Если Усьян шлюшку эту завалил будет отвечать. ССР глубоко затянулся и раздавил недокуренную сигарету в пепельнице. Жалко, готовит хорошо. Сволочь старая.
- Я просто хотел сказать, может, он и к другой девушке отношение имеет какое-нибудь? Которая пропала.

ССР скорчил гримасу:

– Ну, ты, брат, прямо уже совсем! Прямо маньяка из него сделал! Ты же про сестру буфетчицы говоришь? И что? Пропала и пропала! – ССР неодобрительно покачал головой и снова стал накладывать себе на тарелку еду. – Найдется. Никуда не денется. Не иголка. Ты видел ее вообще?...Откуда! Не видел, а говоришь! Во-первых, девка с приколом.

Закинув в рот охапку квашеной капусты, ССР покрутил у виска пальцем и продолжил с набитым ртом:

- Чокнутая. Пятнадцать лет всего. В жизни не дашь. Подумаешь взрослая женщина. Сиськи, жопа...Точная копия сестры. Только Сама́е тридцать пять, а этой пятнадцать. Уже на голову выше! Здоровая девка. Белая, как мороженое. Белая, белая. Пломбир, короче. Но в башке ничего. Совсем дебильная. Увел ее кто-нибудь. Барахлом каким-нибудь приманил. И увел. Вот увидишь, наиграется и отпустит. ССР макнул в тарелку хлебную корку, закинул ее в рот и, пожевав, сказал задумчиво: А может, и не отпустит. Придушит. И тоже в море. Жизнь, брат. Ничего не поделаешь.
- Так я и говорю, может, оба случая связаны? Может, действительно, серийный убийца? Во всяком случае, Усьян точно на подозрении. Может, он ее даже где-

то здесь держит. Прямо сейчас, пока мы тут обедаем. Народ на пляже говорил: «маньяк, маньяк...».

- Кто говорил? Ты мне скажи, кто? Кто, кроме тебя, говорит, говно кушает! Какой, к черту, маньяк? Тут одни дачники, торгаши и чабаны. Откуда? Насмотрелись всякого! Это два разных дела! Понял? Ты что, мне не веришь? Да, мы, считай, уже взяли его, если хочешь знать. Второго. У нас он уже. Колем. Ага. Так что все в порядке!
  - Я не знал. И кто он?
- Да ишак! Есть тут один. В техникуме преподавал раньше. Погнали его оттуда. Баран этот к студенткам приставал. Нарвался. Посадить хотели. С трудом отмазался. Теперь экстрасенсом заделался. ССР с негодованием швырнул скомканную салфетку на стол. «Дар» у него открылся. Сука! Сейчас же модно. Все руками лечат. Зачем врачи, зачем больницы, руками помахал...Кашпировский здешний. Дома принимает. По фото лечит. Пропавших ищет. Женщины к нему в очередь становятся. Деньги тянуть дар у него открылся. Голову людям морочить. Он мне давно не нравился, но все руки не доходили. Привык, подонок, в техникуме девок щупать... Теперь все. Не отвертится. Взяли мы его. Так визжал, пришлось рот затыкать. Мать его уже заявление накатала. Но я ее живо успокою. Она у меня свое заявление в одно место себе засунет! Айкануш эта.
  - Айкануш?
  - Армянка.
  - Реально Айкануш зовут?
- Нет. Зовут ее Гюльханым. Гюльханым Мамед гызы Абиева. И что? Бабушкато была армянка. Люди помнят. Не обманешь! Старая б...ь, думала, все забыли. Ей бы сидеть и не рыпаться. А она права качает. Вся их порода такая. Повариха. Раньше в кардиологическом работала.
  - Дома обыскивали? Нашли что-нибудь?
  - ССР поправил полотенце на шее:
- А как же. Женские трусы нашли. Целый мешок. Лифчики. Еще что-то. Из женского.
  - Ничего себе! И вещи пропавшей девушки тоже? Сестра опознала?
  - Не стали сестру звать. Зачем?
  - Как так?
- Вещи все новые. В упаковках. Ненадеванные. И по размеру не то... Сама́ина сестра с меня ростом будет. Жопа у нее в полстола. А тут все по мелочи. Гюльханым невестке будущей собирала. Кто тут за ее сына дочь отдаст?
  - Так значит, на экстрасенса нет ничего, получается? Или все-таки есть?
  - Пока нет. Потом будет.

Мирза Халил налил себе минеральной:

– Так если девку не он увел?

ССР поднял на него помутневшие от водки глаза и, икнув, широко зевнул всей пастью:

– Не нравится, как мы тут дела ведем? Нормально ведем...Что-то устал я. Жарко сегодня.

Пока Мирза Халил задумчиво катал по столу хлебный мякиш, ССР продолжал говорить, осоловело таращась на него, но говорил все медленнее, глуше, временами теряя нить.

- ...зато везде порядок...чтобы глупостей не было. Чтобы уважали. Помитинговали и хватит. Все это плохо кончится... распустили народ... ничего. И этот сучонок признается. Куда денется, а...? А мы его подержим. А потом отпустим...зачем он нам? Уроком будет. Выпьешь еще?
  - Нет, все... и так развезло уже.
  - Ладно...теперь я тебя спрошу... можно? По-братски.
  - О чем?
- ...женщина она видная... конечно... Эффектная... чего говорить... Но тебе это надо? Приключения на одно место...

Мирза Халил почти протрезвел.

- Какая женщина?
- Я, брат, тут поставлен все знать. Город маленький, закрыв глаза, бормотал ССР. Сюда пятый год приезжает... считай, местная уже...муж у нее... человек солидный... дочка...

Язык его стал совершенно заплетаться, и Мирза Халил уже с трудом улавливал, что он говорит:

– ... слышь... потом, замужняя женщина...нехорошо...не по-мужски... чужую жену...правильно? Чего тебе, баб мало? Вон хохлушка эта...

ССР уронил голову на грудь

- ...жалко, прижали ее... не отвертится...
- Так она ведь тоже замужняя? насмешливо спросил Мирза Халил.
- Вдова, уверенно ответил ССР, после чего захрапел, с аппетитом шамкая во сне лиловыми губами.

8

Закинув ногу на ногу, Сара горбилась над мобильным телефоном, быстро прокручивая фейсбуковскую ленту, отражавшуюся голубоватым мельтешением в ее очках. Новый онкологический центр был настолько новым, что еще не успел пропахнуть ни больницей, ни пациентами. Однако ей все равно казалось, что хорошо кондиционированный воздух приемного покоя уже заражен запахом страшной болезни. Ко всему прочему, от долгого сидения ноги ее затекли, и нужно было бы встать, пройтись, ну, или хотя бы сменить позу, но Сара продолжала упрямо сидеть, как сидела, всем своим видом давая понять Мурадову на кожаном диванчике у противоположной стены, что его присутствие здесь нежелательно.

Доктор был не дурак, сигналы от бывшей жены улавливал на ходу. И потому, тушуясь по мере возможности, сидел неудобно, боком, стараясь заслониться от Сары, насколько было возможно, сыном. За окнами приемного покоя в солнечном смоге почти без движения стояла автомобильная пробка, и даже если Мурадов сдался бы и решил бы уйти прямо сейчас, выехать из больницы все равно было нереально. Доктор продолжал неудобно сидеть, вполголоса рассказывая Эльмару про недавнюю поездку в Скандинавию. При этом он тщательно фильтровал в уме все, что рассказывал, чтобы избежать неловкого упоминания о своей новоиспеченной супруге. Эльмару же слушать про Скандинавию было скучно. Признаться, Скандинавию он уже гуглил несколько раз, смотрел фотографии и, не считая платиновых блондинок, в целом был не очень впечатлен увиденным. Но все равно вежливо кивал коротко стриженой головой, назойливо перекидывая между пальцами, как четки, ключи от машины.

Наконец Сара, окончательно устав от Одноклассников и Фейсбука, не выдержала. Подняв глаза поверх очков, она уставилась буравящим взглядом в Эльмара и, когда он, наконец, обратил на нее внимание, подозвала его к себе движением руки.

- Что? через весь приемный покой, не задумываясь об этикете, спросил сын. Доктор невольно замолчал, воровато поглядывая на Сару из-за плеча Эльмара. Она скорчила возмущенную гримасу. Эльмар, нехотя поднявшись с места, подошел к матери. Что, мама?
  - Если я тебя зову, надо встать и подойти, прошипела Сара.
  - Пришел, да, что?
- Чего он здесь сидит? На моих нервах играет? У меня, между прочим, брат на тяжелой операции.
  - Он тебе мешает?
- Во-первых, говори тихо. Во-вторых, что значит, мешает? Конечно, мешает! Зачем я его должна видеть вообще? Приперся...
  - Bce?
- Нет, не все! Хорошо еще, с собой шалаву не притащил свою! Бессовестный! Она моложе тебя, между прочим, ты в курсе вообще? Педофил просто какой-то!
- Не моложе, мама. На два года старше, сально улыбнулся Эльмар. Я видел ее. Ничего такая. Фигуристая.
- Тьфу! Дурак несчастный! прошипела опять Сара, окатив доктора Мурадова презрительным взглядом. Доктор, который, по примеру бывшей жены, теперь тоже уткнулся в экран телефона, почувствовав на себе ее обжигающий взгляд, виновато заерзал на диванчике и откашлялся.
  - Мама, хватит, да! Неудобно...
  - Что неудобно? Что неудобно тебе? Ты только посмотри на него...

Пробка за окном как будто сдвинулась с места. Сверкающий на солнце поток машин неуклюже пополз вверх по проспекту.

...Мирза Халил, сложив руки козырьком, смотрел в небо. Только что вынырнув из подвальной прохлады расстрельного барака, он стоял, оцепенев, чувствуя, как сходит напряжение и расслабляются, словно в горячей воде, одеревеневшие мышцы. Дело шло уже к вечеру, но зной, пахнущий гарью и гудроном, еще не спал. Закрытая дверь за спиной Мирзы Халила внимательно целилась ему в затылок черным глазком. Как и утром, небо было чистым, сплошь одинакового цвета, без переливов, с одним единственным, похожим на чью-то полупрозрачную роспись, облачком. Оно чуть сместилось вправо от линии пляжа и стояло над видной издалека плоской крышей кардиологического санатория.

Мирза Халил вспомнил про катетеры, провел руками по лицу, будто прогоняя остатки ночного кошмара.

Почти пять. Он вырулил с улицы Энергетиков на шоссе. Магнитола не дурила. Он опять легко нашел «Араз», потом «Маяк», потом еще что-то, включил кассету. Наконец-то заиграл тот самый «Сборник заруб. эстрады». Но от энергичной музыки легче не стало. Уже проехав перрон электрички, он понял, что засыпает. И плавный изгиб черного шоссе, и желтые пустыри по правую руку, и ровный напор горячего сквозняка в открытые окна, — все это убаюкивало Мирзу Халила. Стараясь не заснуть, он то и дело тер глаза, безнадежно потряхивал головой, но раз или два просыпался, лишь когда задние колеса, взбивая клубы пыли, уже опасно хрустели по самой обочине дороги.

Проехать обратно 70 километров было нереально. А тут еще ко всему выяснилось, что чертовы сигареты он, по-видимому, оставил на столе у ССР!

Тот же самый худосочный мент на дверях пансионата узнал его сразу по машине и без вопросов открыл ему ворота. Как и утром, Мирза Халил проехал метров триста по тенистой аллее в глубину территории и припарковался рядом с летним кинотеатром у беленого известью бордюра. Аллея была сосновая. Серый песок был усыпан сосновыми иглами. Он устало потянулся, принюхиваясь к запаху пыльной хвои. Кривые сосны чуть потрескивали над головой. Спрятав ключи в карман, Мирза Халил неспеша обогнул кинотеатр и направился к главному корпусу, чувствуя, как влажная от пота тенниска неприятно липнет к пояснице и плечам. Ужин в пансионате начинался в половине седьмого. Распорядок Мирза Халил знал назубок. Если не мешкать, вполне хватит времени окунуться в море, а уж потом дождаться Л. в фойе главного корпуса по пути в столовую. Другое дело, что делать с этим дальше? Заговорить с ней все равно вряд ли получится. Да и вообще, все это было рискованно, не нужно, хлопотно. В конце концов, вечером к ней мог даже приехать муж.

Уже перед смотровой площадкой, с которой начинался спуск к пляжу, он замедлил шаг, а потом и вовсе остановился в раздумье. За пролетами лестниц и чахлой растительностью проглядывало потемневшее к концу дня море со светлой полосой отмели, через которую по диагонали перекатывались кудрявые буруны. От одного этого вида обожжённые потом спина и подмышки стали зудеть еще настойчивее. Мирза Халил живо представил себе, как стащит с себя провонявшую тенниску и повиснет, насколько хватит дыхалки, лицом вниз в прохладной воде... Но вместо того, чтобы двинуться по ступеням вниз, со злостью плюнул в клумбу с чахоточными суккулентами и повернул обратно к главному корпусу.

Показывать удостоверение даже не пришлось. Женщина за стойкой администратора в блузке из легкомысленного салатового люрекса еще издалека широкой улыбкой дала ему понять, что знает, кто он такой и что здесь делает. ССР все-таки был прав: роман с Π . мог в любой момент закончиться скандалом.

Из пяти номеров дозвониться получилось только по одному: остальные, как и в прошлый раз, были безнадежно заняты.

Его огорошили сразу же, как только узнали его голос. Выяснилось, что ему уже два раза звонили из КГБ по делу о пропаже Гюльбалаева. Выслушивая детали, Мирза Халил почувствовал, как неприятный холодок пробежал у него между лопаток.

- Номер записал?
- Запомнил. Фамилия Исаев. Сказал, дело у них на контроле. Чего еще? Сказал, перезвонит завтра утром.
- Подожди! Подожди... а когда он в последний раз звонил? Ты же говоришь, он два раза звонил?
  - Да после обеда где-то.
  - А когда точно, не помнишь?
  - Ну, часа два, может, два с половиной назад.
- Слушай, Абышев... заволновался Мирза Халил, ...ты знаешь, чего... ты давай звони прямо сейчас в комитет, слышишь? А я этого Исаева попробую набрать. Отсюда никуда не дозвониться. Скажи им, что ее забрали! Я сам видел. При мне забирали. Понял? Вроде как, комитетчики. Но пусть проверят... До обеда забрали! Не может быть, чтобы они не знали. Слышишь?
  - Ты в курсе, что шесть уже? Кого я там найду...

- Звони, Абышев! Звони! Дело, кажется, серьезное!
- А ты чего, у них ксивы не смотрел?
- Да подожди ты! ...Скажи, пусть свяжутся здесь со своим местным отделением.
- Ага, буду я им указывать, что делать...
- Абышев!
- Да понял я!

Мирза Халил набирал оставленный Исаевым номер несколько раз. Телефон не отвечал. Его охватила почти паника. В паузах между звонками он нетерпеливо переступал с ноги на ногу, исподлобья поглядывая на администратора в салатовой блузке. Так и не дозвонившись, он снова набрал отдел. Но теперь не отвечал и Абышев. Не отвечали и другие номера, и только приемная была все время занята. Не слишком стесняясь присутствия администраторши, он швырнул в сердцах трубку и, обгрызая ногти правой руки, стал лихорадочно соображать, что делать дальше. Продолжать звонить? Ехать со всем этим в горотдел? На дачу к Гюльбалаеву?

«...Ключ ко всему — ССР!» — заключил Мирза Халил наконец, уже выскакивая из фойе главного корпуса. Солнце косо пробивалось сквозь сосны медными лучами. Он с отвращением скользнул на горячее сидение машины и запустил неостывший двигатель. По узкой аллее он быстро доехал до котельной, где развернулся и покатил обратно к воротам. Все тот же худосочный дядька, кивая, выпустил его из пансионата. Пропуская рейсовый «Икарус», Мирза Халил встал перед выездом на шоссе. Следом за «Икарусом» двигалась еще и медленная желтая цистерна. Тут он и заметил прямо у ворот, на невысоком бортике символической клумбы с фонарем, все ту же старуху с ее семечками, сигаретами и выношенной ушанкой. Старуха сидела ровно, как кол, сливаясь заподлицо с тенью от фонаря на беленой стене. Лица ее по-прежнему было не разглядеть, так что поручиться, была ли это та самая старуха или нет — выяснить было невозможно. А с другой стороны, предполагать, что по городу шастают одинаковые слепые старухи с мешками семечек, тоже было нелепо. Край ее черного келагаи чуть трепыхался от проезжающего мимо транспорта. Мирза Халил высунул голову в окно:

– Эй, женщина, когда это ты успела сюда добраться?

Цистерна прошла. Он втянул голову в салон и, продолжая поглядывать на старуху в зеркало заднего вида, сорвался с места.

И снова, как на перемотке видеокассеты, потянулись санатории, дачи, пустыри; он прикрывал глаза козырьком от набивших оскомину пейзажей и слепящего медного заката, совершенно затопившего все шоссе до самой станции электрички. Так и не отдохнувшее тело пульсировало каждой мышцей, а раздраженная кожа зудела от соли и пота. И было обидно, что вся эта поездка, которая накануне представлялась ему желанной отдушиной от всего домашнего ужаса, на деле обернулась чередой бесконечных нелепостей.

Желтых милицейских «Жигулей» под изображением синего якоря уже не было. ССР уехал. Закатившееся за станцию солнце все еще золотило ее силуэт, но вокруг тощих кустов вдоль дороги уже густели кривые фиолетовые тени. Чуть прихрамывая на затекшей ноге, он доковылял до двери, подергал ручку, но на этот раз сейфовая дверь с выпуклым глазком оказалась наглухо запертой. Он постучал решительно, в какой-то момент ему даже почудилось, что он слышит шарканье башмаков. Он замер, но оказалось, что это лишь звуки его собственных ударов расходятся глухим дальним эхом по пустым коридорам расстрельного барака и быстро угасают.

Мирза Халил вернулся к машине, но вместо того, чтобы забраться на сиденье, не спеша открыл багажник, вытащил оттуда полиэтиленовый пакет с полотенцем. Стащив с ног кожаные мокасины и носки, он оставил их на земле. Затем стянул через голову провонявшую тенниску, снял с запястья часы и, засучив, насколько мог, джинсы, почти до лодыжек, припрыгивая на колючей горячей гальке, направился в узкий, метра в четыре шириной просвет между бетонной оградой станции и стеной барака, где плескалась зеленая вода.

Наклонившись, он с опаской стал разглядывать дно. Вода была темная, вся пронизанная тенями и зыбким мельтешением. От нее остро пахло рыбой, водорослями, мазутом. Стены по обеим сторонам просвета густо обросли черными, похожими на струпья колониями мидий и длинными прядями водорослей, развевающимися в набегающих треугольных волнах. Осторожно шагнув в воду, он все-таки сразу погрузился почти по колено. Джинсы намокли. Привыкая к прохладе, Мирза Халил зачерпнул воду руками и стал обмывать зудящее тело: отяжелевшие от усталости плечи, подмышки, грудь. Несмотря на рыбный запах, сразу же стало свежо. Он несколько раз обтер шею и лицо, смочил волосы. Накатившая волна, разбившись об его колени, брызнула ему на живот. Джинсы окончательно промокли.

Смены одежды с собой не было. Пришлось опять натягивать на себя заскорузлую от пота тенниску. Мирза Халил бегло оглядел себя в зеркале, зачесал пятерней влажные волосы назад и, подозрительно принюхиваясь к запаху бензина в салоне, завел машину.

И опять вернулся на шоссе. И опять поехал обратно, к санаториям, двигаясь, словно спутник по назначенной ему кем-то орбите. Однако на этот раз он не сбросил скорость перед пансионатом, где отдыхала Л., а поехал дальше, до самого конца линии, и уже от ведомственного детского лагеря по памяти свернул на улицу С. Вургуна к двум виднеющимся издалека серым девятиэтажкам.

От высоток нужно было ехать еще с полкилометра или больше до крытого колхозного рынка с прилегающими к нему продуктовыми лавками, Домом торжеств и универмагом. После рынка должна была появиться общеобразовательная школа со сквериком, потом переделанная под склад небольшая мечеть без минарета, и уже там, прямо в переулке и находилось двухэтажное здание управления городской милиции.

Стало быстро смеркаться. Тени расползались по узким переулкам, чернели в просветах между домами и свисали из-под шиферных крыш, хотя нижний слой неба был все еще в глубоких оранжево-фиолетовых всполохах. Кое-где над воротами дворов загорелись уже фонари, на желтушный свет которых начинала слетаться мошкара.

В приемной тяжело пахло гарью. В клубящемся полумраке дрожали огоньки зажигалок, мелькали растерянные силуэты в милицейских формах. Громко скрипели половицы, кто-то кричал из глубины коридора, чтобы открыли окна в кабинете шефа, кто-то другой, назойливо бренча связкой ключей, выспрашивал адрес Мухтара-электрика.

Мирза Халил встал у двери.

– Чего тебе? – гаркнул на него кто-то раздраженно. – Завтра приходи! Слепой, что ли? Не видишь, что света нет? Интересные люди, честное слово!

Мирза Халил невозмутимо шагнул вперед:

– ССР здесь? – спросил он требовательно и со знанием дела. – Сурхай Сабза-

лиевич?

Ему показалось, что он узнал мешковатого капитана, виденного им утром на пляже, и напомнил ему о себе. Капитан оказался тем же самым. Он-то и сообщил ему, что ССР минут сорок назад скончался, после того, как его «Жигули» с водителем смял груженый гравием самосвал.

- Как это? опешил Мирза Халил. Мы же с ним только часов в пять разбежались.
  - На трассе. Баку-Сальян.

Чтобы выковырять ССР из салона, пришлось вызывать слесарей резать болгарками покорёженный металл.

- «Как тушенка в консервной банке».
- Все начальство там сейчас, вздохнул мешковатый капитан. Из глубины помещения кто-то появился с горящей керосиновой лампой. Стал виден висящий клубами по углам серый дым.
- ... что, эти е.....е фонари так и не нашлись? возмутился кто-то. Ну что за люди!
  - ...пожарных звать или нет?
  - ...говорят, просто раздавило беднягу. Настоящее несчастье!
  - ...потушили же, чего их звать...
  - Все сейчас там. И Абдул-муаллим тоже там! сообщил капитан доверительно. Кто такой Абдул-муаллим, Мирза Халил уточнять не стал.
  - А старик? Старик где? Он с ними был?
  - ...фонари есть, батареи сдохли...
  - ...есть у кого-нибудь батареи?
  - Старик?
  - ...задохнуться можно...
  - Как его, зараза, Усьян! вспомнил Мирза Халил.
  - Да, да, старика тоже, конечно, жалко. Рыбу готовил отлично. И потроха.
  - ...задохнуться можно...
  - И как назло у нас тут такое!
  - Замыкание?
- Пожар! мелодраматично воскликнул мешковатый. Настоящий пожар! Хорошо, вовремя очнулись!

Замкнуло как раз что-то в кабинете покойного ССР. Горящая проводка подпалила шторы, бумаги на столе, пока очухались – выгорело полкабинета. Окно было открыто, и тяга была хорошая. Проводку залили водой, оба огнетушителя оказались сильно просроченными. От воды закоротило еще и в коридоре, а потом электричество полностью выключилось. Послали за электриками.

- Странно все это.
- А я что говорю! Никогда не замыкало, а тут на тебе...
- Да как не замыкало? Да месяц назад замыкало! Забыл, что ли? А чего мы тогда полдня без света сидели...
  - Это совсем другое...
  - Что другое?
  - Слушай, капитан, мне позвонить надо, сказал Мирза Халил.
  - Так я и говорю! Черт с ним света нет, так телефоны тоже не работают! Во...
- мешковатый поднял трубку и поднес к лицу Мирзы Халила. Мертвая!

- Не понял, телефоны же это другая совсем линия, телефоны должны работать...
  - Должны, конечно, но не работают же. Во... мертвяк! Нет линии...
- Слушай, капитан, тихо спросил Мирза Халил, сюда комитетчики сегодня не приходили? Из КГБ кто-нибудь? К ССР конкретно?
- Комитетчики? А зачем комитетчики? Чего им тут делать? У нас тут тихо. Ну, был митинг в начале лета. Как везде. Постояли разошлись. Ветераны письмо написали за дружбу...
- Да я не про это спрашиваю... вот у вас тут изобретатель пропал, знаешь об этом? Гюльбалаев?
  - Знаю, конечно. Как не знать? Из дома ушел и пропал. А он тут при чем?
- Я и говорю, никто по его вопросу сегодня не заходил? Может, вчера? ССР спрашивал сегодня кто-нибудь?

Капитан обернулся и гаркнул:

- Айдын! Айдын!
- Чего? вынырнула из темноты коридора чья-то голова с сигаретой в зубах.
- К покойнику Сурхай-муаллиму заходил сегодня кто-нибудь?
- А кто спрашивает?
- Так заходил или нет?
- Не знаю. Нет, вроде. Он с утра как уехал, так и все, бедолагу так больше и не видели сегодня.
- Ни за что ушел! А такой человек был гора! вздохнул капитан. Настоящее несчастье!
  - И никто не звонил?

Теплый свет керосиновой лампы придавал страдальческому лицу капитана почти рембрандтовскую изысканность:

– Да чтоб я сдох, не знаю я! – В подтверждение своих слов, капитан мягко хлопнул себя ладонью по гладко выбритой щеке рукой.

9

В сумерках улица Комиссаржевской была почти неузнаваема. Пригнувшись вперед, Мирза Халил напряженно крутил баранку, фиксируя взглядом короткие переулки, в глубине которых среди фиолетовых теней иногда вспыхивали оранжевые угольки сигарет. По ходу узнал он лишь пионерский лагерь. Да и то, скорее, лишь по вывеске, на которой висел тусклый уличный фонарь, чем по самому зданию. И потому, оказавшись вдруг прямо перед кафе «Савалан», искренне удивился: по ощущениям до кафе было еще ехать и ехать, но вот же оно, прямо здесь, по левую руку! Разбитую витрину завесили кусками фанеры. Внутри горел свет. А рядом со входом на пластиковом стуле сидел буфетчик в майке и так же, как и утром, — с шлангом в руках. Мирза Халил резко притормозил.

- Ничего нового? Велосипедист не появлялся? окликнул он буфетчика. Тот молча покачал головой. Из открытой двери кафе вышла красноволосая Сама́я и, обтирая руки об комок серой ветоши, торопливо подошла к машине.
  - Добрый вечер, поздоровался Мирза Халил.
  - Добрый вечер, начальник.

- Откуда узнала, что начальник?
- Я ж не дура, с достоинством, подбоченясь, ответила Сама́я. Город маленький, тут всех сразу видно.
  - А хозяин твой чего не здоровается? Не уважает?
- Да нет, о чем вы! Бедолаге с сердцем плохо. Все в себя никак не придет. Она обернулась и гаркнула в сторону буфетчика. Че ты не здороваешься? Здоровайся, да! Язык отнимется? Иди лучше проверь мясо!

Буфетчик вяло махнул рукой, бросил шланг на землю и, тяжело поднявшись, заковылял в кафе.

- Плохо ему. Немолодой все-таки бегать.
- Пусть домой идет. Чего сидит тогда?
- Клиент у нас, начальник! Спровадим и пойдем. Баранины ему жареной на ночь захотелось, ишаку. Чтоб у него от этой баранины шишка выскочила! Спрашивается, в такую жару...иди домой, да! Отдыхай! Разве нет? Спрашиваю его чего дома не ешь? Говорит, жена болеет. Аллергия. Готовить не может, видите ли. Врет! Сто процентов врет! Из-за него и торчим здесь. А так мы в четверг рано закрываемся. Клиентов, считай, нет.
- Чего сразу «врет», может, правда аллергия, рассеянно сказал Мирза Халил.
- Да чтоб ее вместе с аллергией! Врет, говорю! Чего это она вдруг заболела? Не болела, не болела, и раз тебе! Здоровая же была, как вол! А теперь, видите ли, аллергия. Врет, врет! – завелась Самая. – Послала бы его... у меня, начальник, уже нервов не осталось. Веришь? Как сестра пропала. Мне же ее мама покойная перед смертью поручила. Чтобы я за ней смотрела! Чтобы берегла. Она так девочка хорошая, ласковая. И что теперь? Не уберегла, получается. Не досмотрела! Может, вы поможете? Местные делать ничего не хотят. Этот ССР... Вы не подумайте, я не жалуюсь – он так человек неплохой. Понимающий. Только вот... посадили этого, чтоб его – экстрасенса. Дали ему пару раз, как следует, он все и подписал. Как будто я не знаю, как это делается! Говорит, убил и изнасиловал! Ну! Все бумаги подписал, сукин сын! Извиняюсь. А где тело – не знает. Не говорит. Где убил – не говорит. И что это получается тогда? Ерунда ведь полная! Ему, конечно, морду набить надо было. Хотя бы из-за мамаши его, сучки. Та еще...! Старая шлюха, извиняюсь, начальник. Но про сестру-то мою он точно ничего не знает! А? Может, я неправильно говорю? А ССР говорит – найдем! Подожди, Самая, найдем. Я его спрашиваю: начальник, ты сам подумай, куда этому дистрофику с моей сестрой справиться? Да она бы его, как собаку, забила! У нее хоть голова не работает, но, если вмажет – у него бы череп раскололся.

В дверях кафе появился невысокий мужчина. Мирза Халил пригляделся.

– Этот баранину заказал?

Красноволосая оглянулась через плечо:

- Он. Завхоз в туберкулезном.
- Подожди, я же его видел сегодня уже. Нет? Кушал, когда я днем подъехал...
- Ага. Зачастил он, понимаешь, в последнее время. Так он крыса редкая, из тех, кто свое дерьмо обнюхивает, извиняюсь, конечно. Раньше только катык и покупал иногда. И то раз в неделю, что ли. И все время про деньги жалуется! Ненавижу, когда мужик крыса. Плачется все время, а сам весь туберкулезный уже растаскал. Там больные пустой суп с вермишелью каждый день жрут, а он все чего-то тащит и

тащит. Место же хлебное. Кроме катыка, никогда ничего не заказывал, а теперь ему вдруг каждый день котлеты подавай. На обед. С собой берет. Шесть котлет! Еще, говорит, помидоры поджарь. На сливочном! Типа, у него гастрит. Куда в него столько лезет! Курицу ему подавай теперь. Раз в жизни, говорит, живем. И с собой забирает. Себе и жене. Вот счастливая! Не готовит, не работает, перед телевизором валяется, сериал смотрит, а он ей и обед, и ужин каждый день тащит. А мы тут, как лошади ломовые, вкалываем...

- Детей нет?
- У завхоза? Сын в Баку. В политех устроили... так парень неплохой.

Мужчина встал у косяка с блуждающей улыбкой на лице. В свете фонаря над головой его густо вилась мошкара.

- Сама́я! послышался из глубины кафе хриплый голос буфетчика.
- Иду! гаркнула она ему в ответ. Я говорю, начальник, только вы и сможете сестричку мою найти! Я бедная женщина, только на вас надежда! Чего хотите для вас сделаю! Полы у вас мыть буду... всхлипнула она. Я уже и на Пир ходила, и гадали мне... все без толку! Вот завтра на маршрутке в Баку поеду. На Разина. Про новую гадалку слышали? Говорят, девочка совсем, но не врет... Начальник, очень прошу...
  - Эй, Сама́я!
  - Да иду же, чтоб тебя...! Начальник...
- Сделаю, что смогу... слушай, а сигареты у вас можно купить? Я опять без сигарет остался.
- Нету, начальник, почти жалобно ответила Сама́я. Утром будет. Как старуха придет подъезжай. Или можешь к рынку ехать, там в комиссионном твои сигареты есть.
  - А у хозяина твоего стрельнуть можно будет? Пару штук.
  - «Приму» он курит. «Приму» будешь?
  - Да что-нибудь.
  - Сейчас вынесу...
  - Сама́я!
- Да чтоб тебя! распрямившись, гаркнула она так, что грудь ее заколыхалась, как студень, под светлой футболкой. Семимесячный, что ли?

Кивнув Мирзе Халилу, она зашлепала обратно в кафе.

Пока не вынесли папиросы, он крутил настройки радио. Радиоэфир был забит все тем же, что и всегда. Минут через пять в дверях кафе снова появилась красноволосая. Она передала завхозу пачку папирос и показала пальцем в сторону Мирзы Халила. Завхоз послушно кивнул, следом за ним потянулся рой мошкары.

- Добрый вечер, сказал завхоз мягко, наклонившись к окну машины и просовывая в него руку для приветствия. На небритом подбородке у него была глубокая ямочка с торчащей из неё седой щетиной. С его лысеющей макушки, облепленной серыми патлами, в салон «семерки» залетело несколько комаров.
  - Извини, у меня руки грязные, лениво ответил Мирза Халил.
  - Тут вам Самая-ханым просила передать.

Он принял нераспечатанную пачку «Примы».

- Я, извиняюсь, сам не курю. Я в туберкулезном работаю, знаю, что от сигарет бывает. Спички есть, спички нужны?
- У меня зажигалка есть. Слушай, а вы велосипедиста не узнали? Который сегодня витрину грохнул? Ты же здесь был? Я тебя видел.

Завхоз воровато оглянулся на кафе и, отгоняя мошкару, тряхнул головой. Один из слипшихся локонов, прикрывавших макушку, упал ему на лицо. Он торопливо вернул его на место.

- Все правильно, я на обед заходил. Я часто захожу. Я тут рядом, там вон, дальше. В туберкулезном. Он опять нервно оглянулся назад. А велосипедиста? Да нет, откуда узнал? Дебил какой-то. Голову, видать, напекло. Приезжий, наверное. Я местных всех здесь знаю. Но сейчас сюда много народу приезжает. Дачи покупают. Короче, придурок какой-то.
  - Никогда не видел его?
  - Да нет же! Велосипед да. Как будто раньше видел. А мужика нет.
- А Гюльбалаева не знаешь? Он же тут рядом, на даче живет. Жена украинка. Гюльбалаев. Подтянутый такой. У него дача в конце улицы, как раз за туберкулезным. Считай сосед.
- Сосед? Гюльбалаев? заволновался завхоз. Седая прядь, вспугнув вьющихся над его головой комаров, опять упала ему на лицо. Не знаю такого! Новый, наверное. Многие же уехали. А тех, кто приехал, кого знаешь, кого нет. Кто здоровается, кто мимо проходит.
  - Значит, никогда не видел?
  - Велосипедиста или этого нового... Гюльбалаева?
  - Обоих.
- Да не видел, клянусь могилой матери! Если бы знал, сказал бы! Чего не сказать? стал горячиться завхоз, суетливо отмахиваясь от роя мошкары. Тьфу ты! Ну прямо в рот лезут, проклятые! Что делают, а? С детства у меня это, как будто медом им тут намазано...

Он несколько раз хлопнул себя ладонью по макушке.

- Хорошо, значит, так и запишем не знаком, зловеще сказал Мирза Халил. Завхоз как-то по-змеиному выдавил сквозь плотно сжатые губы кончик языка, а затем втянул его обратно и стал, качая головой, поправлять очки. Мошкара вилась в такт его движениям.
- Я хотел сказать, у меня зрение вообще-то. Ухудшается. Правый уже минус четыре почти... Я, если честно сказать, толком и не видел ничего. Я же внутри сидел, правильно? Ждал, когда поджарку сделают. На обед. У меня жена болеет. Аллергия у нее. А я работаю допоздна, весь день на ногах. Тут без этого никак. Не доглядишь растащат все. Не люди же! Вот и приходится. Дорого а что делать? Не голодать же. Сколько можно всухомятку? И жене нужно что-то поесть, пока аллергия эта проклятая у нее! Считай, ползарплаты на лекарства отдаю...
- Еда твоя готова! рявкнула красноволосая из дверей кафе. Забирай, пока не остыла! Нам закрываться...
- Иду! Иду...! завхоз скорчил извиняющуюся мину. Зовут, э, меня, начальник. Пойду я? Мне на другой конец города еще ехать. Как бы не остыло все.

Мирза Халил завел машину.

– Ладно, – кивнул он, – иди давай.

...кто-то непременно хотел, чтобы он остановился у этого кафе, – думал Мирза Халил. Потому и разбил витрину. Только это и приходит в голову. Кто-то ведет его весь день сквозь этот знойный, расползающийся, как трещина, лабиринт: от одного крутого поворота к другому. Кто-то с утра расставляет на его пути горящие маячки и наводит на цели. Но чем больше подсказок, тем, как ни странно, сложнее разо-

браться в происходящем. Как будто бы нарушены все логические связи, разорваны все цепочки. Остались лишь знаки, обозначающие события, которые никак не удается свести к общему знаменателю...

Подъезжая к даче Ширзада Мовсумовича, Мирза Халил был в предвкушении развязки.

В зарешеченных окнах было темно. Насколько можно было видеть снаружи, не горел свет и во дворе. Прежде чем подойти ближе, он постоял немного возле машины, прислонившись копчиком к горячему капоту. Битые ветром маслины из палисадника перед домом отбрасывали на асфальт через невысокий штакетник перепутанные угольные тени. Здесь почти не пахло морем. И было гораздо меньше влаги в не успевшем еще остыть воздухе, но все равно уличный фонарь в конце улицы светил мутно, с радужными переливами. Мирза Халил оттянул ворот тенниски и подул на грудь. Было очень душно. С соседней дачи доносились приглушенные звуки телевизора.

Мирза Халил зажал губами кончик зловонной «примы». Папироса прикуривалась плохо, трещала. Первая затяжка оставила во рту привкус горелой шерсти. Он осторожно вдохнул дым в легкие, поморщился и, быстро отлепив папиросу от нижней губы, стал сплевывать под ноги кусочки табака. Прошло минут пять, как он приехал. Погруженная в нежилую темень дача не подавала признаков жизни.

Наконец Мирза Халил сунул в карман ключи и медленно пошел к дверям. Кончился асфальт. Под ногами шумно захрустел песок, густо перемешанный с ракушками. Окна дома за фигурными решетками неприязненно глядели на него, отражая восходящую над палисадником рогатую луну. Мирза Халил шел медленно, почти крадучись, вытянув по-охотничьи шею. Не дойдя нескольких шагов до входной двери, он остановился. По правде сказать, никакого плана у него не было. Было лишь предчувствие. Если закинуть ногу на дверную ручку, вполне можно дотянуться до газовой трубы над входом, а дальше вопрос техники.

Мирза Халил подошел ближе, подергал ручку, но лезть не стал, а вместо этого медленно вернулся к калитке палисадника, и тут уж отблески восходящей луны навели его на спрятанный между деревьями велосипед с плетеной корзиной, прикрученной сзади. Велосипед стоял внутри палисадника, аккуратно прислоненный к штакетнику. Мирзу Халила бросило в жар. Смахнув со лба испарину, он отворил рассохшуюся калитку и вошел внутрь. Из-под ног, напугав его, метнулась и мягко шлепнулась склизким брюхом на песок пятнистая жаба.

– Твою мать...! – прошипел он, оглядываясь через плечо.

Выплывающий из-за гребенчатой крыши дома месяц был невероятных размеров.

...Мирза Халил скользнул рукой по теплой, чуть влажной от вечерней росы велосипедной раме, когда справа от него — от стены дома — оторвалась вдруг длинная тень и стремительно метнулась вдоль фасада в глубину палисадника. Не раздумывая, словно борзая, преследующая дичь, он рванулся следом, перепрыгивая через кусты и клумбы. Он видел перед собой лишь быстрый силуэт.

Убегающий, намеренно держась в тени дома, чтобы не дать разглядеть себя, в несколько секунд добежал до конца палисадника, с ходу закинул ногу на оплетенный виноградом край штакетника и, оттолкнувшись от него, прыгнул на каменную ограду дачи. Повиснув на ней руками, он подтянулся и ловко перекинул себя во двор. Сквозь застилающий глаза пот, Мирза Халил попытался проделать то же самое, но чуть

сбился с темпа и вместо того, чтобы запрыгнуть на штакетник, влетел в него с разбегу, больно ободравшись лицом и локтями об корявые виноградные сучья. Сатанея от боли, он стал карабкаться вверх, ободрался еще больше, но в конце концов коекак влез на штакетник, выпрямился, нервно балансируя на его краю, и уж потом тяжело прыгнул боком на ограду. В поисках опоры Мирза Халил сучил ногами по неровной кладке пористого известняка, подтягивался из последних сил, пока, наконец, не оседлал стену. Гигантский месяц оказался прямо у него над головой. По ту сторону стены неизвестный, перескакивая через отцветшие хризантемы Ширзада Мовсумовича, резво пересекал двор по диагонали.

Мирза Халил обтер лицо краем разорванной тенниски и, матюгнувшись, спрыгнул во двор.

Приземлился он на теплый песок почти удачно. Сумел быстро встать и, чуть припадая на левую ногу, бросился опять в погоню. Добежав до хризантем, он автоматически отметил про себя, что земля вокруг цветов влажная, как будто ее недавно поливали. Но времени заморачиваться на этом не было. Он побежал прямо через кусты, расшвыривая в стороны полудохлые цветы.

Тем временем неизвестный уже добежал до айвового дерева в углу двора, на мгновенье обернувшись через плечо на Мирзу Халила, он нырнул к стене и стал быстро по ней карабкаться.

– Стой, сука! – сипло выдавил из себя Мирза Халил, беспомощно наблюдая за тем, как неизвестный уже перекатывается через край стены на другую сторону. Перегнувшись пополам, Мирза Халил остановился на несколько секунд, хватая пересохшим ртом горячий воздух, а затем снова побежал.

Ему повезло. Со стороны двора, спускавшегося анфиладой вниз, ограда оказалось ниже, чем снаружи. Да и прямо за айвовым деревом удобно лежали сложенные в углу мешки то ли с цементом, то ли с чем-то еще. Он запрыгнул на них, а уж оттуда вскарабкался на гребень стены. С той стороны, ближе ко входу с улицы Комиссаржевской, на фоне темного неба он увидел главный корпус санатория с желтыми зарешеченными оконцами, за ним парк с редкими фонарями между кипарисами, который обрывался силуэтами плотно примыкающих друг к другу темных хозяйственных построек. Свет луны лишь скользил по касательной по их шиферным крышам, не проникая в узкие пролеты между ними, зато хорошо подсвечивал здание котельной и водонапорный бак на высоких ногах с горчичными потеками ржавчины.

Что было непосредственно внизу под стеной — разглядеть было невозможно. Невозможно было определить даже высоту. Единственное, что знал Мирза Халил наверняка — кто-то следил за ним из душной темноты. Кто-то напряженно ждал, что станет он делать дальше. Прежде чем спрыгнуть вниз, Мирза Халил вытер тенниской ободранное в кровь лицо и уж только потом, свесившись на руках с края стены, разжал пальцы.

Высота оказалось приличной. И удар о хлюпающую землю чуть оглушил его.

Он потерял равновесие, упал навзничь, но сумел поберечь голову. Полежав недолго в свалявшемся ковыле, чувствуя, как к спине липнет какая-то вязкая жижа, смрадно пахнущая соляркой и арбузной кислятиной, он поднялся с трудом на звук быстро удаляющихся шагов и, пошатываясь, вслепую бросился следом в просвет между бетонными сараями. На мгновенье впереди, на перерезанной извилистыми тенями асфальтовой дорожке, мелькнул неизвестный. Теперь он тоже заметно припадал на левую ногу. И это обстоятельство почему-то подбодрило Мирзу Халила. Он прибавил

скорости. Побежал широко, стараясь не выпускать незнакомца из поля зрения. Словно почувствовав это, незнакомец тоже попытался прибавить скорости, но, захромав, быстро сбился с ритма. Мирза Халил уже отчетливо видел коротко стриженый затылок, белую майку с разводами пота, белые подошвы кроссовок. Расстояние между ними начало стремительно сокращаться. Но тут чертов незнакомец взял резко вправо и побежал через парк, петляя между стволами деревьев. Мирза Халил почти потерял его из вида. Деревья стояли неплотно, но в темноте было трудно ориентироваться. Да и бежать приходилось теперь, то и дело перепрыгивая через торчащие из-под земли корни и больно подворачивая ступни на попадающихся под ногами сухих шишках.

Бежали на маячивший впереди тусклый свет.

Неизвестный то появлялся, то исчезал. Потом хлопнула дверь. И неизвестный совершенно пропал из виду. Словно провалился сквозь землю. Следуя прежней траектории, Мирза Халил выбежал на заасфальтированную дорожку и остановился на мгновенье перед началом длинной пристройки. Спрятаться здесь было негде. Над входом вполнакала горела лампочка в железной сетке. Грубо сколоченная дверь чуть покачивалась на петлях. Он рванул ее на себя и вбежал в короткий коридор с лампочкой под потолком в зеленых потеках. В лицо пахнуло сыростью и хлоркой. Мирза Халил остановился, прислушался, — некрашеные цементные стены дальним эхом донесли до него звук чужих шагов. Он побежал на этот звук по коридору, который продолжился куда-то вправо, в большое полутемное помещение с чанами, полными пузырящейся воды. Между ними лежало сваленное в грязные кучи постельное белье. Из чанов торчали деревянные черенки. От хлорки, перебивающей запах урины, начали слезиться глаза. Проскакивая в следующий коридор, Мирза Халил старался почти не дышать.

Шаги уже звучали отчетливее. Главное, чтобы здесь не оказалось второго выхода, подумал Мирза Халил, пробегая узкий склад с полупустыми стеллажами вдоль увешанных трубами стен.

Еще поворот, и опять темный коридор. Кажется – тупик! И только в отчаянии добежав до конца, он разглядел железную дверь без глазка. Дверь была такая же грязно-серая, как и все вокруг. Путь к ней был заставлен какими-то ящиками, о которые он едва не споткнулся.

Он рванул дверь на себя изо всех сил. Чуть скрипнув, она тяжело распахнулась: в просторной комнате, щедро залитой светом трехрожковой люстры, пол был уютно устлан свежим ковролином. В углу, напротив разобранной двуспальной тахты, стоял телевизор, на экране которого мелькали кадры импортного фильма, рядом, на тумбочке, работающий видеомагнитофон. С атласного покрывала на Мирзу Халила зеленым глазом равнодушно смотрела сиамская кошка, а из-за накрытого стола — завхоз в синем махровом халате. В правой руке завхоз держал запотевшую рюмку водки, а в левой — надкушенный огурец. В середине стола стояла сковорода с жареным мясом.

– Да... что... это...блядь...такое... здесь творится? – пытаясь отдышаться, прохрипел Мирза Халил.

Завхоз растерянно приподнялся с места.

...Боюсь я! – пробасил кто-то за спиной Мирзы Халила. – ...Боюсь очень!

Он в панике обернулся и увидел дебелую девку выше него на полголовы. Она была совершенно голая, не считая красных кружевных трусов и золотого троса толщиной в палец на шее поверх массивных грудей с торчащими темно-коричневыми

сосками. Волосы у нее, как и у Самаи, были крашены хной под цвет красных трусов.

– Боюсь я... – повторила она почти спокойно и с маху опустила на голову Мирзы Халила трехлитровый баллон с маринованными баклажанами.

Он сразу весь обмяк, присел, в ноздри шибануло отрезвляющим уксусом, но колени перестали держать его, и как тряпичная кукла Мирза Халил упал на ковролин к ногам громадной девки в стоптанных красных лодочках.

Последнее, что он увидел, прежде чем окончательно провалиться в глубокую ровную темноту, было озабоченное лицо завхоза с золотистым нимбом из комаров и мошкары.

– Да ты, кажется, убила мужика... Вот в говно попали! – сказал он, поправил упавшую прядь и исчез.

10

По ощущениям темнота длилась долго. Но насколько долго, Мирза Халил определить не мог. В темноте этой не было боли, но был постоянный назойливый, нарастающий дискомфорт, от которого было невозможно никуда деться. И не было сновидений.

По крайней мере, очнувшись в среду утром, он не вспомнил ни одного.

- Ну что, аксакал? Как чувствуешь себя? свежевыбритое круглое лицо мужчины с котовьими усиками светилось фальшивым оптимизмом. На голове у него был докторский колпак, а рукава халата чуть пружинили при каждом движении на запястьях, поросших черными волосами.
- Хорошо он чувствует себя, хорошо! А, Мирза? Побрить тебя? Или уже дома побреемся? Дома? ворковала над ним Сара, протирая ему лицо влажным полотенцем. Ну? Ну, смотри, как похудел, прямо щеки ввалились...
- Ничего, ничего, Сара-ханым, еще день, два понаблюдаем, и домой. А, аксакал? Выпишем тебя скоро! обращаясь к Мирзе Халилу, круглолицый доктор заметно повышал голос, словно обращался к плохо слышащему или умственно отсталому. Ну что, Сара-ханым, я говорю, все сделали, как обещали! По высшему классу. И без осложнений, тьфу-тьфу, не сглазить!
  - Дай вам бог здоровья! Большое дело сделали...
- Наш долг. Мы же коллеги! Доктор озабочено посмотрел на часы. Сараханым, у меня через полчаса время намаза, может, тогда прямо сейчас, как говорится... все и завершим, а?
- Конечно, доктор! ... Эльмар! окликнула она сына, сидевшего на стуле в углу реанимационной палаты с телефоном в руках. Все у тебя? Не потерял?

Эльмар приподнялся и стал неловко выковыривать конверт из кармана джинсов.

– Не здесь, не здесь! – остановил его, потирая мохнатые руки, круглолицый. – Сейчас у нас строго. Выйдем, покурим, у меня до намаза еще время есть.

Эльмар кивнул.

- ... Аксакал, ты следи за собой и, даст бог, сто лет проживешь!

Лежавший поверх одеяла рядом с правой ногой Мирзы Халила айфон Сары сначала завибрировал, а потом разразился настойчивой трелью. Она отложила полотенце в сторону и, обтерев руку об одеяло, скользнула пальцем по экрану телефона.

- Алё! Алё... Видишь меня? Привет! Вовремя позвонил. Видно, теща тебя любит! Очнулся он... ага... вот он... Мирза, говори! она повернула телефон экраном к Мирзе Халилу. Видишь? Говори, говори...
  - Алё! ... Ну, как ты? Выглядишь нормально вроде бы.

Мирза Халил ответил по-стариковски глухо:

- Ничего уже. Слабость.
- Еще бы, слабость! вставила Сара. Считай, с того света вернулся!
- Боли есть? Я говорю, боли еще есть?
- Нет. Только горло, как будто.
- Мы тут перенервничали все... Слышишь? Я прилететь не смог, не получилось, просто никак... тетя знает.
- Да мы же тут! Чего ты прилетел бы? Все сделали, что можно и что нельзя, опять встряла Сара.
  - Там с деньгами разобрались? Я пришлю, если надо.
- Не беспокойся. Сейчас Эльмар рассчитается. Я тебе сказала, на сколько договорились? Скидку сделали...
- Мирза-муаллим, как вы? на экране засветилась и застыла с открытым напомаженным ртом миниатюрная крашеная блондинка. Уже лучше?

Голос ее исказился, но зато она опять ожила и стала двигаться, энергично хлопая кукольными ресницами.

- Спасибо, сквозь внезапный кашель выдавил Мирза Халил.
- Попей. Сара протянула ему пластиковую бутылку с водой.
- Мы ско...ро... приедем... Ми...рза...му...аллим... не унималась блондинка. В середине июля... мы...
- Что? В июле? Стало плохо слышно... повернула к себе телефон Сара. Ты постриглась, что ли? А дети где? Дети? Я говорю дети где?
  - Спят. Са...ра...у нас же сейчас ве...чер... я...я... го...
  - Что?
  - ...во...во...рю...
  - Не слышу! Связь барахлит... алё! ...пропали вы куда-то!

Сара стала тыкать пальцами в экран.

— Тьфу! Оборвалось совсем. Чего-то с «вотсапом». Или интернет пропал...

Мирза Халил протянул ей обратно бутылку.

- Сара, спросил осторожно Мирза Халил, а кто это был?
- Где?
- Только что.
- Да ты что, Мирза? Обалдел, что ли? Это ж сын твой! растерялась Сара.
- Сын? удивился Мирза Халил. Лицо у него какое-то... а где другой?
- Какой другой?
- Офтальмолог. Тот был на меня похож. А этот какой-то...
- Мирза, ты прикидываешься?
- Говорю, что есть, буркнул Мирза Халил.
- Ой, боже ты мой! заверещала Сара. Так у тебя, получается, провалы в памяти! Ай-ай-ай! Что теперь будет?! Это, Мирза, сын твой был. Слышишь? На сегодняшний день единственный официальный. Про офтальмолога забудь пока. Слышишь? Не говори про него. Ай-ай-ай! Может, пройдет!
  - А блондинка?

– Да крашеная она, сто раз тебе говорила! Невестка твоя ненаглядная! – не удержавшись, выпалила Сара.

Мирза Халил на мгновенье задумался.

- На ту медсестру похожа. Помнишь, когда я в Сабунчинской больнице лежал? Там медсестра была...
- Ай, Аллах он сына своего с невесткой не помнит, про внуков забыл, а прошмандовку какую-то из Сабунчинской больницы пожалуйста! Помнит! Что за наказание? ...Подожди, Мирза, когда это ты в Сабунчинской больнице лежал? Что это ты несешь?

Он посмотрел на нее неприязненно:

- Когда мне голову проломили. Баллоном с баклажанами.
- Чего? Какие баклажаны? Что ты фантазируешь?
- Не фантазирую. В 89-ом году. В Денизли. Там дело было. Я расследование вел. Июль месяц. Ну, может, август? Ты же сама меня навещала...
- Ой, Мирза! Ой, Мирза... запричитала Сара, я думала все, тьфу-тьфу, не сглазить, пронесло! А у тебя, оказывается, крыша поехала! Какой еще Денизли? Какое расследование? Какие баклажаны... в 89-ом году жена твоя, покойная, от химии мучилась, отощала, как скелет. Тебя, дурака, с работы попросили... все ты перепутал на свете! Не лежал ты никогда ни в какой Сабунчинской больнице... Ой, боже ты мой!

Мирза Халил устало закрыл глаза. Сара была неправа. Он слишком отчетливо помнил то, как очнулся на заскорузлом от подсохшей крови полу, как басовито всхлипывала ядреная девица, успевшая натянуть на себя цветастое платье, как он, шатаясь и морщась от боли, брел обратно к выходу из пристройки, а девушка, хлюпая носом, семенила следом. Помнил, как они выбрались наружу: солнце уже вставало изза сосен, чирикали воробьи, и усталая мошкара липла к плафонам потухших фонарей. Он помнил и как доковыляли они вместе до ворот главного корпуса, прежде чем он снова вырубился. Помнил, как давал показания, как уже потом, позже, допрашивали завхоза после того, как отловили его где-то то ли в Краснодаре, то ли в Минеральных Водах. И даже во время допросов над головой завхоза крутились какие-то упрямые мухи. Мирза Халил помнил и то, что ни Ширзада Мовсумовича с его «Айвой», ни загадочного велосипедиста, который вел Мирзу Халила по лабиринтам Денизли, найти так и не удалось. Он вспомнил даже то, как уже в конце октября, когда раньше времени зарядили дожди, на съемной квартире в 9-ом микрорайоне аптекарша проговорилась ему о своей беременности.

Мирза Халил помнил еще много чего, но спорить с Сарой не стал. Спорить с Сарой было, как всегда, бесполезно.

77

САИДА СУБХИ

НА ГЛУБИНЕ

Через год

Что?.. Где меня носило целый год? И даже больше?.. Лучше не об этом. В ветру демисезонных непогод, в строке промеж вопросов и ответов.

О чем мечталось?.. Что там не сбылось? Кому досталось? С кем мне не спалось?.. Кому, вместо тебя, цедила чай, писала письма («здравствуй-не-скучай»)?..

Какая, на фиг, разница теперь?.. Я сорвала́ и форточку, и дверь, и подорвала и корму, и борт... А что жива – меня спасает Бог.

Год в телефонной книге номер твой, и этот по ночам в подушку вой, и иссеченный рифмами живот – шептали мне:

«До свадьбы заживет!»...

Ты знаешь, мне ведь крупно повезло (пускай и надломило, как весло) – любить, не претендуя на ответ, и из любого мрака черпать свет.

К тому же, я обучена прощать и никому себя не обещать. И чем бы я ни промывала кровь, в графу «диагноз» вписано:
«Любовь».

Так и живу, саму себя коря и за душу цепляя якоря тех кораблей, которых целый порт, бьюсь о судьбу,

как айсберги о борт.

Хожу, водя руками по стене, и за год явно выросла в цене. Уж от себя не прячусь, не бегу. А без тебя, похоже,

не могу...

Глаза на мокром месте, и засуха во рту. Плывем с тобою вместе, качаясь на борту.

Кораблик наш бумажный – откуда он, куда?.. И утолит ли жажду соленая вода?

Закидываешь невод – улова не видать. Заглядываешь в небо: на звезды погадать.

Куда направить судно, раз компас подкачал? Как выбраться отсюда, и где найти причал?

Пусть звезды напророчат нам с курса не свернуть. Кораблик-то непрочный – ему б не потонуть...

Плывет в сопровожденье русалок-ворожей, как пленник наважденья в тумане миражей.

Певучие сирены с пути да не сведут. То розой, то сиренью чаруют и цветут

Закаты и рассветы, которых и не счесть. Попутного бы ветра! А дальше – будь, что есть.

Звездою путеводной кораблик наш ведом. Над царствием подводным плывет бумажный дом.

Над ним небесный зонтик – от Бога оберег. Земля на горизонте!.. И золотистый брег

Уже неподалёку. Осталось лишь сойти. Пусть был наш путь нелегок – мы выжили в пути. Источник жизни – где-то в глубине. Я ночью обнималась со стеной... Когда проснешься, вспомни обо мне, услышь меня, поговори со мной.

Мы всё молчим, а времени вода шлифует поцелуями гранит. Известный факт:

в любви – не без труда, как на войне. Господь да сохранит...

Плюс-минус пять минут, как будет век с тех пор, как мы слились в единый сплав. Пишу роман, не поднимая век. Прочти его, а после озаглавь.

Вся эта рукописная листва – коллаж из дневниковых простыней, пропитанный слезами естества на поле битвы света и теней.

Источник силы – в глубине души, но мы его не видим и в упор. Смерть учит умирать,

бессмертье – жить. Сейчас и здесь, вот с этих самых пор.

Когда воскресший, пережив распятье, и вмиг прозревший, будучи слепым, ты ощутил уютное объятье и понял, что не брошен и любим.

Ползет слеза, мурашки по спине, озноб и жар, смятенье и блаженство... Источник света – где-то в глубине. Узришь его –

достигнешь совершенства.

Морская песенка

Не жизнь, а сказка наяву!.. Не мир, а маскарад. Я – лодка в качке на плаву, я сам себе пират, матрос, и кок, и рыболов, и леска, и крючок, наживка, удочка, улов, весло и маячок. Дельфин, русалка, осьминог, акула, кит, лосось, планктон, коралл, морской конёк... И горизонт. И – SOS...

Осознание

Тот факт, что Слово – это Бог, осознаешь не сразу. Так, повторяя назубок одну и ту же фразу,

Вдруг начинаешь излучать вибрацию звучанья и научаешься молчать, становишься молчаньем.

Молчишь и, вслушиваясь в миг, ощупываешь ухом фрагменты нот и букв из книг, их осязая слухом.

Ты слышишь клетками души цвета, черты, оттенки и то, как воздух мельтешит до стенки и от стенки,

И как качается строка над шелестом страницы, и как касается рука возлюбленной десницы.

Бог – виртуозный дирижер – руководит оркестром. Плывет минор, летит мажор... Брависсимо, Маэстро!..

* * *

Мне нескоро еще, поди... Вон дорога лежит впереди, по которой ведешь меня Ты, просветленную до слепоты.

Ты – кого возлюбила дотла. И дорогой, что в сумрак светла, я ступаю, не глядя назад, в небеса, где цветет райский сад. До чертога, до родины той, что сияет заветной звездой, за Тобою на ощупь иду и когда-нибудь, знаю, дойду,

Добегу, доплыву, долечу и увечья свои залечу. И навеки пребуду в миру, где уже никогда не умру.

На глубине

Что таится на глубине за готовностью уступать? Ночь, царапины на спине... И будильник на пять-ноль пять.

Не звонить и не ждать письма. Возвращаться – и уходить... Не скажу, что схожу с ума, ибо не с чего мне сходить.

Что доказывать и кому? Биться намертво об заклад... Сокровенное на кону. Что поделать – такой расклад.

Не всплывать, не идти ко дну, погружаясь в пучину дней. Две стези сведены в одну. Бог наплакал –

ему видней...

Вместе в радости и в беде – не приходится раз на раз. Пишем вилами по воде, избегая дежурных фраз.

Слезы приторны, как сорбит, позвоночник дрожит струной. Напишу, что схожу с орбит от шизоидных параной.

Стебель шеи, цветок руки, бивни звезд и луны ядро, ночь в ладони...

Клеймо строки – иероглифом на бедро.

Тает кожи молочный лед. Веер пальцев – колода карт. Горла шелковый переплет – Поэтический авангард...

Ночь пьяна, как и я сама. Профиль комнаты смотрит вдаль. Не скажу, что сошла с ума, но синдром у меня –

Стендаль...

Может, знаешь – ответь уже и сомненья мои развей: что там кроится на душе за готовностью быть твоей?...

АЙТЕН РУСТАМЗАДЕ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПСИХОЛОГИЗМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НОДАРА ДУМБАДЗЕ

Нодара Думбадзе совершенно справедливо называют «писателем с солнечным сердцем». В сердце и творчестве Н.Думбадзе всегда светило солнце. Сердце этого человека было полно любви ко всему миру, ко всему человечеству, к природе, к земле, к народу. Без любви невозможно творить. Романы и рассказы Н.Думбадзе пронизаны светом, и это вовсе не потому, что писатель идиллически смотрел на мир. Это проистекало от светлости его души, его веры и надежды, хотя он по преимуществу интересовался полными драматизма обстоятельствами жизни. Интерес этот продиктован стремлением правдиво и глубоко отобразить важнейшие тенденции развития жизни, а также верой в то, что подобные обстоятельства лучше проявляют закалку гражданских чувств и душевной стойкости в людях высокой нравственности.

Жизнь — это путь, который необходимо пройти в труде и борьбе во имя утверждения добра. Лишь неустанное продвижение по этому пути украшает человека, и лишь преодолённые на этом пути препятствия возвышают его. По этому очищающему пути шагают и герои Нодара Думбадзе. А юмор и обаяние, которыми переполнен мир Н.Думбадзе и его героев, призваны не бездумно развлекать читателей, а облегчить тяжесть переживаний. У юмора Н.Думбадзе есть и другое благородное назначение. Он вызывает не только сочувствие, но и выражает глубокую веру в торжество добра. В изображённом здесь мире у трагизма нет фатальной социальной основы, и героям Н.Думбадзе приходится закалять свою душу и поддерживать друг друга в драматических ситуациях, порождённых больше моральным уродством.

Молодые герои романов Нодара Думбадзе прошли через множество трудностей и испытаний: тяжёлым грузом легло на их хрупкие детские плечи военное время в деревне без мужчин («Я, бабушка, Илико и Илларион», «Я вижу солнце»), не обошла их стороной и горечь сиротства в пору кратковременного торжества зла («Солнечная ночь»), им пришлось пережить и тяжёлые душевные травмы («Не бойся, мама!») и участь без вины виноватых («Белые флаги»), и борьбу со смертью («Закон вечности»). В романах меняются не только время и место, но, что самое главное, конфликты и обстоятельства, которые приносят людям самые различные горькие переживания, заставляя читателей сосредотачивать внимание на всё новых и новых ранах в обнажённых душах героев. В этих разных самостоятельных романах есть нечто весьма значительное, что глубоко роднит их. То обстоятельство, что все романы написаны о молодых людях, биографии которых принципиально не исключают друг друга, создаёт впечатление, что читатель имеет дело с частями большой эпопеи, написанной об одном и том же герое. Это впечатление подкрепляется и тем, что герои, разные по характерам, всё же во многом схожи и, что самое главное, одинаково просветлены в своём сознательном и подсознательном стремлении к добру. Из романа в роман переходит и образ матери, сохраняющий своё обаяние. Мать в творчестве Н. Думбадзе повсюду олицетворяет солнечную ночь, и герои боготворят её. У каждого романа и рассказа писателя, какими бы тяжёлыми переживаниями ни делился он с читателями, обнадёживающий финал, побеждают добро, солнце, жизнь. Этот обнадёживающий взгляд на жизнь составляет силу и красоту произведений Нодара Думбадзе.

Нужно отметить, что творчество Нодара Думбадзе выдержало проверку и временем, и сменой идеологических ориентиров. Никто не сможет сказать, что они сегодня неактуальны. Причина одна — юмор, доброта, неназойливость «морали» при ясности убеждений, искренний интерес к заботам самого обычного, «рядового» человека всегда присутствуют в произведениях Н.Думбадзе. Менялись времена, а герои писателя и он сам продолжали смеяться над житейскими невзгодами, людской глупостью, унылым безверием. Писатель продолжал оставаться верным себе. Сегодня, когда мир становится холодней и жестче, нужна вера в то, что этот мир непременно спасёт добро. Произведения Н.Думбадзе вселяют в читателя эту надежду. Каждое произведение Нодара Думбадзе, каждый его герой близки и понятны нам.

У Нодара Думбадзе есть рассказ, который называется «Кровь». Герой рассказа, Нодар Ломджария, родился в семье служащего 14 июля 1828 года в Тбилиси, как и сам писатель. Мальчик рано осиротел и рос в деревне у бабушки Юли (у бабушки по материнской линии). В один прекрасный день к ним приходит пожилой человек. Мальчик прислушивается к его разговору с бабушкой, и его голос вдруг становится мальчику таким приятным и родным, что Нодар закрывает глаза и представляет, что это и есть его отец. Спустя некоторое время выясняется, что это его дед, отец его отца. Бабушка жалуется деду на негодника, который порядком её утомил своими выходками. Дед забирает мальчика к себе, в другую деревню. Через год бабушка приходит за ним и буквально вымаливает у деда мальчика. Нодар не хочет уходить, он считает, что это несправедливо, ведь у бабушки есть ещё два внука, а у дедушки их нет. С тяжёлым сердцем Нодар оставляет деда и возвращается к бабушке только потому, что дед так велит. Но спустя несколько часов мальчик сбегает от бабушки и приходит к деду. Он твёрдо намерен остаться у него. Когда дед с внуком ложатся спать, тесно прижавшись дуг к другу, дед говорит:

- А знаешь, что привело тебя ко мне?
- Het!
- Так я скажу тебе: кровь привела тебя ко мне, вот что! Кровь великая сила, внучек!

Вот такими «кровными» и становятся его произведения для читателя. Как справедливо отмечает Е.Микаридзе, сколько бы книг мы ни прочитали за свою жизнь, к произведениям Н.Думбадзе мы обязательно возвращаемся.

Н.Думбадзе никогда не входил в число тех писателей, произведения которых нужно было прочесть, чтобы «не спасовать» при обсуждении в богемной компании литературных новинок. Его книги, скорее, из разряда тех, к которым читатель возвращается вновь и вновь. Неважно, десять лет прошло или двадцать с момента прочтения его последней книги. Они всегда с нами, потому что это уже не просто книги, а нравственный ориентир, маяк, который помогает плыть к берегу даже в самый сильный шторм.

Герои Н.Думбадзе — не праведники и не положительные персонажи, а обыкновенные люди со своими слабостями, недостатками и достоинствами. И ведут они себя зачастую не сообразно общепринятой морали, а так, как подсказывает сердце. Поэтому, о ком бы автор в своих произведениях ни рассказывал, кажется, что говорит он о каждом из нас, о самом читателе. Почти все его произведения, можно сказать, автобиографичные. Писатель присутствует везде, меняются лишь имена. В любимом всеми нами произведении «Я, бабушка, Илико и Илларион» это Зурикела, в романе «Я вижу солнце» — Теймураз Барамидзе, в знаменитом «Не бойся, мама!» — Автандил Джакели, в «Законе вечности» — Бачана Рамишвили. И везде он предстаёт таким, каким и был на самом деле в жизни.

Роман «Белые флаги», по сюжету отличающийся от других произведений, тем не менее, по своей внутренней структуре перекликается с основными идеями творчества

Н.Думбадзе. В центре внимания — судьба «без вины виноватого» человека, осуждённого за не совершённое им убийство. Сможет ли Заза Накашидзе найти правду, избежать участи «козла отпущения» — эта неопределённость создаёт атмосферу напряжения в романе. Все сокамерники Зазы — люди, преступившие закон, все они повинны в различных, более или менее тяжких преступлениях, но и здесь писатель видит в них людей, которых собственная слабость либо превратность судьбы столкнула с прямого пути. В этом небольшом по объёму романе затронуты многие вопросы современного общества, здесь показаны люди из самых его низов и ставится вопрос не только их взаимоотношений с обществом, но и с самими собой, своим человеческим «я». Хорошо известен тот факт, что в своё время появление этого романа вызвало определенное неодобрение литературной критики, многие были возмущены тем, что Н.Думбадзе ввёл в художественную литературу образы преступников. Но несмотря на это роман «Белые флаги» был тепло принят читателями и занял достойное место в ряду лучших произведений своего времени.

Романы, повести и рассказы Н.Думбадзе не оставляют впечатления жанровых картин: повсюду вся фактура художественной ткани подчинена основной идее произведения и способствует её воплощению. Лиризм и драматизм, неподражаемый юмор, комизм многих описанных ситуаций — всё вместе служит выражению размышлений автора о противопоставлении добра и зла, о праве человека на счастье и любовь.

Солнце, как символ высшего добра, человеколюбия, часто встречается во многих произведениях этого писателя. Особо следует отметить, что герои Нодара Думбадзе – люди многих национальностей: русские, украинцы, греки, цыгане и др.

Рассказ «Hellados» трагичен. Мальчик-грек, уезжающий на свою историческую родину, в последнюю минуту не находит в себе сил расстаться со всем, с чем он вырос, — с родным городом Сухуми и товарищами. Бросившись с борта отплывающего корабля, чтобы вернуться назад, он погибает в море.

Трагизм, хотя и в завуалированной манере, присущ и повести «Кукарача». Милиционер Георгий Тушурашвили, по прозвищу Кукарача, пожалевший бандита по прозвищу Муртало (в переводе — «подонок», по-нашему «мурдар»), впоследствии сам погибает от его подлой пули.

Финал повести печален. Суд над убийцей происходит 21 июня 1941 года, на следующий день начинается Великая Отечественная война и заставляет всех забыть о Кукараче и Инге. Об этой истории вспоминают спустя два года, в 1943 году, когда приходит сообщение с фронта о гибели медсестры Инги Лалиашвили. Но человек, поведавший читателям эту историю, не может забыть о ней ещё долгие годы. Вспомним последние строки произведения:

«И я вспомнил Кукарачу, вернее, он приснился мне — 12 октября 1979 года, в 12 часов ночи, за полчаса до моего второго инфаркта. И вот что странно: во сне Кукараче по-прежнему был двадцать один или двадцать два года, мне — за пятьдесят, и он по-прежнему поучал и наставлял меня».

Рассказчик вспоминает Кукарачу как своего духовного наставника, учителя жизни, а удостоиться такой чести — удел не многих. Лейтенант Георгий Тушурашвили, считавший, что добру нужно учить только добром, сполна расплачивается за свои убеждения — жизнью. Но вспомним, как в другом своём произведении формулирует Нодар Думбадзе закон вечности, суть которого заключается в том, что «душа человека во сто крат тяжелее его тела... Она настолько тяжела, что один человек не в силах нести её. И потому мы, люди, пока живы, должны стараться помочь друг другу, стараться обессмертить души друг друга: вы — мою, я — другого, другой — третьего, и так далее, до бесконечности. Дабы смерть человека не обрекала нас на одиночество в жизни...».

Нужно отметить, что мимо внимания писателя не проходят и бессловесные творения природы — пёс (рассказ «Собака») и яблоня (рассказ «Хазарула»). Для него они — также часть Вселенной, непременные члены мироздания. В рассказе «Собака» суровое дыхание войны чувствуется с первых же страниц. Быстро пустеют амбары и лари, приходится голодать. Всё время просиживает у камина и редко выходит из дому старик Спиридон, проводивший сына на войну, и потому заботы по хозяйству ложатся на плечи внука Гогиты. Однажды мальчик становится свидетелем жестокости буфетчика, который выливает кипяток на бездомную собаку. Пожалев искалеченного пса, Гогита приносит его домой. Дед подружился с собакой, разговаривал с ней, как с человеком. Из-за подозрения в бешенстве в одну ночь жители истребили всех собак. Бадриа, друг Спиридона, укоряет его, что тот пошёл против села и не расправился со своим псом. Сосед тайком пытается уничтожить собаку, но только ранит её. Гогита уводит собаку в лес и отпускает, а деду говорит, что убил её.

С тех пор, как в селе пропал собачий лай, стали исчезать домашние животные. А дед уже не поднимался, всё время ждал свою смерть. Когда умер дед, оплакать старика пришла вся деревня. Вдруг появилась и собака. Собака подошла к гробу, поднялась на задние лапы и упёрлась передними лапами в тахту. Так она прощалась с дедушкой Спиридоном. Собака пришла попрощаться с хозяином!

Гогита крепился, как мог, но не выдержал и расплакался. Он хорошо помнил слова дедушки: животное всё понимает, но сказать не может, не надо бояться одиночества, нужно хранить очаг, дом и доброе имя. Рассказ заканчивается тем, что Гогита выгоняет Бадриа. Он говорит: «Уходи, Бадриа». И Бадриа молча уходит.

Рассказ «Собака» оставляет чувство светлой грусти и вселяет надежду: пока есть связь между поколениями, пока сохраняется милосердие к братьям нашим меньшим, человек преодолеет все преграды, выстоит и победит. Особенно запоминаются слова дедушки Спиридона: «Я вернусь в этот мир, вернусь в другом обличье — деревом, травой, птицей, собакой... И всегда я буду с тобой!.. Я никогда не оставлю тебя одного! Знай, сынок, что бы тебе ни доставило тепло и радость, будь то даже простой камень, это буду я, твой старый дед».

Нужно отметить, что даже по небольшому рассказу читатель может представить себе красивую и щедрую природу Грузии, её жителей, умных, озорных, ироничных. Вспомним рассказ «Хазарула». В этом рассказе бабушка с помощью внука воплощает в жизнь одно из старинных поверий: чтобы оживить переставшую плодоносить яблоню, дерево нужно напугать. Мальчик в душе подсмеивается над собой, но, следуя традициям своего народа, почтительно исполняет волю старшего по возрасту человека. Внук любуется красотой начавшей цвести яблони, восхищается щедростью её даров и относится к ней как к живому существу: обращается к дереву с выражением удивления и даже слышит ответ в скрипе её старых веток. Он воспринимает яблоню как человека, как товарища. Конечно, на следующий год, когда старая яблоня совсем уже перестала плодоносить, бабушка призналась, что пошутила. Но внук отказывается брать на себя это страшное для него дело – срубить полюбившуюся ему старую яблоню, утверждает, что не сможет срубить Хазарулу, которая разговаривает с ним. Бабушке не удаётся переспорить его и по её просьбе дерево срубает сосед. В конце рассказа автор так мастерски передаёт переживания мальчика, что читатель готов дать слово самому себе, что никогда не срубит ни одного дерева.

Известный австрийский писатель Франц Кафка писал: «Если прочитанная нами книга не потрясает нас, зачем вообще читать её?.. Книга должна быть топором, способным разрубить замёрзшее море внутри нас». Произведения Н.Думбадзе потрясают читателя, рубят «замёрзшее море» внутри человека. Пусть победит в мире добро!

ТАХАР БЕН ДЖЕЛЛУН

Перевод Гюлюш АГАМАМЕДОВОЙ

Главы из романа **«ДИТЯ ПЕСКА»** Париж, издательство le Seuil , 1985 год.¹

Мужчина

Вначале было лицо, вытянутое несколькими вертикальными морщинами, похожими на шрамы от бессонниц, лицо плохо выбритое, разрушенное временем. Жизнь? Какая жизнь? Странное подобие жизни, состоящее из забвения, вероятно, мучило, раздражало и даже ослепляло его. Можно было прочесть или догадаться о глубокой ране, которая открывалась из-за неловкого жеста, внимательного либо недоброжелательного взгляда. Он избегал появляться на ярком свету и прятал глаза рукой. Он страдал от света дня, лампы или полной луны: свет обнажал его, проникал под кожу и обнаруживал там стыд или тайные слезы. Он чувствовал свет на коже как огонь, что сожжет все маски, как лезвие, что снимет с него покров плоти, которая сохраняла между ним и другими необходимую дистанцию. Что с ним будет, в самом деле, если это пространство, что отделяло его и защищало от других, вдруг исчезнет. Он будет наг и беззащитен в руках тех, кто преследовал его из любопытства, недоверия и ненависти; они плохо переносили молчание и ум лица, беспокоящего их одним своим властным и загадочным присутствием.

Свет раздевал его. Шум смущал, с тех пор, как он удалился в эту комнату наверху, рядом с террасой. Он не выносил внешнего мира, с которым общался один раз в день, открыв дверь Малике, служанке, приносившей еду, почту и стакан оранжада. Он любил старую женщину, члена семьи. Закрытая и добрая, она никогда не задавала ему вопросов; похоже, их связывала симпатия.

Звук. Высоких или невыразительных голосов. Вульгарного смеха, назойливых песен по радио. Ведер воды, выливаемых во дворе. Детей, мучающих слепую кошку или собаку на трех лапах, потерявшуюся в улочках, где попадают в ловушку животные и сумасшедшие. Шум растений и жалобы нищих. Плохо записанный пронзительный звук призыва к молитве, транслируемый громкоговорителем пять раз в день. Это больше походило не на призыв к молитве, а на побуждение к восстанию. Звуки всех голосов и возгласов, поднимавшихся от города и застывавших как раз над его комнатой, пока ветер не разгонит либо не уменьшит их силу.

У него развилась аллергия на шумы; его проницаемое, воспаленное тело реагировало на них при малейшем толчке, вбирало в себя и сохраняло их яркими до такой степени, что заснуть было трудно, даже невозможно. Его чувства не стали ущербными, как того можно было ожидать. Наоборот, они стали обостренными, активными, не знающими устали. Чувства развились и заняли свое место в теле, опрокинутом жизнью, извращенном судьбой. Его обоняние схватывало все. Его нос

Пдве главы «Дверь четверга» и «Дверь пятницы» были опубликованы в 10 номере Л.А. за 2016 год. В главе «Дверь четверга» повествуется о рождении ребенка, девочки, которую торжественно объявили мальчиком и назвали Ахмедом. В главе «Дверь пятницы» рассказ о взрослении Ахмеда, и удивительной трансформации сознания ребенка, под постоянным неусыпным оком отца-тирана.

притягивал все запахи, даже те, что еще не появились. Он говорил, что у него нос слепого, слух неостывшего мертвеца и зрение пророка. Но его жизнь не была жизнью святого. Она могла бы ею стать, если бы он не был слишком занят.

С тех пор, как он удалился в верхнюю комнату, никто не осмеливался говорить с ним. Ему необходимо было длительное время, может, месяцы, чтобы укрепить части своего тела, навести порядок в прошлом, исправить зловещий образ, созданный его близкими в последнее время, распорядиться о своих похоронах и подчистить записи в большой тетради, где он описывал все: свой интимный дневник, тайны — возможно, одну, единственную тайну — а также набросок рассказа, ключи от которого имелись только у него. Густой, устойчивый туман потихоньку окутал его, спрятав от подозрительных взглядов и злословия близких и соседей, судачивших на порогах своих домов. Белая пелена успокаивала его, склоняла его к отдыху и питала его сны.

Его отсутствие не особо заботило семью. Семья привыкла к тому, что он упрямо молчит либо впадает в неоправданную ярость. Что-то необъяснимое вставало преградой между ним и остальными членами семьи. У него, вероятно, были причины, но лишь он сам мог бы их объяснить. Он решил для себя, что его вселенная принадлежит только ему, и что она превосходит вселенную его матери и сестер – во всяком случае, сильно отличается. Он даже думал, что у них нет своей вселенной. Они довольствовались жизнью на поверхности вещей, без больших требований, следуя за ним, его законами и волей. Они не говорили между собой об этом, но, возможно, они предполагали, что его уединение было вынужденным; он не мог больше владеть своим телом, жестами и лицом, изменившимся вследствие нервного тика, грозящего обезобразить его. С некоторых пор его походка перестала быть походкой властного мужчины, хозяина большого дома, того, кто занял место отца и управлял, вплоть до мельчайших деталей, жизнью семейного очага. Спина его немного сгорбилась, плечи упали; стали узкими и вялыми, словно утратили возможность принять на себя любящую голову или руку друга. Он чувствовал непонятную тяжесть, давящую на верхнюю часть спины. Он ходил, пытаясь выпрямиться. Он волочил ноги, собирая тело, внутренне борясь с тиками, не дававшими покоя.

Ситуация внезапно ухудшилась, хотя ничто не предвещало такого развития событий. Бессонница стала обычным явлением его ночей, настолько она была частой и непобедимой. Но с тех пор, как между ним и его телом обнаружился разрыв, нечто вроде поломки, лицо его постарело, и походка стала походкой инвалида. Единственным убежищем оставалось полное одиночество. Что позволило ему подвести итог всего, что случилось, и подготовить окончательное отбытие на территорию высочайшего одиночества. Он знал, что умрет не от остановки сердца, не от кровоизлияния в мозг или в желудок. Конец наступит лишь от глубокой печали, похожей на меланхолию, надетую на него неловкой рукой, во сне, без сомнения; наступит конец жизни, бывшей исключительной, той, которой невозможно было после стольких лет испытаний впасть в ежедневную банальную рутину. Его смерть будет на том же неземном уровне, что и его жизнь, с той разницей, что он сожжет свои маски, будет обнаженным, совершенно обнаженным, без савана, прямо на земле, которая разъест потихоньку его члены, пока он не станет самим собой.

На тридцатый день затворничества он увидел, как смерть стала захватывать его комнату. Ему доводилось касаться ее и держать ее на расстоянии, словно он хотел показать ей, что она пришла раньше времени, и что ему нужно закончить несколько срочных дел. Ночами он представлял себе ее в виде ползущего паука, уставшего, но

еще достаточно сильного. Воображаемое заставляло деревенеть его тело. Потом он думал о сильных руках, — возможно, из металла, — которые спустятся сверху и схватят грозного паука; они уберут паука на время, необходимое, чтобы закончить работу. На заре паука не было. Он оставался один, в окружении нескольких вещей, в сидячем положении, читающим страницы, написанные ночью. Сон приходил утром.

Однажды он услышал, как египетский поэт оправдывал ведение дневника: «Из какой бы дали ни возвращался, всегда возвращаешься от себя. Дневник иногда необходим для того, чтобы рассказать, чем ты перестал быть». Его намерением было именно это: сказать, чем он перестал быть. «И кем он был?» Вопрос возник после неловкого или выжидательного молчания. Рассказчик, сидящий на циновке со скрещенными ногами, вытащил из сумки большую тетрадь и показал ее присутствующим.

Тайна здесь, в этих страницах, сотканная из слогов и образов. Он доверил ее мне перед самой смертью. Он заставил меня поклясться, что я открою тетрадь не раньше сорока дней со дня его смерти, времени окончательной смерти, сорока дней траура для нас и путешествия во тьме земли для него. Я открыл тетрадь ночью сорок первого дня. Меня окутал аромат рая, аромат настолько сильный, что я чуть не задохнулся. Я прочел первую фразу и ничего не понял. Я прочел второй абзац и ничего не понял. Я прочел всю первую страницу и был просветлен. Слезы удивления текли по моим щекам. Руки стали влажными; кровь не текла, как обычно. Я понял тогда, что владею редкой книгой, книгой тайны о короткой и насышенной жизни, написанной ночами длинного испытания, хранившейся под большими камнями и хранимой ангелом проклятий. Эта книга, друзья мои, не может ни передаваться, ни быть отданной. Она не может быть прочитана невинными умами. Свет, исходящий от нее, слепит глаза, что останавливаются на ней по неосторожности, не будучи подготовленными. Я прочел эту книгу, расшифровал ее для таких умов. Вы не сможете заполучить ее, не пройдя через мои ночи и тело. Я и есть эта книга. Я стал книгой тайны; я заплатил жизнью, чтобы прочесть ее, дойдя до конца, после месяцев бессонницы, я почувствовал, как книга воплощается во мне, потому что это моя судьба. Чтобы рассказать вам эту историю, я даже не открою тетрадь, прежде всего потому, что я выучил ее наизусть, а еще из благоразумия. Скоро, о, добрые люди, день перейдет во тьму, я останусь наедине с книгой, а вы – наедине с нетерпением. Избавьтесь от нездоровой нервозности, присутствующей в вашем взгляде. Будьте терпеливы; ройте вместе со мной туннель вопроса и умейте ждать – не мои фразы, они уже вырыты, но песню, которая поднимется с моря и поведет вас по дороге книги, которая слушает время и то, что оно ломает. Знайте, что у книги семь дверей, пробитых в стене, шириной не менее двух метров, и высотой не менее трех гибких и сильных мужчин каждая. По мере надобности я буду давать вам ключи, чтобы открывать двери. На самом деле у вас есть ключи, но вы не знаете об этом; даже если бы знали, вы не смогли бы их повернуть и не знали бы, под каким могильным камнем их похоронить.

А теперь вы знаете достаточно. Лучше нам расстаться раньше, чем запылает небо. Возвращайтесь завтра, если только книга тайны вас не покинет.

Мужчины и женщины молча встали и, не разговаривая друг с другом, рассеялись в толпе на площади. Рассказчик свернул баранью шкуру, положил перья и чернильницы в небольшую сумку. А тетрадь он тщательно завернул в кусок черного шелка и положил обратно в сумку. Прежде чем он ушел, мальчик вручил ему черный хлеб и конверт. Он вышел с площади медленным шагом и скрылся в первых проблесках сумерек.

Дверь субботы

Друзья, сегодня мы должны отправиться в путь. Мы направляемся к третьему этапу, – седьмому дню недели, квадратной площади, рынку зерна, где крестьяне и животные спят вместе, месту обмена между городом и деревней, окруженному невысокими стенами и омываемому естественным источником. Я не знаю, что нам уготовано. Дверь открывается на мешки с зерном. Наш персонаж никогда там не был, а я однажды продал там осла. Дверь вырублена в стене, похожа на развалину, никуда не ведет. Но мы обязаны навестить дверь – немного из суеверия, немного из дисциплины. В принципе эта дверь соответствует отрочеству. Впрочем, период отрочества довольно туманный. Мы потеряли из виду следы нашего героя. Ведомый за руку отцом, он, должно быть, прошел через тяжелые испытания. Время смятения, когда тело пребывает в неопределенности; будучи в сомнении, оно продвигается вперед наощупь. Этот период мы должны вообразить, и если вы готовы последовать за мной, я попрошу вас помочь мне восстановить этот этап в нашей истории. В книге здесь пробел, голые страницы, оставленные в подвешенном состоянии на милость читателя. Вашу милость!

- Я полагаю, что в этот момент Ахмед начинает осознавать, что с ним происходит, и переживает глубокий кризис. Я представляю его, раздираемого между развитием тела и волей отца сделать его мужчиной...
- А я не верю в кризис. Думаю, что Ахмеда убедили, и что он взрослеет по правилам отца. Он не сомневается. Он хочет выиграть партию и принять вызов. Он мечтательный и умный ребенок и быстро понял, что это общество предпочитает мужчин женщинам.
- Нет, то, что произошло просто. Я это знаю, я старше всех здесь, может, даже старше нашего уважаемого сказителя, мой поклон ему. Я знаком с этой историей. Мне нет необходимости угадывать или объяснять. Ахмед никогда не расставался с отцом. Его воспитывали вне стен дома, вдали от женщин. В школе он научился драться; он часто дрался. Его отец подбадривал его и щупал мускулы, недостаточно крепкие, по его мнению. И еще он плохо обращался со своими сестрами, боявшимися его. Это нормально, его готовили в наследники. Он стал мужчиной. Во всяком случае, его научили вести себя, как мужчина. Как дома, так и за пределами дома.
- Мы не продвинемся подобным образом, дорогой долгожитель! Я высказываюсь, потому что наша историю спотыкается. Мы в состоянии ее придумать? Сможем ли обойтись без книги?
- А я, если позволите, скажу вам правду: это история сумасшедшего. Если Ахмед в самом деле существовал, он должен находиться в сумасшедшем доме... Поскольку ты говоришь, что у тебя есть доказательства, изложенные в книге, которую ты прячешь, почему бы не дать ее нам.... Мы увидим, соответствует ли эта история правде, или ты все придумал, чтобы отнять у нас время и испытать наше терпение!....

Подул ветер бунта! Вы вольны верить или не верить в эту историю. Но, приобщив вас к рассказу, я просто хотел оценить ваш интерес. Продолжение я прочту... оно впечатляет. Я открываю книгу, переворачиваю пустые страницы.... Слушайте!

«Бывает правда, которую нельзя высказать, ее невозможно даже предположить, она живет лишь в совершенном одиночестве, окруженная естественной тайной, что сохраняется без усилия и является ее корой и внутренним ароматом, запахом пустого хлева или запахом незатянувшейся раны, возникающим в момент усталости или когда появляется неряшливость, если только это не начало гние-

ния, физического упадка; при этом тело может быть внешне нетронутым, потому что страдание исходит изнутри и не может быть обнаружено; неизвестно, оно внутри или снаружи, на кладбище, в могиле, едва выкопанной, едва заполненной увядшим телом, трагическим глазом странного создания, рассыпавшегося при соприкосновении с липкой правдой, совсем как пчела в банке с медом, пленница своих иллюзий, осужденная на смерть, задушенная жизнью. Эта правда, по сути, банальная, меняя время и лицо, протягивает мне зеркало, в которое я не могу смотреться, не испытывая глубокой печали, не той меланхолии молодости, что поддерживает высокомерие и погружает в ностальгию, но грусти, убивающей личность, отрывающей ее от земли и бросающей, словно ненужный хлам, в кучу нечистот или в муниципальный шкаф найденных вещей, за которыми никто никогда не придет, или же на чердак дома с привидениями - территорию крыс. Зеркало стало дорогой, по которой мое тело дошло до нынешнего состояния; оно расплющивается в земле, роет временную могилу и привлекает живые корни под камнями, оно раздавлено тяжестью огромной печали, незнакомой большинству людей; они даже не могут представить себе ее форму, тяжесть и мрак. И поэтому я избегаю зеркал. У меня не всегда хватает мужества предать себя; то есть спуститься по ступеням, которые предписала мне моя судьба и которые ведут вглубь меня, в невозможную суть невыразимой правды. Там лишь извивающиеся черви составят мне компанию. Я часто подвержен искушению устроить свое собственное внутреннее кладбище, чтобы заснувшие тени оживились и встали в хоровод вокруг члена, того, что будет моим, который я никогда не смогу ни иметь, ни показать. Я сам являюсь тенью и светом, ее породившим, хозяином дома-руины, скрывающей общую могилу - и приглашенным, чья рука покоится на влажной земле, и камнем под порослью травы, взглядом, ищущим себя, и зеркалом, я являюсь и не являюсь голосом, что приспосабливается к изгибам моего тела, мое лицо, завернутое в вуаль этого голоса, - разве это мое лицо, или лицо отца, который его создал, или просто вдохнул в меня, пока я спал? Иногда я узнаю свой голос, иногда отказываюсь от него, я знаю, что он - моя самая искусная маска, мой самый правдивый образ, он меня смущает и раздражает; он лишает гибкости тело, покрывает его пушком, превращающимся очень скоро в волосяной покров. Голос смог лишить мою кожу нежности, и мое лицо - это лицо голоса. Я последний из тех, кто имеет право на сомнение. Мне это не позволено. Голос - низкий, прерывистый, действует на меня, внушает мне боязнь, потрясает меня и бросает меня в толпу, чтобы я мог заслужить этот голос, чтобы я нес его уверенно, естественно, без излишней гордости. без гнева и безумия, я должен владеть его ритмом, тембром и мелодикой и сохранять его внутри себя.

Правда убегает; достаточно, чтобы я заговорил, и правда удаляется, о ней забывают, и я становлюсь одновременно и могильщиком и эксгуматором, хозяином и рабом. Голос таков: он не выдает меня... и даже если бы я захотел возвысить его в первозданном виде, некоторым образом выдать его, я бы не смог и, может быть, я бы даже умер. Я знаю требования голоса: избегать гнева, крика, чрезмерной нежности, шепота, короче, ненормальности. Я нормальный. И я молчу, чтобы растоптать образ, невыносимый для меня. Боже мой! Как эта правда довлеет надо мной! Жестокое требование! Жестокая дисциплина! Я являюсь одновременно архитектором и строением, деревом и его соком, я и другой, я и другая. Ни одна мелочь не должна объявиться, ни извне, ни из глубины могилы, чтобы нарушить дисциплину. Даже кровь. А кровь однажды утром испачкала простыни, говоря о состоянии моего тела, обернутого в белое белье, нарушая уверенность и разрушая архитектуру внешности. На моих бедрах тонкий ручеек крови, неровная линия

бледно-красного цвета. Может быть, и не кровь вовсе, а набухшая вена, проявившаяся ночью, видение прямо перед наступлением утра; однако простыня была теплой, как если бы она обернула дрожащее тело, только что извлеченное из влажной земли. Все же это была кровь, сопротивление тела имени; брызги от запоздалого обрезания. Это было напоминание, гримаса запрятанного воспоминания, воспоминания о непознанной жизни, которая могла стать моей. Странно быть носителем памяти, не накопленной в прожитом времени. Я раскачивался в саду, на вершине горы, и не знал, с какой стороны упаду. Я раскачивался в красной простыне, где кровь растворилась в краске покрывала. Я чувствовал необходимость излечиться от своей личины, снять с себя тяжелое одиночество, похожее на стену, собирающую жалобы и крики покинутой орды, мечети в пустыне, куда люди сумерек приходят, чтобы поделиться своими печалями и отдать немного крови. Тихий голос разбивает стену и говорит мне, что сон парализует утренние звезды. Я смотрю на небо и вижу белую линию, безупречно начерченную рукой. Идя по дороге, я должен положить несколько камней, вех, меток моего одиночества, протянуть руки, словно желая отодвинуть покров ночи, что внезапно упадет с неба, или небо, которое упадет, как ночь, что я ношу вместо лица, голову, которую не смогу задушить. Тонкий ручеек крови, наверное, это ранка. Моя рука пыталась остановить его. Я смотрел на свои растопыренные пальцы, соединенные комочком крови, ставшей почти белой. Через них я видел сад, неподвижные деревья и небо, загораживаемое высокими ветвями. Мое сердце билось быстрее, чем обычно. Было ли это переживание, страх или стыд? Тем не менее, я ожидал чего-то подобного. Я часто наблюдал, как моя мать и некоторые из сестер клали или забирали куски белой ткани между ногами. Моя мать разрезала старые простыни на куски и складывала их в углу шкафа. Мои сестры пользовались ими. Я все замечал и ждал дня, когда и я потихоньку открою шкаф и положу две или три прокладки между ног. Стану вором. Всю ночь я буду наблюдать, как течет кровь. Затем я исследую капли крови на ткани. Это и есть рана. Похоже на фатум, нарушение порядка. Моя грудь не росла. Я представлял себе груди, что растут вовнутрь, мешая дыханию. Но у меня не было грудей. .... Одной проблемой меньше. После появления крови меня вернули в мое изначальное состояние, и я последовал за линиями руки, теми, что нарисовала судьба».

Дверь субботы закрывается в полной тишине. Ахмед с облегчением вышел из этой двери. Он понял, что жизнь его заключается в том, чтобы поддерживать видимость. Он не исполняет волю отца; у него теперь своя воля.

Bab El Had

Это очень маленькая дверь. Нужно нагнуться, чтобы пройти. Она на входе в медину и соединена с той, что находится на другом конце; её используют для выхода. На самом деле это фальшивые входы. Все зависит от того, откуда приходят; нужно знать, что в каждой истории существуют входные и выходные двери. Ахмед будет часто перемещаться между двумя дверьми. Ему двадцать лет. Он образованный молодой человек, и его отец думает о его будущем с беспокойством. Я предполагаю, что все ожидали такого поворота в нашей истории. События произошли следующим образом:

Однажды Ахмед пошел к отцу в мастерскую и сказал ему:

- Отец, как тебе мой голос?
- Хороший, не слишком низкий, не слишком высокий.
- Хорошо, ответил Ахмед, а моя кожа, как тебе она?

- Твоя кожа? Ничего особенного.
- Ты заметил, что я бреюсь не каждый день?
- Да, а почему?
- А что ты думаешь о моих мышцах?
- Какие мышцы?
- Ну, например, грудные мышцы
- Не знаю
- Ты заметил, что они твердые на уровни груди? ... Отец, я отпущу усы.
- Если тебе хочется!
- Отныне я буду носить костюм и галстук..
- Как хочешь, Ахмед...
- Отец! Я хотел бы жениться...
- Что? Ты еще слишком молод...
- А разве ты не женился молодым?
- Да. Но это было другое время...
- А мое время, оно какое?
- Не знаю. Ты поставил меня в тупик.
- Время обмана и мистификации? Я живое существо или образ, тело или власть, камень в засохшем саду или негнущееся дерево? Скажи мне, кто я?
  - Почему ты задаешь все эти вопросы?
- Задаю их для того, чтобы ты и я посмотрели правде в глаза. Ни ты, ни я не простофили. Я не только принимаю свое положение, но мне оно нравится. Интересует меня. Оно позволяет мне иметь те привилегии, которых я никогда бы не знал. Оно открывает передо мной двери, и мне нравится это, даже если затем я попадаю в стеклянную клетку. Иногда я задыхаюсь во сне. Я тону в своей слюне. Я цепляюсь за колеблющуюся землю. Так я подхожу к небытию. Но когда просыпаюсь, несмотря ни на что, я счастлив быть тем, кто я есть. Я прочел все книги по анатомии, биологии, психологии и даже астрологии. Я много читал, и я выбрал счастье. Страдание, бремя одиночества, я избавляюсь от них в большей тетради. Выбрав жизнь, я согласился на приключения. И хочу дойти до конца этой истории. Я мужчина. Меня зовут Ахмед, в соответствии с традициями нашего Пророка. И хочу иметь супругу. Мы сделаем большой праздник для своих по случаю обручения. Отец, ты сделал меня мужчиной, и я должен им остаться. И как говорит наш любимый Пророк, «совершенный мусульманин женатый мужчина».

Отец очень расстроился. Он не знал, что ответить сыну и у кого попросить совета. В конце концов Ахмед требовал логического завершения. Он не все сказал отцу; у него был план. Молчание, наполненное недомолвками. Ахмед стал властным. В доме он заставлял сестер подавать ему обеды и ужины. Он запирался в комнате наверху. Он не позволял себе быть нежным с матерью, редко видевшей его. В мастерской он стал забирать в свои руки дела. Энергичный, современный, циничный, он был прекрасным переговорщиком. Он превзошел отца. Отец согласился с этим. У него не было друзей. Таинственный и грозный; его боялись. Он восседал в своей комнате, поздно ложился, рано вставал. Он и в самом деле много читал и писал по ночам. Ему случалось не выходить из комнаты по четыре, по пять дней. Только мать решалась постучать в его дверь. Он кашлял, чтобы не говорить и показать, что жив.

Однажды он вызвал мать и сказал ей серьезным тоном:

– Я выбрал себе жену.

Мать была предупреждена отцом. Она ничего не ответила. Она не выказала удивления. Ее уже ничто не могло удивить с его стороны. Она уверовала в его сумасшествие. Она не осмеливалась думать о том, что он стал чудовищем. Вот уже год, как его поведение преобразило его и сделало неузнаваемым. Он стал свирепым, чужим. Она подняла на него глаза и спросила:

- Кто это?
- Фатима...
- Какая Фатима?
- Фатима, моя двоюродная сестра, дочь моего дяди, младшего брата моего отца, того, кто радовался рождению каждой из твоих дочерей...
  - Но ты не можешь. Фатима больна... У нее эпилепсия, и потом, она хромает...
  - Вот именно!
  - Ты чудовище...
  - Я твой сын, ни больше, ни меньше.
  - Но ты будешь несчастным.
- Я лишь подчиняюсь вам; ты и мой отец выбрали для меня путь; я пошел по нему из любопытства, и я забрел немного дальше, и знаешь, что я обнаружил? Знаешь, что в конце пути? Пропасть. Дорога заканчивается прямо на вершине высокой скалы, возвышающейся над большой площадкой, куда случайно попадают нечистоты города; запахи смешиваются, но вызывают не тошноту, а опьянение Злом. О! Будь уверена, я не был в тех местах... Я их представляю, чувствую, вижу!
  - Но я ничего не решила.
- Это правда. В этой семье женщины оборачиваются в саван молчания... они подчиняются...мои сестры подчиняются; ты молчишь, а я приказываю! Какая ирония! Как тебе удалось лишить их малейшей крупицы живости, твоих дочерей? Они здесь, ходят у стен и ждут посланного провидением мужа...какое убожество! Ты видела мое тело? Оно выросло, заполнило свою обитель...я избавился от другой оболочки; она была хрупкой и прозрачной. Я укрепил кожу. Тело выросло, и я больше не сплю в теле другого. Я нахожусь на границе вашего савана. Ты ничего не говоришь. Ты права. Я скажу тебе о другом. Некоторые строфы Корана, которые меня заставили выучить наизусть, приходят мне на ум безо всякой причины. Они проходят через мою голову, останавливаются на секунду и исчезают. «Вот что заповедует вам Аллах о ваших детях: мужчине – долю, равную долям двух женщин»...О! И потом, я не хочу удерживать слова, я оставляю их ветру.. Значит, я хочу жениться и создать семейный очаг, как говорят, теплый семейный очаг, мой дом станет стеклянной клеткой, ничего особенного, просто комната в зеркалах, отражающих друг от друга свет и картинки... Сначала я обручусь. Не будем форсировать события. Сейчас я, может быть, напишу стихи о любви для женщины, приносимой в жертву. Вам выбирать, будет ли это она или я.
- О, мои собратья! Наш персонаж ускользает от нас. В моем понимании, он не должен был становиться злодеем. У меня впечатление, что он покинет нас. Это внезапное изменение, неожиданная грубость беспокоит меня, и я не знаю, куда это нас приведет. Я также должен признаться, что меня это возбуждает! Он проклят, преображен колдунами. Его злоба превосходит его самого. Считаете ли вы, мои слушатели, что он безнравственный человек, что он чудовище? Чудовище, сочиняющее стихи! Я сомневаюсь и чувствую себя неловко в присутствии нового лица. Я возвращаюсь к книге. Чернила выгорели. Капли воды, возможно, слезы, затрудняют чтение страницы. Я с трудом читаю:

«Меня обнимают измученные руки моего тела, я опускаюсь в глубину, как если бы хотел убежать. Я прячусь в складке, и мне нравится запах этой долины. Я вздрагиваю при крике кобылы из небытия. Она белая, и я прячу глаза. Мое тело постепенно открывается для моего желания. Я беру его за руку. Оно сопротивляется. Кобыла ускакала. Я засыпаю, обнимая себя руками. Это море, что шепчет на ухо околевшей лошади? Это лошадь или сирена? Что за обычай кораблекрушения, захваченного в плен морем. Я заключен в образ, и высокие волны преследуют меня. Я падаю. Падаю в обморок. Возможно ли упасть в обморок во сне, потерять сознание и не узнавать на ощупь привычные предметы? Я выстроил свой дом из подвижных образов. Я не играю. Я пытаюсь не умереть. У меня вся жизнь, чтобы ответить на один вопрос: Кто я? А кто тот, другой? Порыв утреннего ветра? Неподвижный пейзаж? Дрожащий лист? Белая дымка над горой? Струя чистой воды? Болото, посещаемое людьми, потерявшими надежду? Окно, выходящее на пропасть? Сад по ту сторону ночи? Старая монетка? Рубашка, покрывающая умершего? Немного крови на приоткрытых губах? Плохо надетая маска? Белый парик на седых волосах? Я пишу все эти слова и слышу ветер - не снаружи, а в голове; он дует сильно и хлопает ставнями, через которые я вхожу в сон. Я вижу, что одна дверь наклонена. Упадет ли она туда, куда я имею обыкновение класть голову, чтобы принять другие жизни, чтобы ласкать другие лица, хмурые или веселые лица, но я люблю их, потому что это я их выдумываю. Я создал их сильно отличающимися от моего, ужасными или восхитительными, представленными при свете дня на ветках деревьев, подобно предметам колдуньи. Иногда холод лиц убивает меня. Я покидаю их... Ухожу искать в другом месте. Беру кисти рук. Выбираю большие и утонченные. Сжимаю, целую, сосу их. Пьянею. Руки меньше сопротивляются мне. Они не могут гримасничать. Лица мстят мне за мою свободу, все время гримасничают. Поэтому я их прогоняю. Без насилия. Я их откладываю в сторону, складываю. Они страдают. Некоторые начинают кричать. Как совы. Мяукают. Скрежещут зубами. Безразличные лица. Не мужчины и не женщины. Но лица совершенной красоты. Руки тоже меня предают, особенно когда я пытаюсь соединить их с лицами. Главное - избежать краха. Ритуал краха меня преследует. Я рискую все потерять и у меня нет желания оказаться снаружи. Вместе с другими. Моя обнаженность - это моя наивысшая привилегия. Я один могу ее наблюдать. Я один могу ее проклинать. Я кружусь, хлопаю в ладоши. Я топаю ногами. Я наклоняюсь над ловушкой, где я прячу свои создания. Я боюсь упасть и смешаться с одним из этих лиц без улыбки. Я кружусь, голова у меня кружится. Пот проступает на лбу. Мое тело танцует под африканский ритм... Я слышу его. Я вижу саванну и присоединяюсь к обнаженным людям. Забываю спросить себя, кто я такой. Стремлюсь к тишине сердца. Меня преследуют, и я отдаю свой рот лесному пламени. Я не в Африке, а на морском кладбище, и мне холодно. Все могилы пустые. Покинутые. Свистящий ветер - их пленник. Лошадь, окрашенная в синюю краску неба, скачет на этом кладбище. Мои глаза падают и вонзаются в голову лошади. Сумерки накрывают меня. Я чувствую себя в безопасности. В теплых руках. Они ласкают мне спину, и я чувствую их. Это не мои руки. Мне одиноко, и я отступаю. Усталость, либо идея возвращения к себе. Дом. Мне хочется смеяться, потому что я знаю, что приговорен к изоляции, и что я не смогу победить страх. Говорят, что это тоска. Я потратил годы, чтобы приспособить ее к своему одиночеству. Мое заточение добровольно, выбрано и любимо мной. Я извлеку из него еще больше лиц и рук, путешествий и стихов. Я создаю из страдания дворец, где смерти не дадут места. Это не я ее отталкиваю. Ей запрещен вход, страдание самодостаточно. Нет надобности в

сильном ударе. Это тело состоит из волокон, накапливающих боль и наводящих страх на смерть. В этом моя свобода. Тоска отступает, и я остаюсь один, сражаться до зари. Утром я падаю от усталости радости. Другие ничего не понимают. Они недостойны моего безумия. Таковы мои ночи: феерические. Мне нравится их обустраивать на вершине скал и ждать, когда ветер их начнет сотрясать, омывать, отделять их от сна, выводить их из тьмы, раздевать их и возвращать мне в одеянии снов. Все становится зыбким. Я забываю. Я погружаюсь в открытое тело другого. Я больше никого не спрашиваю. Я пью кофе и живу. Ни хорошо, ни плохо. Я никого не спрашиваю, потому что мои вопросы не имеют ответов. Я знаю это. поскольку живу с обеих сторон зеркала. На самом деле я не серьезен. Люблю играть, даже если приходится сделать больно, уже давно я нахожусь над злом, глядя на все издали, с высоты моего одиночества. Странно! Моя грубость, моя суровость открывают мне двери. Я не прошу столько! Люблю время, которым управляю. Вне этих рамок. Чувствую себя немного потерянным. Тогда я становлюсь строгим. Я покидаю избалованное детство раньше предвиденного, я толкаю одних и других, я не прошу любви, а лишь забвения. Они не понимают. Отсюда необходимость проживать мое состояние во всем его ужасе. Сегодня мне нравится думать о той, кто станет моей женой. Я пока не говорю о желании, я говорю о прислуживании. Она придет. Волоча ногу, со сморщенным лицом, беспокойным взглядом, потрясенная моим предложением. Я позову ее в мою комнату и расскажу о своих ночах. Поцелую ей руку. Скажу, что она красива; заставлю ее плакать и оставлю ее в возбуждении; буду смотреть на нее, как она борется со смертью, пуская слюни, умоляя; я поцелую её в лоб; она успокоится, потом уйдет к себе, не оборачиваясь. Я не в депрессии, я раздражен. Я не печален. Я потерял надежду. Ночь ничего мне не дала. Она прошла незаметно. Спокойная, пустая, черная».

Друзья, я говорил вам, что эта дверь узкая. Читаю на ваших лицах замешательство и беспокойство. Эта исповедь нас просвещает и отдаляет друг от друга. Она делает персонаж все более странным. Мрачные письма спутали планы и изменили жизнь нашего героя. Эти письма, хранящиеся в тетради, не всегда имеют дату. Но читая их, их можно отнести ко времени, к которому мы подошли в нашей истории. Они не подписаны, либо подпись не читается. Иногда стоит крест, в других случаях – инициалы или арабески. Они пришли от анонимного мужчины или женщины? Или это плод фантазии? Написал их он сам в своем одиночестве?

Первого письма нет в тетради. Его, вероятно, потеряли. Второе – его ответ:

«Итак, у меня будет жизнь в качестве наказания! Ваше письмо не удивило меня. Я угадал, как вы смогли получить интимные и странные подробности моей жизни. А я не являюсь тем, кто я есть; возможно и то, и другое! Но ваша манера вторгаться в эти вопросы, неосторожность, с которой вы вмешиваетесь в мою мечту, делает вас соучастником несчастья, каковое я могу совершить, или спровоцировать. Ваша подпись – неразличимые каракули. У письма нет даты. Возможно, вы – ангел-ликвидатор? Если да, приходите ко мне, посмеемся вместе».

До востребования! Инициалы! Столько тайн...

«Я нашел ваше письмо под камнем у входа в сад. Спасибо, что ответили. Вы неуловимы. Я жду вас давно. Мои вопросы, без сомнения, не были точными. Поймите, я не могу раскрыть свою личность, не подвергаясь опасности накликать несчастье на вас и на меня. Наша переписка должна остаться конфиденциальной. Я рассчитываю на вашу склонность к тайнам. Замысел, направляющий и ведущий меня к вам, отмечен печатью невозможного. Однако мне нравится идти этой дорогой, с терпением, питаемым вымышленной надеждой, сном, в котором я вас вижу каждый раз, когда у меня жар; там я вижу вас, а вы меня нет; я слышу, как

вы разговариваете сами с собой и где вы ложитесь обнаженной между белыми страницами тетради, я наблюдаю за вами и следую за вами до изнеможения, потому что вы без конца двигаетесь, бежите. Я хотел бы остановить вас на мгновение, на краткий миг, чтобы посмотреть на ваши глаза и ресницы. Но у меня от вас только нечеткая картинка, возможно, так лучше!»

«Вы приходите ко мне, чтобы следить за мной и наблюдать за моими действиями и мыслями, поэтому я решил навести порядок. Моя комната не очень большая. Параллельные зеркала. Небесный свет, большие окна и мое одиночество делают ее большой. Я ее еще увеличу, почистив мою жизнь и мои воспоминания, потому что нет ничего более громоздкого, чем вещи, оставленные временем на одном из этажей памяти. (Люди говорят в углу памяти, но я знаю, что это этаж; столько вещей там сложено, ожидающих сигнала, чтобы вывалиться и загромоздить мою настоящую жизнь.) В ваш следующий визит вы будете удивлены и даже потеряны. Я не скрываю, что я хочу вашей погибели, хочу ускорить вашу гибель. Вы упадете в сети вашей смелости или просто в канаву, на краю дороги. Но мы будем вместе некоторое время. Не будем выпускать друг друга из виду. До скорого!»

«Не имея времени прийти к вам и не будучи уверенным, что мое присутствие вас не расстроит, я предпочитаю написать вам. Я не буду говорить ни о вашей красоте, ни об изяществе, свойственном вам и охраняющим вас, ни о перипетиях вашей судьбы. Я узнал, что вы пожелали жениться. В общем, красивый поступок! Но похоже, ваша душа заблудилась. Вы посмеете сделать из несчастного, беззащитного создания жертву? Нет! Это недостойно вас! Однако если вы хотите навредить одному из ваших дядей, у меня есть кое-какие идеи для вас. Но я убежден, что у вашего гения амбиции другого размаха! Оставим маневры на лето или осень. Посмотрите, как весна склоняется к нашим телам и деликатно открывает наши сердца. Я пока останусь в тени анонимности, где можно идти по любому пути, особенно по тому, что ведет к вам, к вашим мыслям, к вашей душе, к вашему телу, лежащему рядом с моим....»

«Мой отец болен, я должен отказаться от всех своих планов. Чувствую, что это трудный момент. Идея его смерти преследует меня. Когда я слышу его кашель, мне очень плохо. Похоже, мать не готова к этому испытанию. Я выхожу из своей комнаты и лежу рядом с ней без сна. Слежу за ее дыханием. Я слежу за ней и тихо плачу о себе. Я рассказываю вам сегодня о моем страхе и боли, ведь вы аноним, а это приближает меня к вам. Мне не хотелось бы видеть ваше лицо или слышать ваш голос. Позвольте угадать вашу личность посредством ваших писем; не обижайтесь, если я опаздываю с ответом».

Обмен письмами прервался, освободив место для главного события, решающего испытания, важного поворота, изменившего жизнь нашего персонажа. Смерти отца будет предшествовать серия небольших событий, маневров и попыток, которые усилят волю наследника и придадут его статусу неоспоримую законность.

Bab El Had, как указывает имя, это конечная дверь, стена, возвышающаяся, чтобы положить конец ситуации. Это будет последняя дверь, потому что она закрылась за нами без предупреждения. А я, рассказывавший вам о семи дверях, сегодня и я поражен. Наша история не заканчивается на этой двери. Она продолжается, но она не будет проходить через двери в стене. Она выйдет на круговую улицу, и мы должны следовать за ней с возрастающим вниманием.

В нынешнем году в Союзе писателей Азербайджана отметили 60-летний юбилей поэта Даяндура Севгина. Автор восьми поэтических сборников, лауреат премии Расула Рзы, переводчик на азербайджанский язык некоторых зарубежных поэтов, Даяндур муаллим сегодня возглавляет отдел поэзии и изданий журнала «Улдуз», сотрудничает он также и с газетой «Каспий». Стихи Даяндура Севгина в переводах на русский не раз публиковались на страницах нашего журнала. Сегодня мы в свою очередь также поздравляем нашего коллегу со знаменательной датой и желаем ему новых творческих успехов.

ДАЙАНДУР СЕВГИН

Справедливость

На коне судьба, а я пешком, Не надеюсь на везенье. Все прекрасные слова – Лишь обман и лист осенний.

А кругом лишь шум да гам. Где моей душе бальзам?.. Правда с ложью пополам, Нет ни правды, ни смиренья.

Пусть узнают все друзья – Пламенем охвачен я. Мне лишь Бог один судья – Ниспошлет пусть мне терпенья.

Что сказать и написать, Чтобы горести прогнать? Справедливость где искать? Нет ее на этой сцене...

Жизнь

Молодость – бутон цветка, Старость – зимние года. Наши дни – автомобиль, Жизнь – бензин, а не вода.

И куда же нам свернуть, Руки-ноги протянуть? Азраил пресек нам путь, Жизнь – опасная езда.

Обойди все семь небес, Наши дни полны чудес, Час пробьет, и ты исчез, Жизнь – не горе, а беда.

Золото – вот наши дни, Одолжил, теперь верни. Что посеял, то пожни, Жизнь –

как за верстой верста...

Мир

Гонит дни без устали вперед, Скачет жизнь за годом год. Где-то дом рассвета ждет, Чей-то мир – сплошная ночь.

Для одних он – груз на плечи, Для других совсем беспечен, Третьи знают – бессердечен. Мир похож на нас точь-в-точь.

Даяндур, обид не надо, Видит Бог, тебе все рады, Истиною ложь объята, Разделить их мне невмочь.

Приду на встречу

Темные разлуки воды, Седину несут заботы, Воротясь в младые годы, Я приду к тебе на встречу.

Я сниму одежды горя, Перестану стонам вторить, Одолев разлуку в споре, Я приду к тебе на встречу.

Пусть грозит мне невезенье – Я отрину все свои сомненья! Старость – новое рожденье. Я приду к тебе на встречу.

Господи

Господи, Тебя где мне отыскать? Я устал от всех горестей страдать, Я устал от бед от своих рыдать. Ниспошли хоть раз в жизни благодать.

Привели в тупик все мои пути, Ничего не смог я в жизни воплотить, Я не смог взлететь и пришлось ползти, Сколько же еще откровенья ждать?

Иногда минута лучше долгих дней, А моя душа страхов всех сильней – Ничего и нет у меня ценней, Я готов ее всю тебе отдать.

ЭЛЬМИРА АЛИЕВА

АЗЕРБАЙДЖАН – СТРАНА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Одно из подтверждений этому – деятельность Общественного объединения «Inkişaf və Dünya».

Наша Родина всегда была тем уголком земли, где одинаково комфортно жили и трудились представители разных народов и вероисповеданий. Это не раз подчеркивал Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев, назвавший мультикультурализм государственной политикой нашей страны, что и обеспечивало во все времена всем живущим здесь жизнь в условиях мира и спокойствия.

Надо отметить, что пропаганда идей мультикультурализма, принципов толерантности после обретения Азербайджаном независимости стала еще активнее, ведется она широко, на глобальном уровне. Вопросам мультикультурализма, уже давно ставшего у нас образом жизни, посвящаются международные форумы, конференции и другие серьезные мероприятия. И это не проходит незамеченным мировым сообществом. Наверное, еще и потому растет год от года авторитет нашей республики, о чем свидетельствует и факт избрания ее при поддержке 155 стран мира непостоянным членом Совета Безопасности ООН.

Многие из нас, людей весьма солидного возраста, помнят живших в нашей стране представителей европейских народов — немцев, поляков, греков, прибалтов... Это были предприниматели, ученые, геологи, архитекторы, педагоги, врачи, всегда встречавшие доброе отношение к себе со стороны местного населения. Да и они, в свою очередь, не жалея сил, трудились во благо страны, ставшей им второй родиной.

Одним из них был, к примеру, профессор Александр Багрий, уроженец Украины, немало лет посвятивший изучению народного фольклора Азербайджана. На нашей земле он подготовил к изданию интереснейший труд «Азербайджанские библиографические материалы», в числе которых были и связанные с народным творчеством.

В годы его жизни в Азербайджане вышел в свет также трехтомник «Фольклор Азербайджана и прилегающих стран», в первый том которого автор включил азербайджанские сказки, пословицы, записанные им во время многочисленных научных экспедиций по нашей стране. А затем в соавторстве с известным азербайджанским фольклористом Ханафи Зейналлы им был издан сборник «Азербайджанские тюркские сказки».

Титаническая работа выдающегося ученого, литературоведа, известного фольклориста и переводчика, основоположника нового направления в азербайджанском литературоведении — шевченковедения — вызвала огромный интерес как в Азербайджане, так и в Украине.

В частности, в нашей стране она стала объектом серьезного изучения связей между Украиной и Азербайджаном создателем Общественного объединения «Inkişaf və Dünya» («Развитие и мир») Намазали Мустафаевым.

Его инициатива по разработке уникального проекта «Азербайджан и научное наследие А.В.Багрия» заслужила высокую оценку государственных, научных и твор-

ческих организаций не только Азербайджана, но и Украины.

В адресованном руководителю Общественного объединения «Развитие и мир» письме председатель правления Украинского фонда культуры имени Бориса Олейника академик А.Д.Бакуменко подчеркивает, что интерес к творчеству выдающегося украинца, ставшего также горячим патриотом Азербайджана, свидетельствует о духовной близости наших народов и о необходимости дальнейшего расширения и углубления культурных и образовательных связей между нашими братскими народами.

Приятно отметить, что глубокое изучение нашим соотечественником творчества Александра Васильевича Багрия, которого не без оснований считали украинским азербайджанцем, его интерес к всесторонней деятельности выдающегося ученого неоднократно отмечались различными наградами. Так, Президиум Украинского фонда культуры наградил председателя Общественного объединения «Inkişaf və Dünya» Намазали Мустафаева Дипломом лауреата Международной премии имени Владимира Винниченко — украинского политического и общественного деятеля, революционера, писателя, драматурга и художника. Впрочем, это далеко не единственный знак благодарности, оказанный нашему земляку. Еще раньше Н.Мустафаев в связи со 125-летием со дня рождения А.Багрия был удостоен Почетной грамоты Хмельницкой областной государственной администрации, подписанной ее председателем А.Корнийчуком.

Слова признательности в адрес руководителя Общественного объединения «Inkişaf və Dünya» прозвучали также на состоявшемся в киевской библиотеке имени Самеда Вургуна торжественном собрании, посвященном юбилею ученого. А генеральный директор Национального музея Тараса Шевченко Д.В.Стус дал высокую оценку статье Намазали Мустафаева «Азербайджан и научное наследие А.В.Багрия» в своей опубликованной в печати рецензии на это выступление. Огромную благодарность Общественному объединению «Inkişaf və Dünya» и его основателю и руководителю выразил в своем письме министру образования Азербайджанской Республики ректор Житомирского государственного технологического университета В.В.Евдокимов, подчеркнувший, что сотрудничество между странами в образовательной, научной и культурной сферах способствует объединению народов, укреплению дружбы между ними...

А разве это не есть воплощение мультикультурализма?!

Проект, связанный с мультикультурализмом, успешно осуществленный Намазали Мустафаевым и его командой, расширил круг друзей нашей страны и, несомненно, помог донести до широкой общественности атмосферу толерантности, которая исторически существует в Азербайджане.

– Помог он также, – рассказывает сам Н.Мустафаев, – познакомиться с творчеством другого украинца, молодого азербайджановеда Валерия Марченко, прожившего, увы, короткую жизнь. Выпускник тюркологического факультета Киевского университета имени Тараса Шевченко, он с особым теплом и уважением относился к азербайджанскому народу, не раз бывал в Баку... Валерий Марченко оставил богатое литературное наследие. Ему принадлежат крупные исследования, связанные с азербайджанской литературой, переводы на украинский язык произведений известных азербайджанских писателей, в частности, Джалила Мамедгулузаде, Анара, Сулеймана Сани Ахундова, Азиза Шарифа, Иси Меликзаде, а также образцов азербайджанского фольклора – сказок, поговорок.

Высоко оценивает Н.Мустафаев статьи В.Марченко о работах академика А.Е.Крымского, в которых раскрыты истоки дружбы украинского и азербайджанского

народов. К примеру, в книге В.Марченко «Творчество и жизнь» особый интерес вызывают статьи «А.Крымский как наследник азербайджанской литературы», «Древняя азербайджанская литература в исследованиях А.Е.Крымского», «Узы братства», «Сторонники побратимости нашей», в которой он отметил роль выдающегося азербайджанского ученого и писателя Аббасгулу ага Бакиханова, который одним из первых привнес в Азербайджан слово об Украине в своем знаменитом произведении «Гюлистан-и Ирам».

Там же впервые упомянуто имя литературоведа, поэта и переводчика Даниила Бакуменко, военнослужащего, жившего с семьей в Баку и пишущего в 60-е годы прошлого столетия о героическом труде азербайджанских нефтяников. Его сын, Александр Бакуменко, и возглавляет ныне Фонд культуры Украины.

Все рассказанное, думаю, является свидетельством действительно плодотворной и нужной деятельности Общественного объединения «Inkişaf və Dünya», и прежде всего его председателя Намазали Мустафаева, направленной на еще большее утверждение в нашем родном Азербайджане мультикультурализма, государственной политики, направленной на мир и дружбу народов...

ТАИРА ДЖАФАРОВА

ЛИРИКА АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ПОЭТЕСС ЗАЗВУЧАЛА ПО-ФИНСКИ

Наверное, многим в Баку известно, что я — переводчица финской литературы и давно уже живу в Хельсинки. За 30 лет работы мною переведено на русский язык немало книг финских писателей, главные среди них — четыре представительные антологии: поэзии, прозы, драмы и юмора. Также я всегда старалась в меру своих скромных сил наладить и поддерживать культурные связи между нашими литературами и странами. Это началось еще в восьмидесятые годы, во времена незабвенного Мансура Векилова. Тогда журнал «Литературный Азербайджан» начал представлять финских писателей, а переводы азербайджанских писателей стали публиковаться в Финляндии. Нужно добавить, что в те годы азербайджанцев в Финляндии жило совсем немного, а переводчиков и вовсе не было.

И хотя я преимущественно занималась переводами, в последние годы меня все больше стала интересовать, причем с профессиональной, литераторской точки зрения, история моего родного города Баку и литература Азербайджана. В особенности мне захотелось представить финнам богатую, своеобразную и красочную поэзию Азербайджана.

И случилось это так: однажды Фикрет Годжа подарил мне трехтомник поэзии Азербайджана, юбилейное издание, подготовленное Союзом Писателей, и посоветовал перевести на финский. Я увлеклась, стала изучать источники, разыскивать всевозможные публикации, материалы, и в результате достаточно долгой и упорной работы появилась в переводе на финский антология азербайджанской поэзии «Я жемчуг, в раковине скрытый» (издательство «Ntamo», Helsinki, 2016 г). Презентация книги прошла и здесь, в Баку, и в Хельсинки, на Международном фестивале поэзии.

После этого я подумала, что неплохо было бы представить финскому читателю такое уникальное явление, как женская поэзия Азербайджана. Я углубилась в ее из-

учение. К счастью, мне попалась в руки антология под редакцией и с предисловием нашей знаменитой поэтессы Нигяр ханым Рафибейли. А послесловие к ней написала доктор филологических наук Азиза Джафарзаде. Оказалось, что наши поэтессы не менее талантливы, чем поэты-мужчины. Недаром наш национальный лидер Гейдар Алиев, который глубоко интересовался литературой и искусством, писал: «В прошлые века в Азербайджане были женщины-поэты. Мехсети Гянджеви, Агабеим-ага Агабаджи, Хейран ханым, ашуг Басти, Хуршидбану Натаван — в прошлые века они показали всему миру, какого высокого духовно-интеллектуального уровня достигла азербайджанская женщина. Они — наша национальная гордость...»

Как известно, женская поэзия в Азербайджане имеет многовековую историю, она начинается с двенадцатого века. Это не только древняя, но необычная и яркая восточная поэзия. Голос женщины в Азербайджане прозвучал и рано, и очень звонко. И очевидно, что наша женская лирика заслуживала того, чтобы быть переведенной на разные языки мира. А нужно сказать, что далеко не все азербайджанские поэтессы были переведены даже на русский язык, переводились лишь стихи Мехсети Гянджеви и Хуршидбану Натаван. Поэтому я решила перевести стихотворения менее известных поэтесс, выбранные мной для финской антологии, сначала на русский язык, и затем уже на финский. Потом стала искать издателя, которого заинтересовала бы эта волнующая меня тема женской поэзии в Азербайджане.

Я знала, что есть издатель, который интересуется поэзией разных стран и народов, и обратилась к нему. Это был Юрки Ихалайнен, известный финский поэт, лауреат престижной премии имени Эйно Лейно, художественный руководитель Поэтического фестиваля Анникки в Тампере. Ранее я писала о нем в своей «Антологии финской поэзии» (Издательство «Круг», Москва, 2010 год). Ихалайнен – неординарный человек, неутомимый путешественник, он объездил почти весь мир, совершил восхождение на Гималаи. Его поэтические выступления – оригинальные, яркие перформансы, Ихалайнен выступает с чтением стихов с музыкальным рок-сопровождением венгерского скульптора и музыканта Шандора Вали. Эти перформансы в Финляндии имеют большой успех. В 1980 году поэт основал свое издательство и назвал его «Палладиум кирьят» («Палладиум книги»). А незадолго до моего обращения к нему Ихалайнен выпустил превосходную антологию турецкой поэзии. Ему я и представила подготовленную на финском языке рукопись книги, которую открывало пребыли представлены избранные стихотворения с биографическими справками о поэтессах. В предисловии я вкратце изложила историю Азербайджана, историю развития нашей женской поэзии, положение азербайджанских женщин в разные времена, рассказала о темах и особенностях их проникновенной лирики.

Это предисловие, а также мои переводы наших первых поэтесс на русский язык, прежде никогда не переводившихся, напечатал «Литературный Азербайджан» (№2 за 2019 год), так что читатели могут с ними ознакомиться.

Надо сказать, что издатель воспринял рукопись с интересом и даже с благодарностью. Над книгой он работал тщательно, любовно, – об этом свидетельствует оформление книги. Он сам отбирал иллюстрации среди присланных мной, иные отыскивал сам, и книга получилась красивой, нарядной, я бы сказала, праздничной. Особенно хороша обложка, на которой изображена Мехсети Гянджеви. Она сразу же бросается в глаза, как яркая комета, которой и была эта поэтесса в нашей поэзии.

Несколько слов нужно сказать о составе книги.

После предисловия ее открывают стихотворения лучших поэтесс нескольких

веков, расположенные в хронологическом порядке. Следом представлены поэтессы советского периода – прекрасная лирика Нигяр Рафибейли и Мирварид Дильбази.

Затем я решила также представить иранскую азербайджанскую поэзию в лице Медины Гюльгюн. Ведь в предисловии я пишу о том, что большая часть Азербайджана после Туркменчайского договора отошла к Ирану, что, конечно, нужно было объяснить финским читателям, не осведомленным в нашей истории.

Азербайджанскую поэзию нашего времени достойно представляет Сона ханым Велиева — не только поэтесса, но и прозаик, доктор философии, издатель. Конечно, я понимаю, что современную поэзию можно было представить более широко, у нас немало достойных имен, но надеюсь, что это можно будет исправить в будущем, при переиздании антологии.

И, наконец, завершают сборник стихи русскоязычных поэтесс Азербайджана. Это всем известные Алина Талыбова, Елизавета Касумова, Динара Каракмазлы и самая молодая поэтесса Лейла ханым Алиева. Здесь представлены ее трогательные и пронзительные стихи о любви, стихотворения, затрагивающие темы экологии и посвященные художникам.

Я специально не сказала переводчику, академику искусств Ханну Мякеля, вместе с которым мы переводили ее стихи, что это дочка президента, чтобы проверить реакцию, я только сказала, что это стихи молодой поэтессы. И представьте, они настолько ему понравились, что, по его предложению, строка именно из них стала заглавием всей книги. Мне очень понравилось ее стихотворение «Я пойду, чуть-чуть поплачу...». Оно также привлекло внимание Ханну, и он потребовал так назвать всю книгу. В переводе на финский эта фраза приобрела печальный оттенок, звуча приблизительно так: «Я ухожу, только чуть-чуть поплачу».

Надо сказать, что работа над антологией была сложной, сначала, как уже упоминалось, я перевела стихи поэтесс на русский, что облегчало последующий перевод на финский язык. В работе мне приходилось часто заглядывать в словарь — у меня он, кстати, очень хороший. А в наиболее трудных случаях, когда попадались арабские слова, я обращалась за помощью к арабскому переводчику. Стихи Мехсети Гянджеви и Лейлы Алиевой на финский язык я перевела с помощью Ханну Мякеля. Все же остальные переводы сделаны мной самостоятельно. И плодом всего этого долгого труда и всяческих хлопот явилась эта прекрасная антология, презентация которой планируется в Хельсинки.

Я, кстати, оповестила в Финляндии всех своих знакомых о выходе этой книги, а также некоторые официальные организации, как, например, отдел Азербайджана в МИДе, где работает посол Арья Макконен. Отправила им изображение обложки антологии, которой они восхитились и спросили меня, где можно приобрести эту книгу...

Еще я хочу сказать о том, что эту работу я делала совершенно бескорыстно, она никем не оплачивалась. Мною двигала и двигает, кроме любви к поэзии, также и внутреннее моральное обязательство, которое у меня в крови, очевидно, от моих предков, которым я посвятила и свою недавно вышедшую в Москве мемуарную книгу о старом Баку.

104

ТЕМУР МАМЕДЗАДЕ

Волонтер

Фантастический рассказ

...– Всё! – сказал я, затем проснулся и сел, опустив ноги с кровати на холодный пол.

«Неужели всё так просто! – думал я, глядя на свои ноги – ... хотя, с другой стороны, всё гениальное – просто. Но почему я сказал «всё»? Может потому, что краткость – сестра таланта? Не знаю... ну, не мог же я крикнуть – «Эврика»!»

Во-первых, так уже кто-то кричал, а во-вторых, там целых шесть буков, а тут – всего три. Да знаю я, что правильно говорить – букв, грамотные... в школу ходили, но захотел и сказал: законов не нарушаю, приводов в милицию не имел, так что хозяин – барин, мой рассказ, как хочу, так и говорю, а кому не нравится, пусть не читает...

Я же этому Диогену, который лежал в ванне, наполненной водой до краев, претензий не предъявляю, что из-за него меня поперли из школы. Ну, не запомнил я, что он там написал, когда выскочил из своей ванны. Ну, написал и написал, а нам потом мучиться...

- Как вам не стыдно, молодой человек, это был Архимед, а не Диоген... говорит мне Макарон, а сам сидит весь красный, как рак, от злости и глаза выпучил изпод очков. Ему перед экзаменационной комиссией, видите ли, было неудобно за меня. Макарон это наш учитель по физике, ваще-то его зовут Валентин Михайлович, а Макарон это его кличка. Почему он был «Макарон», а не «Вермишель», к примеру, никто не знал, даже он сам, но все за глаза его так называли... даже учителя. Может, за его высокий рост? ...не знаю...
- А чё это мне должно быть стыдно? говорю я Макарону. Архимеду, значит, не стыдно было, что он голышом прыгал перед людьми и орал, как недорезаный, а мне, значит, должно быть стыдно? Да я, говорю, ваще не верю, что у греков ванны были, а если и были, может, он выпрыгнул из неё, потому что вода была холодная?

...короче, поперли меня из школы, ну, поперли и поперли, знали бы они, кого выгнали, щас, наверное, жалеют... да я не злопамятный. А то бы так и написал — всем учителям школы № 1 имени В.И.Ленина читать этот рассказ строго запрещается. Ну, да Бог с ними, пусть читают, а я расскажу, что было дальше. Итак, сижу я, значит, на кровати и смотрю на свои ноги. Ноги как ноги, 42 размер, на мизинцах мозоли, а на больших пальцах небольшие косточки. А так — обыкновенные ноги, ничего особенного, и чё я на них уставился? А-а, вот зачем! Я был босиком! И где моя красная обувь, которая в Древнем Риме называлась *кальцеи муллер*, и которую мог носить только император?

Я уже говорил вам, что сегодня я был императором Суллой Счастливым? Не говорил? Значит, не успел, Архимеда вспомнил и школьный экзамен, ну да ладно...

... а вы знали, что в Древнем Риме общественное расслоение было настолько велико, что, глянув на обувь, можно было сразу определить, кто стоит перед тобой?

Увидел *бракччо*, значит – философ, *кальцеи мутаре* – простой горожанин, ну, а если обувь из красной кожи, с черным ремнем и серебряной пряжкой, поднял взор и, даже не сомневайся, увидишь наглую рожу консула ...

...скажете, тоже мне, удивил, во сне и не такое увидишь, а в жизни и у депутатов рожи не краше, и будете неправы. Ведь как обычные люди спят? Многие вообще не видят снов, вообще-то они их видят, просто утром не могут вспомнить. Некоторые помнят обрывки снов, а иные помнят всё достаточно хорошо и могут рассказать подробно о своих сновидениях. Одним словом, все спят — и люди, и лошади, и прочая живность.

А пусть попробуют уснуть по заказу. Ну, например, лег какой-нибудь бухгалтер ночью в кровать и говорит себе — сегодня я буду фараоном Рамзесом II, вот поеду и одержу победу над ливийцами или задам жару шерданам. Короче, будет этот серый бухгалтер с окладом согласно штатному расписанию во сне заниматься тем, чем обычно занимаются фараоны наяву. Сможет?... только честно. Во-от... а я могу. Кем захочу, тем и буду. И знаете, что я обнаружил? Врут эти историки и всякие там профессора, которые пишут умные книжки по истории. Причем, врут нагло. И в самом деле, отчего бы и не соврать? Все равно никто не узнает. Как проверишь-то, если туда не попадешь.

...а тут написал книжку, лекции почитал... а там, если все правильно написал, глядишь, и квартиру новую дадут, машину импортную, а дальше дачи пойдут, любовницы... икра черная и все такое прочее...

Вы спрашиваете, как это «правильно написал»? А молча!

Вот вчера ещё, вроде, было монголо-татарское иго, замучился я, когда учился в школе, даты эти зубрить, и кто там кому фингал под глазом поставил — то ли Челубей Пересвету, то ли наоборот. А сегодня, вроде, уже и не совсем это иго. В 45-м надрали задницу Шикльгруберу... цветы бросали, чуть ли не под танки бросались от радости, а щас вроде и не освобождали вовсе эту Европу... а ведь это было не так уж давно...

Теперь представляете, что они насочиняли про древность!

Вот вы щас, наверное, подумали – отчет из палаты номер 6, очередной графоман, поток сознания, словесный понос и так далее...

...ха... был один такой прохвессор в дурке, куда меня однажды сажали в армии – ...молодой человек, это не страшно, мы вас подлечим, обычно бывают две личности, ну, максимум три, чтоб удобнее было распивать на троих, но у вас особый случай...

Знал бы он, с кем связался! Заказал я себе на ночь глядя проникнуть в сознание его жены. Я уже говорил вам, что еще я могу во сне по желанию проникать в сознание живых существ? Не говорил? Ну, это меня Архимед, будь он неладен, попутал, да ещё я Макарона, царство ему небесное, вспомнил. Почему я сказал: «живых существ»? Да потому, что я могу проникать в сознание не только людей.

Помню, влез я как-то в голову одному льву, днем я смотрел их шоу в цирке, а ночью думаю: дай гляну, как они, бедняги, живут. Ну, думают они не так, как мы, все больше картинками, но такого насмотрелся! Директор цирка точно бы пристрелил беднягу, если б догадывался, что этот сын саванны знает про его цирк... Но я отвлекся, такое со мной теперь часто случается... побочный эффект, так сказать, ничего не поделаешь, приходится терпеть.

Так вот, проник я ночью в голову профессорши... а затем в голову самого док-

тора и...

...в понедельник меня уже выписывали из психушки с вполне приличным диагнозом, чтоб можно было и от армии откосить, и на работу устроиться, если уж очень приспичит. Профессор долго тряс мою руку на проходной, подобострастно заглядывая в глаза, и бормотал:

- Не забывайте, молодой человек, вы дали мне слово!
- Да я уже забыл, доктор, говорю я ему, ну подумайте сами, зачем мне перегружать свою оперативную память интрижками вашей супруги, про вас я ваще молчу...

Короче, расстались мы с ним закадычными друзьями, да и деньги, которые он мне потом перечислил, когда я уже был дома, с короткой припиской «Покорнейше прошу Вас принять этот небольшой подарок в знак нашей дружбы» очень мне помогли. Что? ... я шантажист? ... и не думал... я виноват, что он... нет, не могу, обещал, что не расскажу, значит, не расскажу... такой вот я человек...

Лучше я расскажу вам, как я стал таким, каким я стал.

Я уже говорил вам, что меня поперли из школы? Говорил? Ну, тогда слушайте дальше. Это произошло со мной на летних каникулах... ну и что, что меня выгнали из школы, каникулы то никто не отменял! Итак, лежу я, значит, на пляже в Касансае (это небольшой городок в Узбекистане), природа там!... Швейцария рядом не стояла. Горная река, ледяная вода, прозрачная, как слеза, и... форель! Ах, какая вкусная была там форель, в жизни больше не пробовал такой вкусной форели, ни в Европе, ни в Америке, одним словом, нигде! Лежим мы, значит, с друзьями на пляже, загораем на солнышке после плотного обеда — только что поели форели, жаренной на чугунной сковородке...

... ну, какой пляж, песка никакого... лежим на утесе, на широкой тропинке, усыпанной крупной галькой, которая впивается нам в спину, и балдеем... много ли подросткам надо? Вид на окрестности отсюда — шикарный, можно и на солнышке позагорать, а надоест, спрятаться в тени скалы, которая чуть поодаль нависала козырьком над тропинкой.

Место это мы обнаружили сегодня утром, оно нам очень понравилось, и мы решили разбить здесь свой лагерь. Чуть выше нашего лагеря реку перегораживала плотина, с высоты которой река низвергалась вниз широким водопадом — радуга стоит в полнеба, в воздухе прохлада, потому что ветерок доносит до нас водную пыль, одним словом, рай земной, а не лагерь.

Итак, мы помыли посуду и, убрав ее в рюкзаки, решили немного отдохнуть. Друзья болтают по-таджикски, я просто лежу, прикрыв глаза, а там, далеко внизу, медленно течет река (здесь было её самое широкое и глубокое место, метров сто в ширину, а то и больше). Чуть ниже, после поворота, она уже начинала сужаться и неслась бурным потоком между северным — высоким, обрывистым берегом, сплошь покрытым зеленью, и пологим южным, вдоль которого пролегала проселочная дорога.

Касансай хоть и находится в Узбекистане, но живут там, в основном, таджики, а я жил тогда в Намангане, километрах в тридцати от Касансая, и приезжал туда на все лето. Я тогда свободно говорил по-узбекски и неплохо понимал таджикский. Короче, лежим мы на пляже, и вдруг раздается дикий крик.

– Вай, Худо!.. ба об гузаред... – визжит Ивриим, что в переводе на русский значит: – О, Боже!.. прыгайте в воду...

Если кричит Ивриим, значит, надо делать ноги, он зря орать не будет... оказалось, что прямо на нас ползла огромная гюрза, метра полтора было в этой гадине, а то и больше, башка здоровая, и сама такая толстая, упитанная, я таких огромных змеюк еще не видывал. Может, она и не думала на нас нападать, может, мы просто разлеглись на её ежедневном маршруте... не знаю... думать тогда особо времени не было, и мы сиганули со скалы в воду...

...уж больно высоко там было, поэтому пацаны прыгали солдатиком, то есть ногами вперед, а я, как дурак, полетел с обрыва ласточкой...

...видимо, не смог как следует сгруппироваться, когда входил в воду, а может, не успел выставить перед собой руки, в общем, въехал я своей башкой в воду неслабо...

...когда я ударился головой о водную гладь, мой мозг будто взорвался, и я потерял сознание. Но вскоре я вдруг ощутил, что лечу над рекой и наблюдаю за тем, как Ивриим и ребята без устали ныряют в воду — всплывут, глотнут воздуха и снова погружаются в воду... меня ищут, понял я, и тоже стал вглядываться в толщу воды...

...нашел меня все-таки Ивриим... красава... он был великолепным пловцом, отличным рыбаком и лучшим моим другом. Правда, найти мое тело в воде и вытащить его на берег он смог не сразу, это было намного ниже по течению реки, там, где она протекала рядом с дорогой.

Итак, лежу я на берегу реки у обочины дороги без чувств и не подаю признаков жизни. Тем временем на дороге показался наездник, который ехал верхом на рослом ишаке. Это был мужчина с аккуратной короткой бородкой, и его я хочу описать более подробно.

Но сначала я должен сказать пару слов про его ишака, потому что это был не просто ишак. Размером он был чуть меньше лошади, почти как кулан или, как их ещё называют, джигетай, весь белый, только кончики длинных ушей и кисточка хвоста были у него черного цвета. Нарядная уздечка, красная, вышитая мелким бисером и цветными стеклянными бусами попона, над крупным высоким лбом подрагивал от быстрой езды султан, сделанный из нежных черных перьев индейки, а завершало всё это великолепие украшенное затейливой резьбой деревянное седло.

Рослый всадник, который быстрой рысью приближался к нам, выглядел не менее колоритно: это был крепко сбитый мужчина лет сорока, одет он был в старый чапан — стеганый ватный халат классической полосатой расцветки, и был опоясан несколькими поясными платками — бельбок. ... почему на нем было несколько поясных платков? Да потому, что у каждого бельбока есть свое предназначение. Проголодался путник в дороге? Сел где-нибудь в тенечке под деревом, расстелил перед собой один бельбок, вот тебе и импровизированный дастархан — скатерть с едой. Время полуденного намаза? Раскатал другой бельбок, вот тебе и джейнамаз — молитвенный коврик. Умылся у ручья? Достал следующий бельбок — вот тебе и полотенце. Пошел на базар? Раскрутил базарный бельбок, загрузил покупки, связал концы платка, вот и готов хурджун. Связал два хурджуна, накинул их на спину ослу или лошади и езжай себе с миром. Почему я так подробно все это описываю? Да потому, что Восток — штука тонкая и сложная для непосвященного и восхитительная для тех, кто хоть немного там жил. И поверхностного взгляда туриста будет недостаточно, чтобы понять всю прелесть территории, именуемой Туркестан.

Всё, что ни делается на Востоке, делается с любовью, умом, рационально и очень практично. Взять хотя бы одежду всадника. Температура в тот день была выше

сорока градусов, а он был одет в чапан – толстый, подбитый ватой стеганый халат, на голове тюбетейка, обмотанная длинной чалмой, конец которой свисал у его правого уха, а на ногах у него были легкие сапожки из мягкой кожи – махси, которые иногда называют ичиги...

...а теперь объясню, почему он был так одет. Высокая тюбетейка и чалма не дают солнцу напекать путнику голову, толстый стеганый халат выполняет ту же функцию для тела, да ещё работает как термос. Разумеется, всадник поначалу сильно потеет под жгучими лучами солнца, халат впитывает влагу, а затем пот, испаряясь, начинает охлаждать разгоряченное тело наездника. Запах, конечно, еще тот, зато человек жив. Вот попробуйте прокатиться верхом под знойным солнцем в бейсболке, шортах и тонкой футболке... много не наездишь. А чапан проходил проверку временем не одну сотню лет. Например, войска Тамерлана в походе могли передвигаться под палящими лучами солнца весь день без видимых усилий и потерь личного состава. Одеты его воины были в почти такие же стеганые халаты, что был на всаднике. Что же касается махси, то они защищают ноги наездника от агрессивного пота лошади или осла, а также от тарантулов, каракуртов и прочих гадов ползучих, когда он спешивается в дороге.

Зачем я обо всем этом так долго и подробно говорю? Тому есть две причины. Первая – чтоб знали, что нельзя судить опрометчиво о традициях, обычаях и людях, когда ездишь по миру в качестве туриста.

Был у меня один знакомый, «любитель острых ощущений». Он как-то зимой проездом заглянул на денек к эскимосам, а потом рассказывал и смеялся в голос, что народ там мажется тюленьим жиром и живет в иглу — домах, сделанных из уплотненных ветром снежных и ледяных блоков.

Мажутся там жиром потому, что так теплее, а живут в иглу потому, что, кроме снега, там больше не из чего дома строить. Но он – дитя мегаполиса, этого не знал, а я не стал его просвещать.

О второй, и главной причине я расскажу позже, потому что сейчас мне следует вернуться к берегу реки, где продолжали стремительно развиваться события, пока я вам все это рассказывал, ...

...мужик этот, который ехал по дороге на своем осле, едва завидев мое бездыханное тело, мигом сообразил, в чем дело, и, соскочив на землю, бросился меня спасать.

Он перевернул мое тело лицом вниз, встал на одно колено, а затем – раз... и, оторвав меня от земли, положил животом на свое бедро и стал сильно давить на мою спину.

Как ему удалось это сделать? До сих пор не могу понять. Парень я здоровый, под метр восемьдесят, да и вешу за восемьдесят. Не один год железо качал во дворе: тогда все мы болели Шварценеггером. А этот мужик оторвал меня от земли одним рывком как пушинку... но я отвлекся...

Итак, меня там пытаются реанимировать, пацаны бегают в панике по дороге и орут — вай дод! (это крик о помощи)... осел, то ли от испуга, то ли ещё по какой причине, тоже начал орать... вы слышали, как ревёт осел? ... крик павлина — это лирикодраматическое сопрано Монсеррат Кабалье по сравнению с рёвом осла...

... Ивриим стоит истуканом чуть поодаль и, размазывая по смуглому лицу сопли и слезы, тихо молится за мою грешную душу, которая тем временем витает не так далеко от него и от моего бездыханного тела. Но наконец, к счастью для меня, усилия

моего спасителя увенчались успехом. Избавив мои легкие от воды, он вскоре добился того, что я начал дышать, но в сознание так и не пришел.

...что? ...разумеется, я хотел войти в свое тело, из которого я непонятным образом выскочил, когда долбанулся головой об воду... но не смог...

Это сейчас для меня пара пустяков покинуть свое тело, прогуляться, например, по Лас-Вегасу и вернуться обратно, но тогда я не знал, как это делается. Одного желания для этого недостаточно, иначе никто бы не умирал, все просто возвращались бы в свое тело и жили бы дальше... но я опять отвлекся...

Итак, они посадили мое тело на ишака моего спасителя. Не погрузили, как мешок с картошкой, а посадили в седло и, придерживая меня с двух сторон, чтобы я не свалился с осла, понеслись со всех ног в город, до которого было километра три – три с половиной.

Впереди, шустро перебирая ногами, бежал мужик, ведя своего ишака под уздцы, пацаны бежали рядом со мной, поддерживая меня с двух сторон, а я наблюдал за всем этим с высоты птичьего полета и с удивлением отмечал про себя, что мне очень нравится мое новое состояние...

...я парил, как орел, над дорогой и наслаждался своим полетом, не задумываясь о том, что будет со мной дальше.

Спустя полчаса меня доставили в местную клинику, но оттуда меня сразу же переправили в областную больницу в Наманган, где я и провалялся в коме десять дней...

...в то время в больницах не было такого навороченного оборудования, как сейчас, но ухаживали за мной хорошо.

...итак, мое тело положили на койку, а я парил под потолком палаты и наблюдал за тем, что происходило внизу. Потолки здесь были очень высокие, потому что больница была расположена в здании дореволюционной постройки. Сначала я очень старался влезть обратно в свое тело, пока врачи пытались привести меня в чувство, но у меня ничего не вышло... у врачей это тоже не особо получалось, поэтому они прекратили измываться над моим телом и, поставив мне капельницу, пошли по своим делам.

... и тут прямо сквозь стенку палаты проскользнули два каких-то сверкающих типа (они оба были огромными; один из них отливал золотом, а второй серебром). Подхватив под мышки, они легко тащили невысокого, упирающегося и орущего благим матом, черного, как уголь, призрака человека. Вся троица парила в воздухе, но не так высоко, как я, и когда они проплывали подо мной, я вдруг услышал.

– Давай и этого прихватим, чтоб два раза не возвращаться, – сказал золотистый своему напарнику, и они остановились. – Чё смотришь? – задрав голову, сказал он уже мне, – …а ну, живо спускайся вниз…

Я не знал, как мне стоит на все это реагировать, поэтому продолжал молча парить под потолком.

...а ты прекрати орать, — беззлобно сказал золотистый, обращаясь к черному призраку, — ...ревет, как белуга, спасу нет. Раньше надо было думать о своей душе. Ишь, какой черный, видать, немало напакостил в жизни, а сейчас орешь... поздно орать-то...

…тебя долго еще ждать? – сказал он снова, обращаясь ко мне, – …а ну, слазь, пока я добрый… не то худо будет…

Ну как он сказал? ...все, что он говорил, я слышал мысленно. Честно говоря,

мне очень хотелось дать деру, но дверь в палату была закрыта, а я тогда не знал, что могу спокойно проникать сквозь стены. Поэтому я, немного оправившись от шока, стал медленно опускаться вниз с потолка, пока не застыл перед этой непонятной троицей.

— Чё уставился, ангелов не видел? — спросил золотистый (видимо, он был старшим в группе, потому что его напарник молча наблюдал за происходящим, не забывая изредка отвешивать увесистый подзатыльник черному, когда тот начинал дергаться, пытаясь вырваться на свободу).

Тем временем в палату вошла молоденькая медсестра, негромко напевая под нос «Шизгару» – модную в то время песенку группы Shocking Blue... ля, ля, ля... – мурлыкала она и, пройдя сквозь нас, придвинула поближе к моей койке стойку с капельницей, а затем, удовлетворенно хмыкнув, вышла из помещения.

- Ну-ка, глянь в список... сказал золотистый своему напарнику.
- A чё там смотреть? ответил его напарник и зевнул. Не видишь, светлый он... не наш...
- Ты смотри, и впрямь светлый... удивился старший из ангелов. Как же я проглядел? Да и молод он больно, не успел ещё душу свою испохабить, вот и светлая она у него ... а наша клиентура грешники... развелось их в последнее время... ни тебе выходных, ни отгулов. Ладно, салага, отдыхай, пока есть время, а нам пора в офис возвращаться, сказал он, обращаясь уже ко мне, и вздохнул: Как мне все это надоело...
- А почему вы без крыльев? вдруг неожиданно для себя спросил я, удивляясь своей смелости.
- Чего? уставился на меня золотистый, я повторил свой вопрос. Да ты губами-то не шлепай, как щука на траве. Душа не может разговаривать, как люди. Эх ты, деревня! ...голосовых связок-то нет... ты мысленно говори. Вот, теперь совсем другое дело, удовлетворенно хмыкнул он, когда я повторил свой вопрос, как он посоветовал. Крылья, говоришь? ... а я что, похож на птеродактиля или на эйрбас? ... крылья ему подавай...
- Я смущенно стоял, не зная, что ему ответить, а он вдруг расплылся в широкой улыбке.
- Да ладно, ладно, не парься, пошутил я, есть у нас крылья. А ну, покажи ему, приказал он своему напарнику, понравился мне этот парень, смелый, любознательный... другие при виде нас орут... к мамочке просятся, а этот, вишь... интересуется!

Серебристый ангел молча развернулся ко мне спиной, и вдруг раз... распахнулись огромные мощные крылья, которые переливались всеми цветами радуги.

– Ну как, нравится? – спросил с усмешкой старший из ангелов и добавил. – Скажу тебе по-секрету, с практической точки зрения они нам не нужны. Но статус есть статус... вот чего ты дергаешься? – он повернулся к черному призраку, который в очередной раз сделал слабую попытку освободиться. – Думаешь, от нас сбежишь? Нет, голубчик, теперь уже бежать некуда, оформим тебя, как положено... а как же, все чин чином... протокол в трех экземплярах, подпись, печать и все такое прочее. Посидишь немного в чистилище... лет эдак... ну, пока не очистишь всю свою черноту. Кто тыщу лет сидит, а кто и больше. Пострадаешь, конечно, без этого никак нельзя, иначе не очистишься... что? ...и в котле поваришься, а как же.. спа-процедуры, за счет заведения. У нас с этим строго. Ну, а как очистишься, переведут тебя... не боись,

у нас мало кто сидит вечно. Куда, говоришь... хех... куда положено, туда и переведут... и хватит болтать; надоел ты мне уже своими расспросами. В регистратуре у нас тебе все объяснят, а я не справочное бюро...

Тем временем второй ангел сложил свои крылья за спиной и выразительно посмотрел на напарника.

– Ты прав, задержались мы тут, – ответил старший на его немой вопрос и добавил, обращаясь уже ко мне. – Ну, ты это... выздоравливай ... а нам пора. Может, и загляну я к тебе как-нибудь... уж больно ты мне понравился...

И вскоре эта загадочная троица покинула мою палату. Они исчезли, а я завис над своим телом и долго думал о том, что меня ждет в будущем и как мне жить дальше. Я уже знал, что не отражаюсь в зеркале, меня не видят окружающие — ни люди, ни собаки, ни прочая живность. В последующие дни я не раз пытался дать о себе знать врачам и медсестрам — пытался говорить. Да что там говорить, я кричал мысленно, как это советовал мне золотистый ангел, и кричал так громко, что меня должно было быть слышно в Касансае, но, увы...

И вот в конце девятого дня моего заточения... было ровно два часа ночи — час Быка, время суток, в которое люди чаще рождаются и умирают, а для меня это был день, когда я потерял всякую надежду на выздоровление. Я не мог вернуться в свое тело, чтобы жить дальше, и не мог умереть. Я просто висел под потолком и тупо глядел на свое тело, как вдруг раздался крик: —... Вай дод!... Вслед за этим в палату сквозь стенку проникли мои старые знакомые ангелы, которые на этот раз волокли душу здоровенного, пузатого, иссиня-черного мужика.

Скажу честно, я ужасно обрадовался, когда увидел своих старых знакомцев ангелов. Я жутко скучал по простому человеческому общению, ведь я столько времени не мог ни с кем поговорить, а это оказалось для меня большим испытанием. Тем временем пузатый мужик, извиваясь, как угорь, продолжал визжать: — ... Вай, Худо! ульдирияптиляр... милисия... прокурор!.. — что в переводе с узбекского означает: — О, Боже!... убивают...

Тут золотистый ангел остановился и, отпустив руку грешника, начал трястись в беззвучном смехе. Он долго смеялся, мотая крупной головой и похрюкивая от удовольствия... наконец, отдышавшись, он развернулся к грешнику, который к тому времени затих, потому что получил такую мощную затрещину от серебристого ангела, что даже у меня зазвенело в ушах.

– Милиция, говоришь?.. – спросил он у пузатого. – ...с прокурором встретиться желаете? Что ж, мы можем пойти вам навстречу, сударь... спа-процедуры я вам обещаю исключительно в обществе бывших сотрудников милиции и прокуратуры. Что такое спа-процедуры? Поначалу вам даже понравится... масло в котлах для VIP клиентов – оливковое, высшей пробы, и температура, как в финской сауне... правда, потом... как это ты не достоин такой чести? ...а ну, глянь в список, – сказал золотистый своему напарнику, – ...может, он правду говорит, а я ошибаюсь.

Серебристый напарник достал свободной рукой список из кармана своего одеяния и начал читать:

- имя Бурибаев Рахматулло. Род деятельности мясник. Партийность...
- ... дальше не надо, и так помню, прервал его золотистый и развернулся к пузатому грешнику. ...А говоришь, не достоин такой чести. Ещё как достоин! Имято какое красивое тебе дали родители при рождении: Рахматулло милость Аллаха, а ты чем занимался? ...гордыней страдал? ...страдал всю жизнь презирал и считал

за ничто других. Может, скажешь, что не завидовал? А кто из зависти к соседу незаметно подсыпал ему в плов анаши, когда сидели на свадьбе у башмачника Абдуллы? Я, что ли? Бедняга, возвращаясь со свадьбы домой, свалился со своего ишака в реку, когда проезжал по мосту, и утонул... троих сирот, между прочим, оставил.

...может, чревоугодием не занимался?... ты себя в зеркале-то хоть видел? ... ишь, какую ряху наел... короче, судя по документам, весь набор смертных грехов налицо, плюс отягчающее обстоятельство – убийство ближнего по неосторожности.

С анашой ты тогда переборщил... знаю, что ты просто хотел, чтоб сосед опозорился перед людьми. Наевшись твоего плова, он и впрямь стал обезьянничать на свадьбе, позоря свои седины, а оно, вишь, как потом вышло. Так что, дорогой ты мой товарищ, светит тебе наш курорт на полную катушку. Придется попотеть, и очень сильно ...а там видно будет.

Он немного помолчал, задумчиво глядя перед собой, а затем задрал голову вверх и улыбнулся:

А ты, как я погляжу, все ещё отдыхаешь...

...и тут меня прорвало... короче, расплакался я, как девчонка, а что вы хотели? Пацан все-таки, тогда только 15 лет исполнилось. Вот и реву в голос, ни сдохнуть не могу, ни жить по-человечески... тут кто хошь расплачется.

Золотистый развернулся к своему напарнику и сказал:

– Ладно, ты доставь этого мясника в офис, да не забудь отметиться на проходной... а я тут немного задержусь.

Как только серебристый ангел и мясник покинули палату, золотистый взлетел под потолок и очутился напротив меня.

– Ну, сынок... рассказывай, – сказал он, ласково глядя на меня.

Не буду рассказывать вам, о чем мы с ним проговорили почти всю ночь напролет, во-первых, обещал, а во-вторых, не имею права подводить друга.

К утру я знал, как покидать свое тело и вновь в него возвращаться, как проникать сквозь стены и сквозь толщу воды или под землю, как слетать на другие планеты и много чего ещё. Вот так вот я и стал тем, кем стал.

В 9 часов утра, на десятый день моего заточения, я вышел из комы. Вскоре меня выписали из больницы, а ещё через месяц я уехал из Узбекистана.

Мы переехали в Россию, ну, и я вместе с семьей.

Теперь настало время рассказать о второй причине, почему я так долго и подробно описывал своего спасителя и его верного осла... забыли, что я обещал? А я не забыл.

Дело в том, что если бы тот благородный незнакомец не спас мое бренное тело, моя душа не смогла бы вернуться в свое вместилище. Поэтому, описав в меру своих сил его деяние, я постарался хотя бы таким образом отблагодарить моего спасителя, которого я никогда не забуду...

Ивриим окончил школу и пошел служить в армию. Служил он в десантных войсках. Вернувшись из армии, он женился, но кончил плохо... к сожалению, он спился и умер под колесами автобуса. Иногда я вспоминаю его заплаканное лицо, и тогда мне становится грустно. Я выхожу из своего тела и мчусь в Касансай, покружусь немного над речкой, над тем местом, где меня вернули к жизни добрые люди, и мне становится немного легче...

...вы спрашиваете, почему я говорю иногда как нормальный человек, а иногда имена путаю, речь корявая? ... а вы попробуйте прыгнуть с того утеса в воду, как я...

- ...что? ... почему я сказал в начале рассказа всё? ...
- ...да потому что тогда, когда я уже был не Суллой Счастливым, но не стал ещё полностью собой, я решил, что расскажу всё о том, что со мной произошло....

...после того, как я вышел из комы, я стал работать волонтером на золотистого ангела... ну, не мог я ему отказать после всего, что он для меня сделал. Днем я живу, как обычный законопослушный гражданин, а по ночам или работаю на золотистого ангела, или живу жизнью очередной исторической личности. И еще... выгляжу я сейчас лет на двадцать моложе своих сверстников.

Спрашивал я у своего друга золотистого, в чем причина этого, он долго отмалчивался, а потом сказал.

- Это потому, что обычные люди стареют и когда спят, а ты нет. На вопрос, почему я не старею во время сна, он ласково улыбнулся мне и сказал. Это плата за твою работу, сынок...
- ...вы спрашиваете, что это за работа? ... трудная работа, скажу честно, такого здесь насмотрелся!.. я собираю информацию о грешниках для конторы моего шефа...
- ...знаете, как работники электросети считывают информацию со смартсчетчи-ков?.. подошел, приставил к счетчику штуковину, похожую на фен для волос, и... вжик... вся информация у него. Вот и я так же, подлетел ночью к очередному объекту по списку, который мне выдает мой шеф, настроился на волну спящего человека, и все, что он натворил за свою жизнь с самого рождения и до этого самого момента, уже отправлено в контору!..
- ...кстати, у вас бывало так: вот спишь себе спокойно и вдруг начинаешь бежать во сне, но никак не можешь убежать от чего-то?...бывало?...моя работа, или работа моих коллег... когда считывается информация с мозга, наблюдается такой побочный эффект.
- ...для чего это делается, и зачем мы дублируем работу вашего ангела-хранителя, которому по должности положено вести учет вашей деятельности и ваших грехов?
- ...а как же, вдруг он напутает, или составит липовый отчет, а человеку потом страдать целую вечность, вот и проверяют на всякий случай... у них там с этим строго...
- ...короче, мой вам совет... живите честно, господа... и спешите делать добро... пока есть время...

наталья воронина

Закат

Ещё один день пролетел без любви... Томительной негой закат догорает. Душа, как и небо, в горячей крови, А разум кипит и обидой пылает!

Опять не сказал Он единственных слов, Опять на свободу меня отпускает. Постылой хозяйкой безрадостных снов Опять одинокая ночь наступает.

Осеннее настроение

На безоблачном просторе Отвертелось, откружилось, Колесом за сине море Лето красное скатилось.

Было время – сердце пело, От желаний жарко было... Лето песней пролетело – Быстро осень наступила.

Зашумели, загудели, Оглушая пьяным визгом, Непогоды карусели, Штормов бешеные брызги.

От напора волн могучих Море горбится устало. Накрывают землю тучи, Как свинцовым одеялом.

Подвывая непогоде Всей тоскою бесконечной, Отзывается природе Одинокое сердечко.

Вместе с летом попрощаюсь Я с наивными мечтами. С ветром буйным побратаюсь И с осенними слезами.

От редакции: Ширин Манафов пишет статьи, рассказы, эссе, юморески, но по профессии он врач. В нашем журнале он уже не раз выступал. Нынешняя его работа, основанная на анализе газетных публикаций, бесед с врачами, с представителями правоохранительных органов и посвященная домашнему насилию, — чисто журналистское исследование. Тем не менее, мы, хотя и с сокращениями, решили ее опубликовать, внести свою лепту в решение этой, действительно насущной проблемы.

ШИРИН МАНАФОВ

Домашнее насилие: позиция врачей и юристов

Информация о преступлениях взята из публикаций в бакинской прессе в 2018-19-х годах (фамилии участников изменены), а также из дневниковых записей врачей скорой помощи и психиатрических диспансеров Баку.

Сразу оговорим, что все случаи бытового насилия, приведенные в материале, имеют не спонтанный, а продуманный характер.

Информация из газеты: «В конце февраля нынешнего года приехавший на вызов в поселок Беюкшор врач шестой подстанции скорой помощи Шакир Таривердиев был избит хозяином дома. Причина – опоздание. Потерпевший обратился в полицию».

Из дневника врача «скорой» Солмаз Годжаевой: «Приехали на вызов. Родные набросились на меня и фельдшера: «Почему так поздно. Мы боимся этого психа». Оказалось, бояться надо его близких. Ударили фельдшера, две женщины набросились на меня. Больной разнимал нас и кричал: Доктор, простите. Ой, как стыдно». Через полчаса, садясь в машину, я сказала больному: «Ты самый здоровый в вашей семье».

С того дня я веду дневник.

Вызов. В комнате клетка. В ней мечется существо, рост 1 метр, лицо перекошено злобой. Дикие вопли. Родители дают мне ампулу. Я иду к выходу. Они:«...будем жаловаться!» Отказ. Были случаи, когда чужими руками родители убивали больных детей.

Вызов. Молодая женщина избита мужем. Просит не сообщать никуда. Оформить как падение давления, резкие боли в суставах. Тогда зачем вызывали? Ответ мужа: «Чтобы вы посмотрели, целы ли ребра». Он ценит только здоровый товар.

Если я не буду писать о виденном, я сойду с ума. Это невозможно забыть, отстранить от себя. Это происходит постоянно. Все больше вызовов в связи с бытовым насилием. Если своими именами — насилием над женщинами».

В Гяндже спор о методах воспитания завершился тем, что родительница школьника вцепилась в волосы учительницы прямо в школе. Разняли после того, как взбешенную мамашу выволокли из учительской, с учительницей случился истерический припадок.

Богач – бедняк

Ханлар Бабаев одолжил небогатому знакомцу 2000 манатов. Случайно увидев его в парке прогуливающимся с дочерью его тети, подошел, ударил двоюродную сестру, потребовал, чтобы парень срочно вернул деньги. Тот заявил, что денег пока нет, но он вернет в срок. Ханлар бьет его ножом и убивает на глазах у девушки. Ханлар женат, никаких чувств к двоюродной сестре, она моложе него. Мотив — нельзя встречаться с нищим, а бедный должен знать свое место и не сметь встречаться с девушкой из состоятельной семьи. Убил из чувства брезгливости к попрошайке.

За отказ выйти замуж – смерть

Это стало типичным: стоит девушке сказать «нет», и парень наносит удар ножом. В феврале и марте 2019 года сразу два таких случая. Некто А.Расулов посылает сватов к девушке, получает согласие, они встречаются, через месяц девушка отказала. Парень подкараулил ее и ударил ножом, девушка погибает от кровотечения.

В селе Сураханы парень получает согласие, но затем мать девушки запрещает им встречаться, парень убивает девушку и ее мать.

Не всем мужчинам подходят игры в суд чести. В Шамкире муж набросился на жену. Ему на помощь пришла сестра. Женщины сцепились. Муж схватил нож и в пылу драки попал в свою сестру, затем его жена выхватила нож и ударила мужа. Муж и его сестра доставлены в больницу. Жена довольна результатом драки. Подает в суд и выигрывает, так как были свидетели. Это редчайший случай, когда физически слабый мужчина, пытаясь играть в «суд чести», чтобы наказать неверную жену, стал посмешищем для села.

Типичный случай: муж убил ушедшую от него жену и тещу. Остались двое детей-подростков. Для них случившееся – трагедия. Понимая это, тем не менее, их отец идет на преступление; в результате пострадали и его дети.

Подобное происходит настолько часто, что требует ведения статистики пострадавших детей жертв. Поможет ли ужесточение наказания убийцам в случае, если у жертвы остаются дети? – вопрос настолько же актуален, насколько не исследован ни юристами, ни другими специалистами.

Это требует изучения, анализа. Мы имеем дело с глубокой патологией, ранее потаенной, сейчас все более часто себя проявляющей.

Настолько участились подобные случаи, что требуется какая-то иная форма помощи. На такие вызовы должна ездить бригада – гибрид «скорой» и полиции. Обычно вызывают или врачей, или полицию.

Моя женщина - моя вещь

Богатый бакинец, 56 лет, нанимает квартиру молодой любовнице, оплачивает ее счета. Женщина счастлива, он вывез ее из района в столицу. Через год мужчина убивает содержанку, звонит в полицию и сдается. Заявляет: «Я сделал правильно. Потому что она – моя вещь».

За две недели до смерти она: «У тебя есть семья, а я хочу замуж. Я встретила человека». Ответ: «Ты моя, я все оплатил, ты принадлежишь мне». Как только «вещь» возразила, он ее побил. На какое-то время успокоился.

Но когда узнал, что «вещь» принимает в его квартире другого мужчину, то выследил их, зашел в квартиру, вежливо, без ругани выпроводил любовника и без объяснений нанес ножом любовнице удар в сердце. Не хотел, чтобы мучилась. «Вещь» ликвидирована. Она должна знать свое место. Не поняла — смерть. Не наказание — цель, а уничтожение «веши» — логика богача.

Случаев таких сотни. В основе преступления: это моя вещь, как только перестает подчиняться – должна быть уничтожена.

У этих убийц удивление: «Неужели не понимаете? Это же так просто. Она согласилась с тем, что я отношусь к ней, как к «вещи». Если согласилась, то не имеешь право требовать другой жизни, другого отношения к себе».

2018 год. Шамкир. Муж пришел мириться, жена стала спорить, ставить условия; столкнувшись с сопротивлением, он схватил нож и нанес смертельный удар жене, матери его троих детей (дошкольного возраста), затем ранил тетю жены.

Случай со студенткой Фаридой Саидовой.

Фарида легко сдала вступительные экзамены и поступила в бакинский вуз. Девушка с характером и высоким уровнем самооценки. Из села приезжает ее двоюродный брат Маис и просит вернуться в село и сыграть с ним свадьбу. Затем, мол, она вернется учиться. Девушка отказывается. Маис через два месяца вновь приезжает с матерью Фариды. Та говорит, что отцу плохо. Девушка садится в машину брата. Заезжают в какоето село. Брат сообщает, что испортилась машина. Но в этом селе живет его приятель, у него переночуют. Поднимаются в дом. Мать под каким-то предлогом спускается во двор и, как потом выяснилось, садится в другую машину и уезжает. В доме никакого приятеля не оказалось, и девушка поняла: похищение. Брат продержал ее в этом доме два месяца, принудил к сожительству, она убежала и вернулась в Баку. Живет у подруги, на съемной квартире. Она беременна. Маис ее какое-то время искал, затем заявил, что ему не нужна такая жена. Девушка родила, продолжила учебу. Сама содержала ребенка. Все, вроде бы, забылось. Но у Фариды был 17-летний брат. Тот считал своим долгом найти и наказать сестру. Приехал в Баку. Его сестра снимала квартиру у пожилой женщины. Мальчик с ножом проник через окно, хозяйка схватила швабру и пыталась отбиться от парня с ножом. Первый удар ножом получила хозяйка. Парень метнулся к своей сестре и перерезал ей горло. Затем ударил ножом подругу сестры, они вместе снимали квартиру. Скорая прибыла быстро, но спасти удалось только хозяйку квартиры и подругу Фариды. Сама она умерла еще до приезда врачей в результате обильного кровотечения. Остался годовалый ребенок. Самое поразительное, что никто 17-летнего парня не призывал совершить подобное. Отец ребенка отказался от женщины, сбежавшей от него. Что заставило 17-летнего парня, без объяснений, зная о родившемся ребенке, перерезать горло своей горячо любимой сестре? Прекрасно зная, что девушка не виновата и если кого-то наказывать, то свою мать и двоюродного брата, изнасиловавшего его сестру.

Слова «бытовое насилие» воспринимаются как пустяк: ссоры, скандалы, легкие потасовки, выпускание паров. Все не так. 17-летний парень, убивая сестру, «выполнял долг». Перед кем и чем?

Каждое ведомство пытается решать эту проблему своими методами, а число убитых женшин растет из года в год.

То есть все больше людей, которые считают, что имеют право выносить приговор и наказывать. Убийство воспринимают не как преступление, а как наказание. Отсюда феномен – убийцы не считают себя виновными. Они «совершили наказание». А когда дети вырастут, им объяснят, что их мать была недостойной женщиной, их отец или брат жертвы поступил правильно. С этим лежат на нарах сотни мерзавцев. Дети убитых матерей часто воспитываются таким образом, чтобы они поняли и простили убийцу их матери.

Никогда прежде такого не было: рост числа убийств матерей. Вот что требует срочной реакции. Каждый случай убийства, избиения матери должен стать предметом публичного осуждения. Но чаще выносится приговор, убийца садится в тюрьму, краткая информация в прессе — и все.

Позиция психиатров: наблюдаем рост агрессивности в обществе, надо принимать меры. Но не все можно объяснить ростом психических отклонений. Часто убийцы матерей психически совершенно здоровые люди. Совершают преступление не в состоянии аффекта.

Общество больно, если считает, что игнорирование проблемы ее решит. Проблема социальная: имитация истерии, стресса, гипервозбуждения, чтобы нанести побои, задушить и быть оправданным близкими.

Много появилось тех, кто искусственно доводит себя до состояния аффекта, так как иначе решить проблемы они не в состоянии. Аффект позволяет прессинговать близких, подавлять их. Сопротивление его воле все большее число мужчин приводит к трагедии. Всегда затем убийцы сообщают о «спровоцированном жертвой» состоянии безумия, бешенства. Хотя анализ показывает — чаще это имитация невменяемости.

Мнение психиатра

Растет число больных, не желающих лечиться. Для них признание их психически нездоровыми – способ решать конфликты в свою пользу. Конфликты любые – в коллективе и в семье. Цель – статус, влияние, управление, деньги. Словом, болезнь – это власть в среде, где боятся больных и позволяют им манипулировать семьей. Другого способа настоять на своем больные не видят. Семья живет под угрозой приступа. Больные все время угрожают перерезать себе вены, облить кого-то кислотой, ударить ножом, повеситься. Это эффективная тактика, семьи истероидов живут под страхом очередной выходки больного. Болезнь удобна, выгодна, можно управлять людьми многие годы. Очень часто так и происходит, порой – в течение десятилетий, что дает возможность истеричкам и психопатам чувствовать себя комфортно. Порой они так страстно упиваются властью, что готовы на убийство тех, кто осмелится бросить вызов их «болезни». Тогда появляется нож.

Нож имеет четкий посыл: Запрещаю своеволие. Часто нож — отчаяние. Человек вжился в роль: он влюблен и в него влюблены, или он — глава семейства, глава компании, авторитет. Да так вжился в роль, что готов взорвать мир, если кто-то эти иллюзии разрушит. Разоблачение иллюзий вызывает ярость, и появляется нож. Человек только еще строит планы, но верит, что они уже осуществлены. Все, кто скажет ему, что он живет в мире иллюзий, часто рискуют жизнью. Человек купил квартиру в строящемся здании. Узнав, что дом не строится, идет и убивает бухгалтера за отказ вернуть деньги. Но виноват не убитый, а убежавший с деньгами дольщиков владелец строительной компании. Бессилие и отчаяние из-за разрушенной сказки — и умирает невиновный человек. Страстное ожидание чуда — она меня любит, сейчас мне дадут миллион долларов, богатую невесту, богатого жениха, автомобиль.... Парень идет грабить, и когда вместо миллиона находит тысячу, в ярости избивает пенсионера — почему так мало денег.

Нельзя сказать, что 90% случаев бытового насилия совершают психопаты. 90% людей не знают, как они поведут себя в экстремальных условиях. Они не знают себя.

Пример – парень убил друга и подругу. 17 ножевых ранений. Мать: «Он такой славный, скромный, бабушек переводит через улицы». Все так, но он – орудие «долга», ему внушенного. И сделал несчастными три семьи. Не чувствует своей вины. Удивлен, что посадили. Через 10 лет выходит со злобой на страну. Ему сказали: убей, и село очистится от скверны. Твой друг не имел права разговаривать с твоей невестой, она – ему улыбаться. Село дает добро, а страна сажает в тюрьму. Неправильная страна.

К врачу приводят девушку. Через три дня свадьба, дай лекарство. У нее эпилепсия. Надо, чтобы минимум 12 часов продержалась, чтобы не было приступа. Врач дает лекарство и получает деньги. Через 4 дня к нему врываются братья той девушки. Ее вернули. Почти сразу после свадьбы в доме мужа у нее случился приступ. Сторона жениха набросилась на отца девушки. Тот давай кричать на жену: твоя идея — спихнуть больную. Ударил жену. Сторона жениха размахивает ножами, и только получив деньги от отца невесты-эпилептички, покидает дом. Затем отец девушки собрал своих, и трое мужчин с ножами идут в поликлинику. Врач должен вернуть деньги. Врач убегает, заявив, что виноваты родители невесты, они должны были давать лекарство каждые три часа. Оказалось, что он просто дал снотворное. Нет лекарства, способного скрыть эпилепсию. Когда врача приперли, ответил: «Сторона невесты хотела кинуть жениха, я — сторону невесты. Что здесь такого?»

Очень много людей наживаются на деградации образования. Чем больше безграмотных, агрессивных и отсталых, тем больше клиентов. Очень многие врачи воспринимали тему бытового насилия пустячной, пока кто-то из их близких друзей-коллег не стал жертвой и был избит за опоздание на вызов.

Острая проблема – статья в уголовном кодексе «Склонение к суициду». Суицид рас-

тет. Особенно среди молодежи и подростков в провинции. Типичный случай – студентка Р.Керимова повесилась. Подруги следователю сообщили, что встречалась с парнем В.Аскеровым, недавно они расстались. Парня затаскали по кабинетам: ты виноват, ударил, обидел, оскорбил, переспал.... Студент: «Я ее разлюбил. Не имею права?» Следователь: «Имеешь. Но ты ее довел. Вот показания подруг, соседок, матери. Сядешь на пять лет».

Статистика скорой помощи за прошлый год отмечает рост числа вызовов и ни слова о качестве медобслуживания численно растущего Баку. Отчет не отражает тревогу терапевтов, социологов, психиатров по поводу роста неврозов, вообще психических заболеваний и роста суицида. Пришла пора изучить причину роста этих заболеваний и, как следствие, роста числа вызовов «скорой». Врачи открыто в прессе делятся тревогой и предлагают меры по исправлению ситуации.

Президент ассоциации психиатров, профессор Надир Исмайлов: «На почти 10 миллионов населения всего около 300 психиатров. Их должно быть в десятки раз больше. В последние годы увеличилось число больных с депрессивными расстройствами, где-то 10% от общего числа, и у 0,6% населения — шизофрения».

В стране в целях экономии закрылись психиатрические диспансеры, что тут же отразилось на росте нагрузки на «скорую». 10 врачей-психиатров бакинской «скорой» не в состоянии справиться с таким ростом числа больных. Профессор настаивает на увеличении числа психиатров, а в это время со «скорой» в конце прошлого года уволили сразу двух опытных врачей-психиатров. Но и молодые врачи заменяют старые кадры чаще ненадолго. Слишком большая нагрузка, и без опытных врачей многократно возрастает опасность для всех сотрудников психиатрических бригад.

В 2015 году в стране отмечено 530 случаев бытового насилия, в 2016 уже почти вдвое больше — 897. Травмы и увечья получили 791 женщина и даже 4 несовершеннолетних, убито 29 женщин. Рост числа жертв отмечен и в прошлом году.

Скрывать остроту проблемы далее нельзя. Рост агрессивности, невротизация населения настолько высоки, что убежища для жертв насильников открыли в прошлом году в Баку, Ленкорани, Хачмазе, Гейчае. Участились случаи нападений на медиков, в первую очередь, работников «скорой». Главная причина — опоздание.

В сентябре 2017 года председатель парламентской комиссии по здравоохранению Муса Гулиев в связи с участившимися случаями нападений на медиков выступил на осенней сессии парламента с инициативой приравнять статус медработников к статусу сотрудников полиции. Чаще всего врачи и медсестры скорой помощи, – подчеркнул депутат, – подвергаются оскорблениям, побоям, часто с нанесением тяжелых травм. Предложил внести изменения в статьи Кодекса об административных нарушениях, повысив наказание за оскорбление, избиение и препятствование исполнению служебных обязанностей медработников. Статистика подтверждает своевременность инициативы депутата.

Через месяц после выступления в парламенте — очередное подтверждение актуальности инициативы депутата: врач центра им. М.Топчибашева Заур Алиев подвергся нападению со стороны родственника больного. Пострадавший врач прошел судмедэкспертизу. Возбуждено уголовное дело.

Одна из главных причин бытового насилия – экономическая. Неспособность вернуть кредиты, банкротства, – все это провоцирует разные формы бытового насилия. В этих условиях общество должно укреплять систему защиты от агрессии невротиков.

Врачи о своей работе

Все психиатрические бригады находятся на подстанции №9. В каждой смене всего 1-2 бригады, а зона обслуживания — гигантская: весь Баку до поселка Аляты в одном направлении и до Сумгайыта в другом.

По словам врача-психиатра с 40-летним стажем Солмаз Годжаевой, порой так много вызовов, что были случаи опоздания до шести часов. Бригад мало, вызовов много. Один вызов требует от 3 до 5 часов времени.

Причины 90% всех вызовов психиатров «скорой» – вспышки агрессии, заканчивающиеся бытовым насилием. Частые причины вызовов – алкогольное возбуждение, шизофрения в стадии обострения, острые и посттравматические психозы как реакция на всякого рода стрессы, попытки суицида.

Профессор Н.Исмайлов требует увеличение числа психиатров, что необходимо в первую очередь для работы на «скорой». 10 психиатрических бригад на почти 4-хмиллионное население Баку и Абшерона — слишком мало. Есть и другая причина, не позволяющая улучшить ситуацию. На вызовы должны выезжать врач-психиатр, два санитара и один фельдшер. Это должны быть опытные и физически сильные люди. Но хронически не хватает врачей, санитаров и фельдшеров, особенно со стажем работы именно в психиатрии. Работа трудная, часто опасная, и хоть зарплаты здесь выше, чем у других работников «скорой», но все равно желающих здесь работать мало. С неподготовленными санитарами лучше на вызовы не ездить. Работа сотрудников психиатрических бригад так опасна, случается так много конфликтов, что высока текучесть кадров. Когда Солмаз Годжаева предложила ряд улучшений и изменений в работе психиатров «скорой», ее просто уволили. Следом уволили и еще одного врача с многолетним стажем — Садая Залыева.

Предложение С.Годжаевой рационально: создать при подстанции №9, где дислоцируются все психиатрические бригады, службу «Горячая линия». Такая линия есть для детей, и она доказала свою эффективность, такая же нужна и для взрослых. Очень много конфликтов и много вызовов можно снять беседой сотрудников «Горячей линии» с душевнобольными, с их близкими. Предложение дельное, но вместо обращения с этим предложением в Минздрав, опытного врача уволили. Увольнение опытных психиатров — большая потеря, так как каждый из них, со стажем работы на «скорой» 10 и более лет, очень ценен для города. Он знает контингент больных и успешно решает множество проблем, которые не могут решить новобранцы. Военный термин более чем уместен, поскольку на вызовах бывают ситуации поострее, чем при аресте бандитов. По крайней мере полицейские вооружены, а здесь приходится зафиксировать иногда вооруженного ножом или топором невменяемого больного силами двух безоружных санитаров.

Опытный врач может и должен обучить минимум 15 сотрудников-новичков: пять врачей и 10 фельдшеров. Ведь неподготовленные бегут с работы после первого же контакта с разбушевавшимися больными. Порой из самых безобидных ситуаций возникает трагедия. На вызове больной просит воды. Санитар-новичок дает ему стакан с водой. Больной пьет воду и затем стеклянным стаканом наносит удар по голове санитара. Опыт врача защитит его коллег, он предупредит санитара — давать больным можно только пластмассовую посуду. Больной знает: ему ничего не будет, и пользуется этим. Не удалось на близких, вымещает агрессию на врачах.

В ряде стран систематическое проявления бытового насилия — основание для длительного принудительного лечения. У нас же этого нет. Проблема требует кардинального улучшения всей службы наблюдения и лечения психически неполноценных больных. Слишком велики потери на этой невидимой войне, чтобы не предпринять срочных мер по укреплению контроля за проявлениями повышенной агрессивности. Сотни искалеченных судеб женщин и детей в результате агрессии невменяемых личностей требуют скорейшего реагирования соответствующих структур.

Врач Садай Залыев, в прошлом главврач психиатрической больницы в Аскеране, обладающий громадным опытом, тоже был уволен. Если бы этим двум опытным врачам дали время перед выходом на пенсию подготовить себе достойную замену, то это было бы лучшей тактикой.

Второе предложение Солмаз Годжаевой также продиктовано опытом сорока лет работы на «скорой»: создать комиссию по изучению фактов оскорбления, насилия над врачами во время вызовов. Сообщения о нападениях на медиков в СМИ отмечают остроту ситуации, что подтверждается обсуждением проблемы в парламенте. Для предоставления депутатам необходимой информации необходимо изучение статистики по Баку и регионам. В первую очередь это касается сотрудников «скорой». К сожалению, такая статистика не ведется, значит, и социально опасное явление не исследуется. Предложение С.Годжаевой тоже не стало предметом обсуждения, хотя проблема слишком остра: каждый случай оскорбления и тем более избиения медработников вызывает ужас у всех медиков города. Если врачей в больницах избивают после операций, то врачам «скорой» часто даже не позволяют подойти к больным и оказать медпомощь.

Солмаз Годжаева: «В 2017 году в Баку родственники психически больного из-за опоздания «скорой» набросились на шофера и избили его, а затем избили врача-женщину так, что она попала в больницу. Если машина «скорой» попала в пробку и опоздала, в чем вина шофера, тем более, врача? Кто опаснее — больной неврастенией или психопатичные его родственники? Преступники должны быть наказаны и штрафом, и реальным тюремным сроком. Неудивительно, что после таких случаев молодые врачи убегают из медицины, покидают страну».

Ряд врачей справедливо отмечает: тюремный срок за нападение на врачей не решит проблему. Прежде чем издавать закон о тюремном наказании, надо рассмотреть предложения психиатров-практиков: не скрывать болезнь, а изучить ее как социальное явление. Надо собрать и правильно интерпретировать статистику и характер нападений.

С. Годжаева: «40 лет моей практики подтверждает, что бытовое насилие и агрессивность по отношению к медикам должны исследоваться как две стороны единого процесса. Безнаказанность стимулирует рост агрессивности. Психиатры готовы предоставить депутатам Милли Меджлиса информацию о вопиющих случаях всех форм насилия. Страшно становится не от изощренного насилия, а от замалчивания проблемы. Безнаказанность ведет к повторному проявлению жестокости».

Если не реагировать жестко, то невротики и психопаты воспринимают это как бессилие и становятся истязателями своих близких, в первую очередь, женщин и детей.

Обучение одного врача и доведение его до высокого профессионального уровня требует минимум 10 лет подготовки (обучение в Медицинской академии и курсы повышения квалификации) и обходится стране минимум в 30 тысяч долларов. Каждый случай насилия над медиками провоцирует бегство специалистов из профессии, миграцию. Врачи со стажем работы 10 и более лет – поистине золотой фонд нации в любой стране. Терять этот золотой фонд из-за безнаказанности истероидов – непозволительная роскошь.

Позиция юристов

Доктор юридических наук, профессор, преподаватель кафедры права и международных отношений в университете АДА Кямран Бехбутов: «С 2005 по 2010 годы отмечался рост насилия. С 2010 по 14 годы — стабилизация, затем вновь подъем. Рост на 3-6% в год».

С 1988 по настоящее время на 73% отмечается ухудшение психологического состояния у переселенцев, беженцев, уроженцев Гарабаха. Огромный прессинг на все общество, резкое повышение невротичности в обществе в целом. Рост случаев суицида, особенно среди молодежи.

С позиции юриспруденции рост насилия имеет причиной самоустранение государства и общества от воспитания молодежи. Это имеет катастрофические последствия для юношества: в столице и в провинции, для богатых и бедных.

Общество не нацеливает каждого молодого человека на создание персонального сценария развития. Отмечается полная дезориентация, что характерно для «потерянного» поколения. Специалисты испытывают острый дефицит исследований юристов, социологов, медиков, культурологов по данной проблеме. Робко и слабо отражается тема в литературе и искусстве. Отношение скорее поверхностное, снисходительное, тогда как надо бить тревогу, поскольку речь идет о явлении массовом, с крайне негативными социально-общественными последствиями.

Если больной живет болезнью, переполнен ею, то преступник переполнен задачей, она им управляет и делает убийцей. Психиатры бессильны, так как в большинстве своем это психически здоровые люди. Много молодых людей, с поразительной легкостью губящих судьбы близких и свои собственные, превращают проблему в обыденность, в норму, которую все меньше замечают. В этом и опасность. Психиатрия в одиночку с этой проблемой у нас, как и в любой другой стране, не справится.

Общая убежденность врачей и следователей – идет война мракобесия со светским обществом. Это все более заметно даже в многомиллионном Баку.

Ситуация на Кавказе

В нашей стране необходимо провести исследование по «судам чести». Эксперт по гендерным проблемам Саида Сиражудинова в прошлом году опубликовала доклад по этой проблеме на Северном Кавказе. Картина схожая. Вывод доклада — восточное общество еще более закрылось, чем в дореволюционный период. Насилие над женщиной выявляет эту проблему, нож — разоблачитель. В этом — одна из причин гигантской миграции молодежи из провинции в Баку или за границу. Идет процесс опустынивания сельской местности. Бегство от диктатуры традиций приняло массовый характер. Общее мнение у прочитавших доклад по ситуации на Северном Кавказе — это патологическая программа, и она все более активно внедряется в кавказский миропорядок, в общество.

Главная тема доклада по ситуации на Северном Кавказе — «убийства чести», то есть расправа родственников над женщинами и девушками, обвиненными в «аморальном поведении». Позор семьи и позор села смываются кровью. Самое главное требование — смыть позор села. Если семья не смоет позор, то село выдавливает семью из родных мест. Автор доклада отмечает разную мотивацию преступлений, но чаще их две: обычаи, шариат и — представления мужчин о семейной чести, их долг — «смыть позор». Для всех важно общественное мнение. В большинстве случаев явно или неявно к преступлению подталкивало окружение. Но есть и меркантильный интерес, который прикрывается «судом чести».

В некоторых регионах, в частности, в Чечне, автор сталкивалась с такой мотивацией: самосохранение народа. Считается, что если женщины «испортятся», то весь народ исчезнет. То есть мотив — в назидание другим, иными словами — управление общиной страхом.

Автор отмечает особенно опасный тренд во всех обследованных регионах – упрощенное представление об исламе, попытка религией оправдать жестокость наказания, убийство женщин. Типичным и крайне опасным явлением стала манипуляция религией.

«Ислам на Северном Кавказе не монолит, — отмечает автор, — существует много течений: деление на традиционалистов и салафитов, есть разные тарикаты, школы суфизма. Мнения в этих течениях по проблеме чести очень разнятся. Ислам и обычаи, которые существовали на дореволюционном Кавказе, подразумевали больше ограничений. А сейчас произошла трансформация традиций, и возросло число обращений к такой вот радикальной форме «защиты чести», как убийство. В старину были другие варианты: заставляли жениться, изгоняли из села, наказывали обе стороны».

Автор отмечает, что, например, дагестанские имамы более негативно относятся к убийствам женщин. Они считают, что это самосуд, что люди самовольно берут на себя функции шариатского суда. Их требование: для назначения наказания за «аморальное», неподобающее поведение должен быть назначен кадий. Должны проходить заседания по определенным правилам, с опросом свидетелей, и выноситься официальное решение.

«Такие имамы считают, что как раз те, кто расправляется с женщинами, должны быть наказаны и по шариату, и после – государственным судом. Они считают убийц женщин более виновными перед исламом и нравственностью, чем их жертвы». Салафиты, наоборот, придерживаются более жесткого отношения к «провинившимся» женщинам.

В ходе сбора материалов автор узнала о ряде случаев, когда имамы смогли остановить «убийства чести». Узнав о готовящемся наказании, имамы останавливали готовящееся преступление, проводили беседы с обеими сторонами. Так было пресечено готовящееся убийство мужем жены, братом сестры. «Есть имамы, – отмечается в докладе, – которые осуждают официальное Духовное управление мусульман Дагестана за то, что они эту тему не поднимают».

Как уничтожить культ ножа?

Сегодня врачи и юристы поражены зашкаливающим уровнем агрессии, ее наступательностью, демонстративностью, ее наглостью.

Изучение этой огромной силы культа ножа должно вестись постоянно, системно, должен быть создан комплексный научно-практический проект. Необходимо изучать не только мотивы преступников, но и общество, закрывающее глаза на это системное явление, неспособное дать молодежи рекомендации, как вырваться из рабства ножа, подчинения неписаным законам, как вырваться из системы подавления личности, жертвы и убийцы, из мира обреченности. Как работать с теми, кого психиатры признают истероидами, а они себя воспринимают как вершителей праведного суда.

Женщины сопротивляются вернувшейся эпохе ножа. Жертвы хотят разговаривать и обсуждать свою позицию, а мужчина молча бьет ножом. Его цель — не вернуть женщину на путь истинный, а наказать. Показать обществу — зло наказано. Много детей остается без родителей. Если убитых женщин в среднем в год — 40 человек, то сирот — несколько десятков. Статистика сирот — жертв бытового насилия — просто пугает.

А ведь это тот показатель, который говорит обществу о нарастании проблемы. О необходимости сотрудничества ведомств и министерств с Комитетом по проблемам семьи, защиты женщин и детей с целью создания единой стратегии.

Борьба с бытовым насилием – это борьба за будущие поколения и за будущее государства. За будущее десятков сирот, которые в ходе этой войны оказываются в детских домах, потрясенные жестокостью близких – убийц их матерей. Потрясенные и озлобленные. Нет ни одного исследования по детям – жертвам бытового насилия.

Мягкость формулировки камуфлирует остроту социальной проблемы. Мнения врачей и юристов явно разделились, и как справиться с ростом агрессивности – неизвестно.

Фильм режиссера Эльдара Кулиева по повести Рустама Ибрагимбекова «В одном южном городе» вновь актуален. Многое изменилось, и дракон уже иначе выглядит, но по-прежнему грозен и агрессивен. Если в фильме двое мужчин – приятелей – договариваются, как обойти требования среды, то сейчас врачи и юристы фиксируют другое явление – редкость сговора с целью «кинуть» традицию. Наоборот, жесткое исполнение закона – смерть за своеволие.

Психиатры отмечают рост агрессивности в обществе, и как следствие — рост числа стремящихся любой ценой, даже самой жестокой, подавить сопротивление, отстоять свою власть, навязать требование к жене и детям подчиниться любой, самой дремучей форме идиотизма, каприза, мракобесия кормильца. Старшего, главного. Хозяина.

К сожалению, нет пока исследования по причинам роста преступности на сексуальной почве внутри семейных пар. Результат – бегство женщин из страны в Турцию, где правила более четко прописаны.

Идет массированная атака на светское общество, настолько агрессивное, что бытовое насилие в ряде стран по опасности государству надо приравнять к международному терроризму. Ущерб гораздо больший. Убить одну женщину — запугать сотни.

Растеряны и врачи, и следователи, и юристы. Убийцы далеко не истероиды, не аффектированные личности. Убивают чаще в трезвом состоянии и сознании. Страдая, быть может, но «так надо». Как правило, убийцы не покидают место преступления, часто сами звонят в полицию. Мы все рабы среды. Если женщина ослушалась – ее не должно быть. Шанс оправдаться исключен. Все должны знать – приговор приведен в исполнение. Юноше-убийце 17 лет, и когда он вернется из тюрьмы, отсидев полсрока и выйдя на свободу за «хорошее поведение», ему будет 23-24. Его женят, село выделит ему женщину, он станет со временем аксакалом села. Примером, судьей.

Позиция многих женщин, занимающихся гендерной проблемой: корень зла — мужская агрессия. Но приведенные примеры, мнение психиатров и юристов говорят об ином: это требование локальной общины. Мужчина вынужден выполнять требования среды.

Пример: 2018 год. Ахмед Р. обращается к брату: «Поручаю тебе своих детей. Завтра моей жены не станет, я сдамся и сяду в тюрьму». К счастью, старший брат быстро нашел верную тактику: «Оставь деньги на их воспитание и учебу. Надо минимум 27 тысяч манатов». Спорили долго, спустил до 25 тысяч и остановился. Ахмед Р.: «У меня таких денег нет». Ответ: «Когда соберешь — приходи». Убийство неверной жены пришлось отменить. Так забавно кончается далеко не всегда.

Еще пример: муж застал жену с любовником. Избил любовника, выпроводил из дома, а жену убил. На вопрос «Почему он обрекает себя на тюрьму», ответил: «Это принадлежит мне, имею право». Почему из-за своей «вещи» мужчина обязан лишать своих детей матери, а самому садиться в тюрьму, обрекая своих детей на нищету? Слишком много жертв для наказания своей «вещи». Отец знает, что дети возненавидят его и не простят. Все это осознавая, мужчина все равно совершает преступление. Дети лишаются матери, а также шанса состояться, получить приличное образование. Как правило, попадают в интернаты, село отказывается от них: «дети гулящей». Отец лишает своих детей матери, будущего, родной среды. И все равно идет на убийство.

Система правосудия не решает эту проблему и не может ее решить. Преступник ведь не несчастный муж, а община. Она убивает женщину, сажает в тюрьму ее мужа и делает нищими и озлобленными на отца и родное село детей убитой. Но никто не предъявляет общине претензии. Подобных случаев все больше и больше.

Отдельная тема: влияние домашнего насилия на качество будущих поколений. Бытовое насилие наносит урон качеству населения, соизмеримый с потерями от алкоголизма и наркомании.

Домашнее насилие ставит много вопросов. Одни психологи считают, что причина – резкий рост агрессивности в обществе. Другие: причина – бессилие, отчаяние, бедность, несоответствие требованиям времени, непомерные запросы супруги.

Государство наказывает за то, что село одобряет. Что произойдет с 17-летним в тюрьме? Он уверует в то, что государство судит их поступки неправильно.

Каждый удар ножом – тенденция. Стремление заставить подчиняться всех тех, кто узнает о наказании. О том, что преступница наказана. Убийца считает убитую преступницей. Требует, чтобы так к ней относились, а к нему – как к вершителю справедливого суда. И в безумии есть умысел. Нам кажется, что между нами и миром культа ножа – стена. Каждый удар ножом доказывает, что никакой стены нет. Вопрос «Как оборонялось общество кавказских республик, когда в 1920-х годах было начата борьба с этим явле-

нием» – приобрел актуальность в 21 веке.

Об актуальности проблемы защиты прав женщин в нашей стране говорила в своем выступлении в конце февраля 2019 года председатель Госкомитета по проблемам семьи, женщин и детей Хиджран Гусейнова. Она правомерно считает, что во всех мечетях страны должны требовать документ об официальном браке, прежде чем дать разрешение на религиозный брак, так как отсутствие государственной регистрации брака делает женщину бесправной. Согласно фетве совета газиев Управления мусульман Кавказа также запрещено заключать кябин до официального брака, до государственной регистрации. Однако мы наблюдаем множество семейных пар, которые, не заключив официального брака, состоят в религиозном браке, — отметила Хиджран Гусейнова. — Конечно, защита прав таких семей затрудняется. Поэтому есть необходимость в установлении наказания для тех мулл, кто дает разрешение на кябин без документа об официальном браке.

Для сравнения приведем ситуацию в не самой благополучной стране в Европе — Португалии. Эта страна на 21 месте в ЕС по данным института гендерного равенства. З из 5-ти опрошенных женщин считают себя жертвами домашнего насилия. Рост насилия отмечается во всех странах ЕС, но особенно в странах с низким уровнем образования. В Португалии в 2018 году от руки близких погибло 11 женщин. Это считается катастрофически высокой цифрой в ЕС. Темпераментная Испания на 11-м месте в списке института гендерного равенства. Гораздо лучше ситуация в среднем во Франции и Германии.

Статистика по Азербайджану – не ведется...

Случай из практики бакинской скорой помощи. Мужчина, отбыв наказание за убийство жены, возвращается в дом, где живут его сын и дочь. Дети его не приняли и даже не впустили в дом. Сын и дочь не хотят простить смерть матери и все унижения и тяготы жизни, которые им пришлось пережить за 10 лет. На пороге своего дома только вышедший из тюрьмы человек режет себе вены. Доставлен в больницу, дети ни разу не посетили отца.

Товуз, 2017 год. Муж убивает жену. На суде он заявил, что не жалеет о содеянном: она изменяла ему. Тогда 17-летний сын обращается к отцу: «Папа, ты говоришь о чести. Ты идиот, что я буду делать с 10-летней сестрой? Как мне ее вырастить и дать образование? Спасибо тебе, папа, мама — гулящая, папа — дурак, баран и слабак. Не возвращайся домой, у тебя нет дома и нет детей».

У каждого своя позиция и своя правда. Только культура, где во главу угла ставятся интересы детей, может справиться с противоречием позиций трех сторон: мужа, жены и детей.

Все чаще отмечается, что во имя «суда чести» и «смывания позора» мужчины пренебрегают интересами своих детей и тем более чужих. Главное — демонстрация силы, своей правды. Действуют по древнему правилу: «Кто не убивает обидчика, тот убивает себя». Если я не отомщу, мое сердце разорвется — частое объяснение убийц. Прекрасно знает, что останутся сиротами его дети, но »«мое сердце разорвется, если не накажу или не отомщу» — главный мотив преступления. Сразу после преступления испытывают интенсивное чувство облегчения.

Нож управляет человеком

20-летний жених поссорился с 17-летней невестой в ее доме. Хватает ружье, заряжает его, мать загораживает дочь, стреляет в мать, девочка убегает, жених стреляет ей в спину и убивает. Заявляет – ослеп от ярости.

2018 год. В зале суда в Мингячевире 37-летний ответчик А.Агаев во время разбирательства нападает на истицу Р.Мехтиеву, свою бывшую жену, и на глазах у 20-ти человек перерезает ей горло. С того дня в зал суда в этом городе пускают только после

обыска. Супруги развелись еще в 2014 году. Рассматривался вопрос о повышении алиментов их единственному ребенку. Муж знал, что будет перепалка, в зал суда принес с собой нож.

Исследования, книги, фильмы на данную тему очень нужны. Часто жертвы не понимают мотивов исполнителей приговора. Считают их больными. Но это здоровые люди. Никаких объяснений, выяснений, молча подходят и наносят удар. Все уже решено. Виновата женщина. Но часты случаи, когда прикрываются судом чести, чтобы или захватить чужое, или показать себя лидером в данной общине. Выходит, виновата среда, которая такого вершителя считает лидером, героем, человеком чести. Нож требует — потенциальной жертве не обсуждать неписаный закон. Потенциальному исполнителю — ты должен наказать. Отсидеть или не отсидеть — как придется. Главное — наказать и донести до общины: требование выполнено.

13-летнюю девочку изнасиловал 22-летний сосед. Убежал из села. Родители отсылают девочку к родственникам в Баку. Приезжает старший брат ее отца из России. 60 лет, претензии на альфа-самца. Желает убить насильника. Но его нет в селе. Тогда едет в Баку, входит в квартиру родственников — они ужинали — и несколько раз бьет ножом в область шеи девочки. «Она дала повод, вела себя нескромно, спровоцировала».

Специалисты отмечают: все чаще демонстративность – норма. В таких случаях убийца не покидает места преступления.

Преподаватель кафедры криминалистики БГУ, в прошлом эксперт и следователь Нариман Гусейнов, на его счету 300 раскрытых преступлений, в 1985 году был признан лучшим следователем СССР: «В советский период было гораздо меньше примеров демонстративности при совершении преступлений».

Юристы и психиатры не знают, как относиться к данной тенденции, считают: это – предмет будущих исследований. Но ответ нужен сейчас.

Мнение заместителя по научной работе кафедры гражданского права БГУ, профессора Ш.Самедовой: «Законодательная база в нашей стране соответствует международным стандартам. Но недостаточно масштабно проводится пропаганда современных требований в области проблем взаимоотношения полов, семейных проблем, воспитания детей. Не в достаточном объеме проводится консультативная работа по семейным проблемам и защите прав женщин. Это необходимо, так как на примере борьбы с ранними браками доказало свою эффективность. В нашей стране меньше фиксируется ранних браков, чем 20 лет назад. В 2016 и 2018 годах были публикации в международном журнале «Женщина, бизнес, право» (Вашингтон), где я в соавторстве с Г.Алескеровой анализировал применяемые при домашнем насилии законы в нашей стране в сравнении с аналогичными законами США, Франции, Украины. Теме домашнего насилия была посвящена диссертация Г.Алескеровой».

Нейтрализация суда чести пропагандой? Хотя бы частично — возможно, но и этого не происходит, что говорит об отсутствии тревоги в обществе. Мало исследований причин роста агрессивности и жестокости, сотен и сотен случаев проявления домашнего насилия. Они не дорастают до преступлений, но уничтожают нормальные отношения супругов, пагубно воздействуют на судьбы детей. Надо отметить, что бытовое насилие — один из базовых параметров, по которым ОБСЕ и другие структуры ЕС определяют состояние гражданского общества в данной стране.

От чего зависит снижение уровеня домашнего насилия? Психиатры считают: стране нужно 10 тысяч психиатров. Мнение юристов: надо ужесточить ряд законов. Но если в зале суда мужчина перерезал горло бывшей жене, то не в законах дело...

ДЕТСКАЯ СТРАНИЧКА

ТОФИК АГАЕВ

Мяу

Я с набитым кашей ртом Разговаривал с котом. Кот сказал мне: «Мяу!» Я вас не понимяу!

Таракан

Эй, дружище, таракан,Ты зачем залез в стакан?Вижу вкусное явленье,Называется – варенье!

Гора

Огромную гору Вчера я свернул. Потом передумал, Назад вернул.

Пилот

Ты хочешь стать пилотом,Чтоб править самолетом?Мечтаю я пилотом стать,Пока учусь во сне летать!

Чучело

Говорило мне чучело: «В огороде стоять наскучило. Давайте же мы с вами Поменяемся местами!»

Мед

Кто любит мед И всегда его хвалит, Того никакая Пчела не ужалит!

Цыпленок

Цыпленок учит курицу, Как переходить улицу.

Скелеты

У скелетов мы гостили, Нас прекрасно угостили. Говорили, для гостей Нам не жаль своих костей.

Корона

На нашу ворону Надели корону. Ох, тяжела корона, Не взлетает ворона!

Бублик

Я придумала игру: Ем от бублика дыру. Играть мне надоело, Я целый бублик съела!

ЗЕЙНАБ АЛИГЫЗЫ

Рассказы

Перевод Али САИДОВА

Игра в «дочки-матери»

- Тетя!
- Да, радость моя!
- Что ты там делаешь?
- Постель убираю, счастье мое.
- Тетя, давай сыграем в «дочки-матери».
- Позволь, я закончу все дела, потом сыграем.

***

- Тетя!
- Да, я тебя слушаю.
- У тебя опять времени нет?
- Что случилось, дочка?
- Сыграем в «дочки-матери»...

- Сейчас, посуду домою...
- Ладно...

***

- Тетя!
- Пора спать, счастье мое. Утром проснемся, позавтракаем и поиграем, во что ты хочешь.
  - Нет, я не об этом. Давай будем спать, как мама и дочка.
- Мы и так мама и дочка, радость моя. И спим мы вместе. Да и целый день мы вместе.
  - Тетя, возьми меня на руки...
  - Счастье мое, я же статью должна дописать...
  - Тетя, а почему ты, когда все ложатся спать, что-то пишешь?
  - А потому, что когда все ложатся спать, наступает тишина.
  - А когда никто не спит?
- Тогда бывает очень шумно. И работы у меня бывает много. Готовлю, мою посуду, стираю...
  - Тетя...
  - Да, мой чертенок?
  - Почему моя мама ушла, всего этого не сделав?
  - Не знаю, ушла...
  - Она и так не была моей мамой...
  - Нельзя так говорить.

Тетя помолчала, потом сказала:

- Она ушла, чтобы мы могли играть в «дочки-матери».

Обе рассмеялись.

- Ладно, спи, уже поздно, в это время все дети спят.
- Все дети спят с мамами, а ты ко мне не идешь... девочка заплакала.
- Ладно, иду...
- А писать не будешь?
- Потом напишу.
- Потом это когда?
- Когда ты вырастешь.

***

Подошла годовщина кончины матери тети. Она сходила на ее могилу, вернулась совсем подавленная. Девочка играла с игрушками, веселилась. Увидев покрасневшие от слез глаза тети, подошла к ней:

- Почему ты не в настроении, с папой поругалась? девочка почему-то считала, что муж тети ее папа).
  - Не знаю дочка, устала.
  - Устала? А когда отдохнешь, мы сыграем в «дочки-матери»?
  - Сыграем, не возражаю. Но как надо играть, я ведь не знаю?
  - Вот так. Ты как бы моя мама, даешь мне деньги и отправляешь меня на базар.

А я там покупаю вот эти игрушки. Тебе нравится?

– Не-е-т...

- Почему? девочка сразу поникла, ее зрачки расширились от удивления.
- Ты будешь моей мамой...

Девочка весело рассмеялась:

- Тетя, я же маленькая, какая из меня мама?!
- Но ведь ты недавно говорила, что уже большая. Что вдруг случилось?
- Тетя... мамой должна быть ты...
- Но почему?
- Потому что ты большая, а я маленький ребенок.
- Нет, ты должна быть моей мамой.
- Почему, тетя?
- Потому что я назвала тебя именем моей мамы.

Девочка задумалась, потом сказала:

- Давай так... мы обе будем мамами. Хочешь?
- Хочу...
- Тетя, твоя мама умерла?
- Нет, она ушла в другой мир.
- В другой мир?
- В другой мир...
- И моя тоже... Ну скажи, почему настоящие мамы уходят? Что там есть в другом мире?.. Тетя, давай мы обе станем мамами. Причем настоящими.
  - ...и дочками...
  - А как мы будем называть друг друга?
  - Мамина дочка...
  - Спасибо, тетя! Хорошо, что ты со мной играешь в «дочки-матери»!

Вдруг она замолкла, уставившись на дверь, где, прислонившись к притолоке, стоял ее дядя и наблюдал за игрой.

– Дядя, мы с тетей играем в «дочки-матери». Она мне...

Дядя беззвучно плакал...

– Дядя, что с тобой? Не плачь, мы и тебя примем в игру. Тетя и тебе даст денег и отправит на базар. И моего папу... А я для всех вас буду мамой... Не плачь, дядя...

Хищник

Воробышек беззаботно прыгал. Он ни на кого не обращал внимания. Иногда, когда люди проходили слишком близко, вспархивал. То на электрические провода, то на кусты повыше, чтобы не достал человек.

Алисахиб ел яблоко, наблюдая за воробышком. В отличие от других птиц, в воробье его привлекали смешные подпрыгивания.

Воробышек, чирикая и перепрыгивая с ветки на ветку, вернулся на свое место. Ему было весело. Никто его не трогал. Алисахибу подумалось, что воробышек или собирается вить гнездо, или оно уже есть в кустах, куда он носит насекомых для своих желторотых птенцов.

Однажды тетя отвела Алисахиба к кусту шиповника, который рос чуть ниже того, на котором сидел воробышек. Отогнув палкой колючую ветку, она показала ему гнездо дрозда, в котором было несколько яиц. Сколько ни просил Алисахиб разрешить ему забрать хотя бы одно яйцо, тетя не позволила, разрешив лишь потрогать их. «Там, внутри, маленькие желтоклювые комочки», – сказала она...

Вдруг откуда-то появилась серая кошка и в прыжке схватила вспорхнувшего воробышка. Послышался только предсмертный писк птички.

Кошка положила воробышка на землю, потом опять схватила его. Воробышек не двигался. Только маленькие, словно застывшие глазки блестели. А кошка была довольна своей победой над такой беспомощной, маленькой дичью. Но Алисахиб видел в ее глазах и другое, непонятное выражение. Может, кошке было смешно от того, что воробышек понадеялся на свои крылья, и теперь она иронично смотрела на него.

Через мгновение кошка, как и появилась неожиданно, также и исчезла. Алисахиб стоял, как прикованный. Он наконец узнал эту кошку. Это была домашняя кошка тети. Она очень любила ее и иногда спрашивала у Алисахиба: «А ты не хотел бы быть ее котенком?». Алисахиб всегда отвечал «да».

Алисахиб понял, что кошка не будет одна есть воробышка, а скормит котятам. Тетя говорила, что она покупает для кошки на базаре и мясо. Иногда, когда тетя брала котенка на руки, Алисахиб гладил его. Было приятно и щекотно от шелковистой шкурки и еще неокрепших коготков малыша.

Алисахиб отбросил в сторону недоеденное яблоко и направился прямо к «дому» кошки. Он не ошибся, трупик воробышка был там. Но Алисахиб уже опоздал. Серые перышки воробышка уже были игрушками для котят, а одну ножку он увидел в пасти котенка, который хрустел им. Съев ножку, котенок стал облизывать лапу, которая была в крови. Но котенок этим не ограничился, встал, обнюхивая землю, направился к матери. Когда он обнюхивал землю, пух и перья воробышка разлетались во все стороны. Заметил Алисахиб и то, что котенок хромает, половины задней ноги у него не было. Почему-то тетя этого котенка Алисахибу не показывала. Ему стало жалко котенка. Котенок подошел к матери и тихо мяукнул. Кажется, он был ещё голоден. Но кошка, положив голову на лапы, дремала. И вдруг Алисахиба все кошки стали раздражать. Ведь теперь желторотые птенцы воробышка остались без матери...

- Алисахиб, где ты, мой мальчик? раздался голос тети.
- Я здесь, у кошки.
- У кошки? рассмеялась она. Ты что, в гости пошел?

Потом тетя подошла и, посмеиваясь, стала смотреть, как котята играют с хвостом матери.

– Ну что, ты хочешь быть котенком этой кошки? Смотри, какие они маленькие, красивые. Прямо как ты, сладкие. Видишь, кошка их любит так же, как мама любит тебя. Ну что, хочешь быть котенком?

Алисахиб растерялся. Потом с удивлением стал смотреть то на тетю, то на кошку, которая дремала, иногда лениво помахивая хвостом. Через некоторое время эта кошка придет к ним, и, как ни в чем не бывало, будет ластиться, выгибать спину и тереться о ноги тети, просить, чтобы ее покормили... Нет, он не хочет быть котенком этой кошки.

- Почему ты на меня так смотришь? Ты же всегда хотел быть ее котенком. Почему молчишь, не хочешь быть котенком?
  - H-е-е-т...
  - Почему??? удивленно спросила тетя.
  - Потому что... Алисахиб сглотнул слюну, у котенка нет одной ноги.

Тетя задумчиво посмотрела на Алисахиба, потом перевела взгляд на котенка. Но промолчала.